

ISSN 2077-5911

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2024

2(60)

Ψλ

Филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2 (60) 2024
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2 (60) 2024
Moscow

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уфимцева Наталья Владимировна, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Красных Виктория Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Мягкова Елена Юрьевна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Липгарт Андрей Александрович, доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета МГУ, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Ионова Светлана Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, МО РФ, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, Москва (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Адыгейского государственного университета, Майкоп (Россия)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Завьялова Виктория Львовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор, Ханой (Вьетнам)

Мамаева Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск (Россия)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-восточного федерального университета им М.К. Аммосова, Якутск (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, Хайфа (Израиль)

Пешкова Наталья Петровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Башкирского государственного университета, Уфа (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Рудакова Александра Владимировна, доктор филологических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, (Россия)

Сергиева Наталья Станиславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар (Россия)

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, Москва (Россия)

Теркулов Вячеслав Исаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета, Донецк (Донецкая Народная Республика)

Хуан Тяньдэ, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу (Китай).

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник центра исследования русского языка, культуры и литературы Хэйлунцзянского университета, Харбин (Китай)

Чжао Цюэ, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета, Харбин (Китай)

Чугунова Светлана Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», Брянск (Россия)

EDITORIAL BOARD

Natalya V. Ufimtseva, *Chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Moscow (Russia)

Victoria V. Krasnykh, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Discourse and Communication Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena Yu. Myagkova, *Deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Theory of Language, Translation and French Philology, Tver State University, Tver (Russia)

Andrey A. Lipgart, Doctor of Philology, Professor, Dean of Faculty of Philology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Liviu M. Terentiy, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Irina A. Bubnova, Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language and Literature, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Svetlana V. Ionova, Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Russian State Social University, Moscow (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language as Foreign, South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *Executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Scientific Editor of Publishing Department of Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Mariet P. Akhidzhakova, Doctor of Psychology, Professor, Head of Department of General Linguistics, Adyghe State University, Maykop (Russia)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Professor of Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Larisa O. Butakova, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Tatyana A. Gridina, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Philology and The Russian Language, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Elena N. Gutz, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, Faculty of Philology and Media Communications, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Viktoria L. Zavyalova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of Philology and Cross-cultural Communication, Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Hanoi (Vietnam)

Tatyana V. Mamaeva, Candidate of Philology, Docent, Dean of Philology Faculty, Astafyev Krasnoyarsk State Pedagogical, Krasnoyarsk (Russia)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, University of Rochester, Rochester (USA)

Olga A. Melnichuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of French Philology Department, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Haifa, (Israel)

Natalya P. Peshkova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages for Science Faculties, Bashkir State University, Ufa, (Russia)

Fyodor B. Polyakov, Doct. Habil., Professor, Head of Department of East Slavic literature, Institute of Slavic Studies, University of Vienna, Vienna (Austria)

Alexandra V. Rudakova, Doctor of Philology, Voronezh State University, Voronezh, (Russia)

Natalya S. Sergiyeva, Doctor of Philology, Professor of Management and Marketing Department, Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar (Russia)

Evgeny F. Tarasov, Doctor of Philology, Moscow (Russia)

Vyacheslav I. Terkulov, Doctor of Philology, Professor, Head of The Russian Language Department, Donetsk National University, Donetsk, (Donetsk People's Republic)

Huang Tiande, Candidate of Philology, Leading researcher of The Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou (China)

Ju Yunsheng, Doctor of Philology, Leading Researcher at the Centre for the Study of the Russian Language, Culture and Literature of Heilongjiang University, Harbin (China)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogy, Professor, Director of Institute of Slavic Languages, Harbin Normal University, Harbin (China)

Svetlana A. Chugunova, Doctor of Philology, Docent, Professor of Department of the English Language Theory and Translation Studies, Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk (Russia)

ПАМЯТИ А.А. ЛЕОНТЬЕВА

Уфимцева Н.В. (<i>Москва, Россия</i>) История возникновения отечественной психолингвистики – теории речевой деятельности.....	11
Маланов С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Алексей Алексеевич Леонтьев... Ученый, учитель, человек.....	18

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Григорьев А.А., Балясникова О.В. (<i>Москва, Россия</i>) Психолингвистические переменные как предикторы количественных показателей обратного ассоциативного словаря	27
Выговская Д.В., Харченко Е.В. (<i>Челябинск, Россия</i>) Безопасность как ценность в российском обществе: диахронический аспект.....	37
Гридина Т.А., Абрамова Н.А. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) «Рисунок пером»: игровой текст в аспекте его восприятия	47
Миронова Н.И. (<i>Москва, Россия</i>) Использование метаграфемных средств для выражения эмоций в интернет-комментариях.....	64
Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С. (<i>Уфа, Россия</i>) Новые формы прецедентного текста в современной интернет-коммуникации.....	77

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Лазуткина Е.М. (<i>Москва, Россия</i>) О механизмах влияния на речевой узус в эпоху концентрированной войны.....	90
Теркулов В.И. (<i>Донецк, Россия</i>) Соотношение языковой и этнической идентификации.....	104

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Цинь Мэн (<i>Ганьсу, Китай</i>) Структурно-содержательная трансформация концепта-сценария ТРУД на материале публицистики 1940–2020-х гг.	116
Чжан Ди (<i>Челябинск, Россия</i>) Отражение цвета эмоций в языковом сознании: сопоставительный аспект.....	130

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Мягкова Е.Ю. (<i>Тверь, Россия</i>) Психолингвистические исследования на кафедре иностранных языков юго-западного государственного университета (Курская группа психолингвистики).....	139
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кравцова В.В. (*Москва, Россия*)

II Всероссийская конференция с международным участием «Язык, сознание, коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности)», Москва, 8–10 апреля 2024 г. »..... 142

Никуличева Д.Б. (*Москва, Россия*)

Круглый стол «Полиглотия»: направления исследований 2024..... 145

Приглашение на конференцию «Слово и текст: поиски смысла»..... 150

IN MEMORIAM

Памяти И.А. Зимней 152

ИНФОРМАЦИЯ

Правила оформления и предоставления рукописи в журнал..... 154

IN MEMORY OF A.A. LEONTYEV

Ufimtseva N.V. (<i>Moscow, Russia</i>) History of the emergence of Russian psycholinguistics – the theory of speech activity.....	11
Malanov S.V. (<i>Moscow, Russia</i>) Alexey Alexeevich Leontiev... Scientist, teacher, person.....	18

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Grigor’ev A.A., Balyasnikova O.V. (<i>Moscow, Russia</i>) Psycholinguistic variables as predictors of quantitative indicators of reverse associative dictionary	27
Vygovskaya D.G., Kharchenko E.V. (<i>Chelyabinsk, Russia</i>) Safety as a value in Russian society: diachronic aspect.....	37
Gridina T.A., Abramova N.S. (<i>Ekaterinburgs, Russia</i>) “Drawing by feather”: game text in the aspect of its perception	47
Mironova N.I. (<i>Moscow, Russia</i>) Metaphoric means used to express emotions in online comments.....	64
Peshkova N.P., Moiseeva A.V., Titlova A.S. (<i>Ufa, Russia</i>) New forms of precedent text in modern internet communication	77

DISCUSSION

Lazutkina E.M. (<i>Moscow, Russia</i>) On the mechanisms of influence on speech practice in the era of war on the defeat of consciousness.....	90
Terkulov V.I. (<i>Donetsk, Russia</i>) Correlation of linguistic and ethnic identification.....	104

YOUNG SCHOLARS’ STUDIES

Qin Meng (<i>Gansu, China</i>) Structural and Content Transformation of the Concept-Scenario LABOR on the Material of Publicism of 1940-2020s.....	116
Zhang Di (<i>Chelyabinsk, Russia</i>) The relationship between color terms and emotive vocabulary: a comparative aspect...	130

PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH IN RUSSIAN REGIONS

Myagkova E.Yu. (<i>Tver, Russia</i>) Psycholinguistic research at the Department of Foreign Languages off the Southwest State University (Kursk Group of Psycholinguisti	139
--	-----

cs).....

SCIENTIFIC LIFE

Kravtsova V.V. (*Moscow, Russia*)

II All-Russian conference with international participation “Language, consciousness, communication: methodology and humanitarian practices (challenges of our time)”, 142
Moscow, April 8-10, 2024 .....

Nikulicheva D.B. (*Moscow, Russia*) 145

Round table “Polygloty”: Research directions – 2024..... 150

Invitation to the conference “Word and text: search for meaning” .....

IN MEMORIAM 152

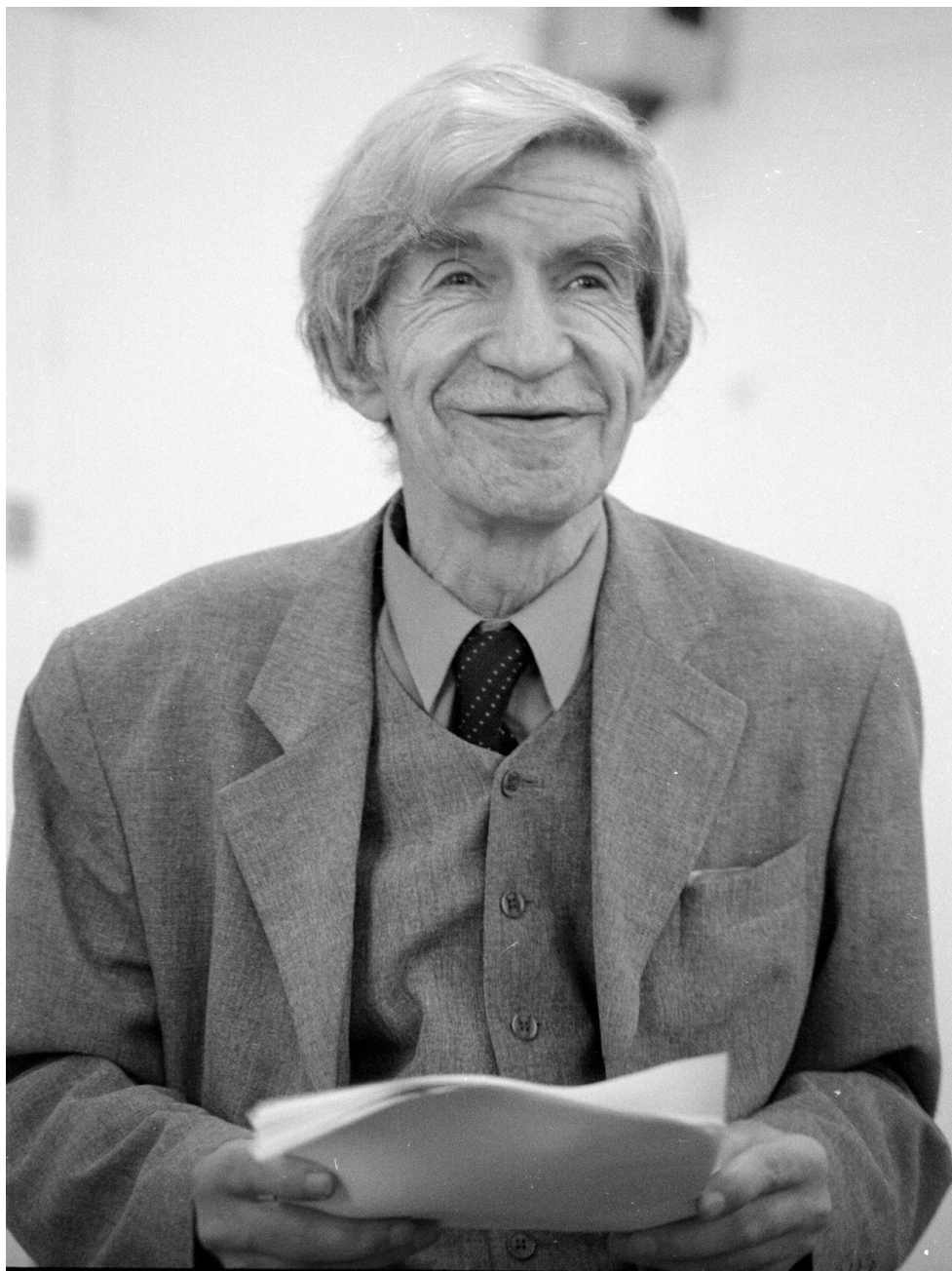
In memory of I.A. Zimnyaya.....

INFORMATION 154

Manuscript Submission Requirements.....

ПАМЯТИ А.А. ЛЕОНТЬЕВА

(к 20-летию со дня смерти)

Алексей Алексеевич Леонтьев
1936 — 2004

УДК 81'23

ББК 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-11-17

Обзорная статья

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ – ТЕОРИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уфимцева Наталья Владимировна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Памяти Учителя – Алексея Алексеевича Леонтьева

Аннотация

Статья представляет собой попытку осмыслить и описать историю возникновения в 60-е годы XX века новой междисциплинарной научной дисциплины – отечественной психолингвистики (теории речевой деятельности) и роли в этом процессе Алексея Алексеевича Леонтьева.

Ключевые слова: теория речевой деятельности, А.А. Леонтьев, отдел психолингвистики

Возникновение отечественной психолингвистики как нового научного направления связано прежде всего с именем Алексея Алексеевича Леонтьева. И это тот редкий случай в науке, когда авторство целого научного направления можно приписать одному человеку. Конечно, психолингвистика уже существовала в США, но отсутствие адекватной психологической теории не позволило ей ответить на сформулированные самими исследователями вопросы: как происходит порождение и восприятие речевого высказывания, как ребенок овладевает языком и т.п. И тут как нельзя лучше пригодился личный опыт Алексея Алексеевича, выросшего в семье известного советского психолога А.Н. Леонтьева – создателя психологической теории деятельности.

«Алексей Алексеевич Леонтьев родился 14 января 1936 года в Москве, в семье известного психолога Алексея Николаевича Леонтьева. Окончив среднюю школу с золотой медалью, Алексей Алексеевич Леонтьев поступил на романо-германское отделение филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, учебу на котором завершил в 1958 году. Еще в студенческие годы Алексей Алексеевич проявил склонность к научной работе, его дипломная работа получила высокую оценку и легла в основу двух публикаций, благодаря чему он в виде исключения был принят на работу в Институт языкознания Академии наук СССР – сначала в сектор германских языков, а затем был переведен в сектор общего языкознания. В 1963 году А.А. Леонтьев защитил кандидатскую диссертацию по теме «Общелингвистические взгляды И.А. Бодуэна де Куртенэ»; в том же году при его активном участии вышел двухтомник избранных работ Бодуэна де Куртенэ.

С начала 1960-х гг. А.А. Леонтьев увлекся новой научной областью – психолингвистикой и стал автором первых статей и книг по психолингвистике

в СССР. В 1968 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности», а с 1969 года возглавил в Институте языкознания Группу психолингвистики и теории коммуникации» [Леонтьев, Леонтьева, Тарасов 2016: 11].

Событием, которое официально положило начало психолингвистическим исследованиям в СССР, можно считать Первый Семинар по психолингвистике, который состоялся 30 мая – 1 июня 1966 года сразу на двух площадках: в Институте языкознания в Москве и в ЛГУ в Ленинграде и был организован А.А. Леонтьевым. Весьма примечательным являлся и сам состав его участников: А.Р. Лурия, Л.С. Цветкова, Г.П. Щедровицкий, Н.Д. Климов, С.Д. Кацнельсон, С.К. Шаумян, Р.Г. Пиотровский, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, Л.Р. Зиндер, Р.М. Фрумкина, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, Г.П. Мельников, А.А. Брудный, В.М. Павлов и др.

История возникновения и развития психолингвистических исследований в СССР связана прежде всего с Институтом языкознания АН СССР и начинается с Проблемной группы психолингвистики, которая была создана решением Ученого Совета Института языкознания АН СССР 17 ноября 1967 г. В ее состав вошли сотрудники и аспиранты Института языкознания: А.А. Леонтьев (руководитель группы), Н.Н. Коротков, О.Н. Селиверстова, Е.М. Вольф, Р.М. Фрумкина, В.М. Павлов, Е.М. Иванова, А.П. Василевич, А.Н. Журинский, а также Е.Л. Гинзбург (Институт русского языка АН СССР), Н.И. Лепская (филологический факультет МГУ) и И.И. Ильясов (факультет психологии МГУ). Вот как об этом пишет сам А.А. Леонтьев:

«Работа Группы началась в четверг 28 декабря докладом И.И. Ильясова «“Психологическая реальность” трансформационной грамматики». 8 февраля Р.М. Фрумкина и А.П. Василевич выступили с совместным докладом «Исследование восприятия слов тахистоскопическим методом». 7 марта состоялся доклад А.А. Леонтьева «Теоретические основы и состояние готовности “Словаря ассоциативных норм русского языка”». 11 апреля Г.П. Мельников (МГПИ им. В.И. Ленина) прочитал доклад «Анализ процесса наименования». 23 мая О.Н. Селиверстова выступила с докладом «О роли исследования свойств денотатов при выделении семантических компонентов». 14 ноября состоялось заседание, на котором Т.В. Рябова (Ахутина) выступила с докладом о взглядах Л.С. Выготского на фазную структуру внутренней стороны речи, а Е.М. Верещагин и А.А. Леонтьев проинформировали собравшихся о новой зарубежной и советской литературе по психолингвистике. 12 декабря обсуждался доклад А.А. Леонтьева «Смысл как психологическое и психолингвистическое понятие».

Наряду с систематическим обсуждением докладов (хотелось бы назвать в числе постоянных и активных участников этих обсуждений Н.И. Жинкина, В.М. Андрущенко, А.Е. Кибрика, И.Ф. Вардуля, Е.М. Верещагина) проблемная группа вела и другую работу. Так, она подготовила и провела в июле 1968 г. Второй симпозиум по психолингвистике, на котором с докладами и сообщениями выступили 7 из 12 членов группы» [Леонтьев А.А. 2007: 6].

Официальная история отдела психолингвистики начинается с 1969 года, когда в штатном расписании Института языкознания РАН появляется Группа психолингвистики и теории коммуникации, которую возглавил Алексей Алексеевич Леонтьев, а первым сотрудником стал Александр Маркович Шахнарович.

О том, как это начиналось и было при Алексее Алексеевиче – слово Юрию Александровичу Сорокину:

«Но сначала был Алексей Алексеевич Леонтьев. Хочется даже сказать: «Изначально был». В некотором научном царстве-государстве, что на Волхонке, в уцелевших подсобных строениях (флигелях?) старинной дворянской усадьбы, соседствующей с музеем Изобразительных искусств имени Пушкина. Царство-государство не ахти какое, в два этажа, если память мне не изменяет, и на каждом из них вольнодумствовали по мере сил и возможностей сектора – уделы размером в одну небольшую комнату. Совсем маленькая – столы стояли впритык, повернуться было негде – досталась А.А. Леонтьеву после того как он, словно князь Курбский, бежал из германского сектора, где его и ценили, и привечали, но не одобряли его семейного интереса к психологии и «преждевременного» теоретизирования о Доме бытия – о его архитектуре, сути и назначении. Словом, А.А. обособился с полудобрения, естественно, начальства, которое решило: отпустим и поглядим, что из этого получится. (Сейчас, по прошествии четырех десятков лет, можно сказать: стоила овчинка выделки, стоила, хотя многие в этом сомневались, считая, что и молодость ему помеха, и исследовательский талант подозрителен и легковесен) ...

Получил эту маленькую комнату А.А. после того как ему разрешили заведовать Группой психолингвистики и теории коммуникации. Он понимал: нужны сотрудники-союзники, небольшая, но дружина. Одному тянуть новенький воз непосильно и трудно. Я присоединился к ней – по рекомендации Ольги Николаевны Михеевой, у нее учился А.А., – когда в этой комнате уже хозяйничали А.А. и Саша Шахнарович (где он его нашел – не помню). Потом А.А. сманил из Ленинграда Наталью Уфимцеву, а позже и нашего нынешнего шефа Евгения Федоровича Тарасова (кажется, он преподавал в ту пору в Военном институте). Значительно позже – после смерти А.А. Реформатского и «коловоращений» внутри его бывшего Сектора – к нам пришли Саша Василевич и Ревекка Марковна Фрумкина.

Защитили мы кандидатские диссертации – Саша, Наталья и я, – не отрываясь от нашего годового планового конвейера. А.А. был доволен: Группа посолднела. И завертелась дни и недели. Сашу А.А. благословил заниматься детской речью (речевому онтогенезу А.А. уделял – и справедливо – большое внимание), а нам, Наталье, Евгению Федоровичу и мне, досталось все остальное. А его хватало с избытком: нужно было разбираться в том, о чем шумят ненародные витии – лингвисты и психологи, чтобы не выглядеть профанами, отыскивать свое, и, по возможности, нетривиальное, внутри отвердевших осыпей взглядов и мнений и доказывать еще оспариваемое право на научное существование.

Для этого очень годились Симпозиумы по психолингвистике и теории коммуникации – обустройством их занимались вчетвером, – на которых и себя можно было показать, и других увидеть, обмениваясь с ними тем, что знаешь и что напридумывал. Именно на них довелось познакомиться с А.А. Брудным, И.Н. Гореловым, А.П. Журавлевым, А.С. Штерн, перемолвиться парой фраз с А.Н. Леонтьевым и Б.Ф. Поршневим. Они, старший Леонтьев и Борис Федорович, были благожелательны к нам, иные – но не на Симпозиумах – относились иначе: они, как говаривал М.Е. Щедрин, «... плечи на ударение, хресты

на раны, улы на раздробление, телеса на муки предавали», и, естественно, телеса наши, а не свои.

Поводы для этого искать не приходилось: смущала теория деятельности, заимствованная у психологов (А.Н. Леонтьев, А. Валлон, но и Ж. Пиаже) и адаптируемая к потребностям лингвистики, стремление разобраться в механизмах восприятия и порождения речи (Т. Ахутина, а позже и А.А. Залевская) и представить в компактной и убедительной форме «грамматику говорящего» (она не написана до сих пор, хотя задача – сверхзаманчивая), требование, и к себе, но и к другим, экспериментально проверять и доказывать свои утверждения, жертвуя гипотезами/теориями первого уровня (умозрительными/абстрактными) в пользу гипотез третьего уровня (промежуточных / операциональных). Если к этому добавить, что А.А. был явным поливановцем (собрал и издал работы Е.Д. Поливанова, хотя, кажется, не все), а я – скрытым потебнианцем и уорфианцем, то картина получалась вполне импрессионистическая...

О своих и чужих «салазочках» спорили в коридорах (с Толей Новиковым, Борисом Якушиным, Вероникой Телия. В последние годы своей жизни к нашим, психолингвистическим, «салазочкам» стал внимательно приглядываться и Г.В. Колшанский).

По поводу и без оного собирались и у шефа, у А.А., благо он жил почти в самом Центре. Он всеми силами старался выбивать из нас пыль официальности, которая стояла столбом на всех этажах Института. Лучшие всего это было делать дома, в обыденной семейной обстановке за неторопливым ужином попеременно с разговорами обо всем понемножку. А в соседних комнатах еще играли напоследок дети. Эту атмосферу домашности А.А. старался перенести и в Группу, незаметно приучая к ней. Если к этому добавить его терпимость / толерантность к человеческим слабостям и творческой полусостоятельности приходящих и претендующих, а они были частыми гостями, его неприязнь к социальным альпинистам, дружескую равнопартнерскую манеру беседовать и спорить, отстаивая важное и отбрасывая мелочи, ценить не обещания, а дела, не маскарады честолюбий и претензий, а счастливые идеи и нетривиальные мысли, знать многое и о многом помимо двух своих профессий – лингвиста и психолога – и поощрять набег в сопредельные с психолингвистикой домены («мы не заимствуем, мы СВОЕ берем»), можно сказать, что вопреки всем титулярным советникам и миру их ценностей, верований и притязаний МЫ жили и работали СЧАСТЛИВО...

Когда нам говорят: «У вас здесь хорошо: спокойно и доброжелательно» – мы отвечаем: «По традиции. Не нами заведено, и, надеюсь, не нами и кончится» [Сорокин 2007: 7–8].

Уже после ухода Алексея Алексеевича из Института языкознания в 1986 году Группа психолингвистики и теории коммуникации стала сектором, а в 2011 – отделом психолингвистики, в состав которого входили сектор общей психолингвистики, сектор этнопсихолингвистики и Научно-образовательный центр межкультурных исследований им. А.А. Леонтьева.

Силами сотрудников отдела психолингвистики организовано и проведено 20 Симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации (проходят раз в три года),

в том числе X Международный конгресс Международной ассоциации по прикладной психолингвистике (ISAPL), 8 ежегодных конференций «Жизнь языка в культуре и социуме» (проходят начиная с 2010 года). С 2003 года издается журнал «Вопросы психолингвистики».

Начав с критического осмысления и анализа американской психолингвистики, Московская психолингвистическая школа очень быстро, хотя отнюдь не безболезненно, обрела собственное лицо. Постепенно расширяя свой предмет, отечественная психолингвистика выросла в самостоятельную научную дисциплину, работающую на стыке лингвистики, общей, этнической и социальной психологии, культурологии, социологии. Особо хочется отметить сформулированное Алексеем Алексиевичем новое представление о языке как о деятельностной структуре, «к которой принадлежат значения как социальные по своей сущности единицы, универсальная организация речевой деятельности по единицам и уровням и, наконец, специфичные для каждого языка операторы (непосредственные средства речепорождения и речевосприятия)» [А.А. Леонтьев 1996: 43], о значении слова как отражении социокультурной реальности.

Сформировались новые области исследования: языковое сознание, онтогенез языковой способности, фоносемантика, психопэтика, этнопсихолингвистика, слово как достояние индивида, индивидуальный лексикон, теория общения, интен-анализ речи, психологическое литературоведение, психология грамматики. Построены модели порождения речи (а по сути, модели языковой способности – Т.В. Ахутина-Рябова, А.А. Леонтьев, Т.Н. Ушакова), смыслового восприятия речи (И.А. Зимняя, Н.И. Жинкин), понимания текста (А.А. Залевская), межкультурной коммуникации (Е.Ф. Тарасов), первая сетевая модель образа мира носителей русского языка по материалам РАС, на основе которой сформированы представления о культуре как системе сознания (Н.В. Уфимцева). Разработаны оригинальные методики исследования текста: семантический интеграл (Ю.А. Сорокин), теория лакун (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина) и методы анализа ассоциативного поля (семантический гештальт Ю.Н. Караулова и его модификации и метод выявления яркости ассоциатов И.А. Стернина).

Изданный в 1977 году А.А. Леонтьевым первый словарь ассоциативных норм русского языка [Словарь... 1977] положил начало еще одному новому направлению исследований – ассоциативной лексикографии. К настоящему времени собран огромный корпус экспериментального материала по разным языкам и культурам, прежде всего, в виде ассоциативных словарей, самым большим из которых по объему являются Русский ассоциативный словарь (РАС) и Славянский ассоциативный словарь (САС), созданный на базе четырех языков: белорусского, болгарского, русского и украинского. Работа над Русским ассоциативным словарем получила высокую государственную оценку в виде Премии Президента РФ. Продолжается работа по сбору экспериментального материала для Русского регионального ассоциативного словаря, состоящего из трех самостоятельных баз данных: ЕВРАС (эксперименты проводятся в Европейской части РФ), УРРАС (эксперименты проводятся на Урале) и СИБАС (эксперименты проводятся в Сибири и на Дальнем Востоке); заканчивается работа над Крымским ассоциативным словарем и сбор материала для Ассоциативного словаря жителей Донбасса.

Написаны и напечатаны десятки монографий – индивидуальных и коллективных, многочисленные сборники статей и материалов симпозиумов и конференций. В 2021 году вышла в свет коллективная монография «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)» [Российская психолингвистика... 2021], в которой подведены итоги развития нашего научного направления и намечены перспективы его развития.

Защищены сотни кандидатских и десятки докторских диссертаций, выросла целая плеяда ярких исследователей, написано около десятка учебников (см. их перечень в [Российская психолингвистика... 2021]), психолингвистика стала учебной дисциплиной. Все это свидетельствует о том, что психолингвистика вступила в такой период своего развития, когда полностью сформировалась ее парадигма, и она стала по классификации Т. Куна «нормальной наукой».

И все это благодаря тому, что в далекие уже шестидесятые годы прошлого века Алексей Алексеевич Леонтьев заинтересовался проблемами зарубежной психолингвистики и заложил основы отечественной теории речевой деятельности. Вот уже 20 лет его нет с нами. Нет и многих из тех, кто стоял у истоков этой науки.

Теперь уже филологический факультет МГУ взял на себя функцию координатора психолингвистических исследований в нашей стране, здесь работает межфакультетская магистратура по психолингвистике, читается курс ФПК по этой дисциплине. Свою объединительную и учительную функцию продолжает выполнять и журнал «Вопросы психолингвистики», который входит в 1 категорию в списке ВАК и в список МГУ. Факультет уже два года подряд участвует в организации Всероссийской конференции с международным участием «Язык. Сознание. Коммуникация», а сейчас начата работа по подготовке очередного XXI Симпозиума по психолингвистике «Язык как деятельностьная структура», который организаторы хотят посвятить грядущему в 2026 году 90-летию со дня рождения А.А. Леонтьева.

А это значит, что главное дело жизни Алексея Алексеевича Леонтьева продолжает жить и развиваться.

© Уфимцева Н.В., 2024

Литература

Леонтьев А.А. Язык не должен быть чужим // Этнопсихологические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41–47.

Леонтьев А.А. О проблемной группе психолингвистики // Вопросы психолингвистики, 2007, № 6. С. 6.

Леонтьев Д.А., Леонтьева А.А., Тарасов Е.Ф. Алексей Алексеевич Леонтьев: научная биография // Вопросы психолингвистики, 2016, № 1(27). С. 10–17.

Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): Коллективная монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания РАН-ММА, 2021. 626 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка. Под ред. А.А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1977. 190 с.

Сорокин Ю.А. Нас было немного // Вопросы психолингвистики, 2007, № 6. С. 7–8.

Сведения об авторе:

Уфимцева Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1.

ORCID: 0000-0002-7476-8421

e-mail: nufimtseva@yandex.ru

Для цитирования:

Уфимцева Н.В. История возникновения отечественной психолингвистики – теории речевой деятельности // Вопросы психолингвистики №2(60) 2024, С. 11–17, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-11-17

UDC 81'23

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-11-17

Review article

**THE HISTORY OF THE EMERGENCE OF DOMESTIC
PSYCHOLINGUISTICS – THE THEORY OF SPEECH ACTIVITY**

Nataliia V. Ufimtseva

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Annotation

The article is an attempt to comprehend and describe the history of the emergence in the 60s of the twentieth century of a new interdisciplinary scientific discipline – Russian psycholinguistics (theory of speech activity) and the role of Alexei Alekseevich Leontiev in this process.

Keywords: theory of speech activity, A.A. Leontiev, Department of Psycholinguistics

© Ufimtseva N.V., 2024

Bionotes:

Natalia Vladimirovna Ufimtseva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Comparative Historical Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Contact information:

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-7476-8421

e-mail: nufimtseva@yandex.ru

For citation:

Ufimtseva N.V. The history of the emergence of domestic psycholinguistics – the theory of speech activity // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 11s–17. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-11-17 (In Russian)

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ... УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК

Маланов Сергей Владимирович
Московский институт психоанализа,
Москва, Россия

Аннотация

Двадцать лет. Светлая добрая память... Алексей Алексеевич Леонтьев (14.01.1936–12.08.2004) – советский и российский лингвист, психолог, доктор психологических наук и доктор филологических наук, действительный член РАО, один из основателей психологической теории речевой деятельности (теоретических оснований советской психолингвистики).

В статье представлены воспоминания автора о встречах с А.А. Леонтьевым и содержании обсуждавшихся с ним теоретических проблем психологии и психолингвистики, таких как: проблема единства методологических оснований и преемственности теоретического содержания гипотез в построении культурно-исторической психологии и психологической теории деятельности; проблема внешнего и внутреннего в выделении предмета исследования психологии; проблема анатомических структур и физиологических функций, на которых воспроизводятся предметные и вербальные значения; проблема анализа предметных и вербальных значений как динамической иерархии процессов, которые лежат в основе построения ориентировочно-исследовательских операций при планировании и организации определенного диапазона действий; проблема вытеснения философии диалектического и исторического материализма как методологических оснований отечественной (советской) психологии; проблема методологического монизма как необходимого условия для построения фундамента научной психологии в противоположность всевозможным формам методологического плюрализма и методологической относительности. Алексей Алексеевич был убежден, что без ясной постановки таких проблем построение научной психологии невозможно, как невозможен и отказ от их разрешения без утраты фундамента для последующего построения научного психологического знания. Особое место в научной деятельности А.А. Леонтьева занимали вопросы прикладного использования психологического знания для совершенствования системы школьного образования и построения образовательной системы «Школа 2100».

Ключевые слова: психологическая теория речевой деятельности, предмет психологии, методологические и теоретические проблемы психологии, предметные значения

Алексей Алексеевич Леонтьев... сразу после защиты диссертации подошел ко мне со словами «Будем дружить!», которые я услышал от него во второй раз, поздравил меня и спросил: «Вы где теперь будете... в Москве?». Я ответил: «Нет, возвращаюсь домой

в Марий Эл, через два дня уезжаю». «Но после защиты все в Москве остаются?» – с шутивно-вопросительной интонацией возразил Алексей Алексеевич. Я ответил: «Нет, уж лучше Вы к нам!» После этого короткого диалога он рассмеялся и дал визитную карточку со словами: «А к этому Человеку вы должны будете позвонить от моего имени и обязательно встретиться!». Он не остался на «послезачитном чаепитии»... Не осталась и Нина Гавриловна Салмина, которой я благодарен за книгу «Знак и символ в обучении» и за встречи в стенах МГУ... К сожалению, не смог присутствовать и Ислам Имранович Ильясов, который заочно выступал оппонентом. Его лекции определили содержание моих научных интересов и диссертационных исследований, а, в конечном счете, и тот путь, который привел к общению с Алексеем Алексеевичем. Это был 1998 год.

После этого «приглашения к дружбе» было множество встреч и часов содержательного общения. Алексей Алексеевич настаивал, чтобы накануне посещения Москвы я обязательно его извещал и заходил для обсуждения тех теоретических проблем психологии, которые для меня представляли непосредственный интерес. Жил он в доме на Ленинском проспекте...

Впервые я слушал лекцию Алексея Алексеевича на курсах повышения квалификации в подмосковном Дзержинском, куда его пригласили на вечернюю встречу с учителями школ и преподавателями вузов России, которая была посвящена памяти А.Н. Леонтьева (18.02.1903 – 21.01.1979).

Это был 1994 год, когда зарождался широкий спектр общественных проектов и инициатив, направленных на совершенствование системы советского образования в России, с одной стороны, и проектов замещения отечественного образования зарубежными образцами – с другой. Появилось множество любителей делать заявления о «бесперспективности» моделей отечественного образования и «вынесении тела советской педагогики из стен образовательных учреждений». Появилось и много «смелых» критиков, утверждавших, что содержание отечественной психологии – это всего лишь изошренная форма бихевиоризма, в которой нет места для личности и гуманизма. Хорошо помню, как предвзято, на тех же курсах повышения квалификации, отнеслась большая часть аудитории к содержанию лекции Володара Викторовича Краевского, отстаивающего основания отечественной педагогики [Краевский 1996]. Поскольку мне хотелось, чтобы Алексей Алексеевич высказал свое мнение в защиту отечественного образования и отечественной психологии, то перед началом встречи направил ему записку с провокационными вопросами. Первый вопрос помню хорошо: «Как Вы относитесь к тому, что “психологическую теорию деятельности” в последнее время все чаще отождествляют с бихевиоризмом?» А содержание второго было о «бесперспективности отечественной педагогики». Прочитав вопросы, Алексей Алексеевич развернул содержание своего выступления о жизни и деятельности А.Н. Леонтьева в направлении ясного изложения теоретических оснований отечественной психологии и педагогики, заложенных в работах советских психологов, педагогов и, в частности, в работах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева... Позднее, в 2003 году вышла книга «Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева», а еще позднее, в 2005 году, книга «Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность» [Леонтьев 1990; Леонтьев: 2003а; Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова 2005].

А первое совместное обсуждение с А.А. Леонтьевым теоретических вопросов и проблем, которые в то время стали предметом моих интересов, состоялось в 1998 году, накануне защиты кандидатской диссертации... Алексей Алексеевич был назначен экспертом от ученого совета, где предполагалась защита. Он пригласил меня на встречу в московской школе № 91, располагающейся на Поварской улице вблизи Нового Арбата (в то время Калининского проспекта). Первый вопрос, который он, весело посмотрев на меня, задал при встрече: «Вы курите?». Я кивнул, и он повел меня в помещение, где можно было общаться «за сигаретой»... Курил Алексей Алексеевич много. Выяснив причину моего появления, он сразу же сформулировал первый вопрос, на который я попытался дать развернутый ответ. Не дослушав меня, кратко резюмировал предполагавшееся содержание ответа и, высказав свое мнение, сформулировал следующий вопрос. Так же диалог был продолжен и во время построения ответов на второй, и на третий вопрос... Это показалось занимательным, и в очередной раз, когда Алексей Алексеевич сформулировал резюме и начал излагать свою позицию, я, не дослушав, резюмировал предполагаемое содержание его суждений. Возникла пауза. Он удивленно и внимательно посмотрел на меня, широко улыбнулся и сказал: «Мы с вами говорим на одном языке! Будем дружить! Встретимся на защите».

После этого я спросил Алексея Алексеевича о том, помнит ли он ту вечернюю лекцию и провокационные вопросы в Дзержинском. К моему удивлению, он помнил! Я сказал, что автор тех провокационных вопросов перед ним и пояснил, с какой целью они были подготовлены. Он от души посмеялся.

В последующем, после защиты диссертации, встречи и обсуждения теоретических и методологических проблем психологии с Алексеем Алексеевичем стали традиционными. Это случалось 2-3 раза в год, когда я посещал Москву. Какие проблемы и вопросы обсуждались? Мне запомнилось несколько основных линий:

1) Алексей Алексеевич весьма критично относился к попыткам противопоставить теоретические основания «Культурно исторической теории развития высших психических функций» и «Психологической теории деятельности». Он стремился показать единство таких оснований и их научно-историческую преемственность в развитии советской теоретической психологии. Важно учитывать, что в работах Л.С. Выготского присутствовали и такие исходные гипотезы, которые не нашли в последующем подтверждения и развития. Например, гипотезы, связанные с противопоставлением «естественных» и «высших психических функций» с последующей (ошибочной!?) тенденцией интерпретировать первые как внутриорганизменные процессы. В последнем случае получалось, что внутри организма на одних и тех же тканях и органах наряду с физиологическими процессами должны порождаться еще и психические процессы? В работах Л.С. Выготского также сохранялась неясность отношений между содержанием понятий действие и психическая / высшая психическая функция. Эти противоречия были сняты в последующих работах А.Н. Леонтьева [Маланов 2017].

2) Проблему внешнего и внутреннего в выделении психических процессов и соответственно предмета исследования психологии Алексей Алексеевич был склонен решать в контексте гипотез А.Н. Леонтьева о психических процессах строящихся не внутри организма, а в процессах активных взаимодействий «организм – предметные условия окружающей среды / окружающего мира». Многократно обсуждался

вопрос и том, что традиционное выделение психических процессов / функций как самостоятельно существующих где-то (внутри организма?) и на чем-то (на структурах мозга?) представляет собой всего лишь содержание гипотез, которые еще со времен Р. Декарта многими принимаются в качестве «очевидных». А анализ содержания работ П.К. Анохина, Н.А. Бернштейна, А.Н. Леонтьева, Э.В. Ильенкова и др. приводит, в конечном счете, к такому выделению предмета исследования психологии, которое намечено и относительно ясно сформулировано в работах П.Я. Гальперина [Гальперин 1998; Гальперин 2002; Леонтьев 2001]. При этом традиционно выделяемые психические процессы / функции – это не внутриорганизменные образования, а разные способы абстрагирования операционального состава речевых и предметно-практических действий, под реализацию которых подстраиваются функции анатомо-физиологических структур организма. Обсуждение этой проблемы начиналось с постановки вопроса о том, как и на каком анатомо-физиологическом субстрате строится психический процесс, а затем приводило к постановке вопроса о предмете исследования психологии [Маланов 2022]. Во многом содержание обсуждаемых проблем совпадало с содержанием позднее появившихся публикаций Е.Е. Соколовой и анализом предмета исследования психологии в работах А.М. Сурмавы [Соколова 2007; Соколова 2008; Сурмава 2003].

3) Обсуждение проблемы анатомических структур (материального субстрата) и физиологических функций, на которых воспроизводятся значения / процессы умственного оперирования значениями (представления и понятия). Хорошо запомнились ироничные замечания Алексея Алексеевича о том, что «теория предметных и вербальных значений», построенная в контексте «Психологической теории речевой деятельности» (в теоретическом контексте отечественной психолингвистики) рано или поздно будет оцениваться по «гамбургскому счету», а пока остается недостаточно принятой и понятой [Леонтьев 2003б; Леонтьев 2003в; Маланов 2022]. В вопросах психолингвистического анализа значений и объяснения их происхождения, А.А. Леонтьев проводил принципиальные теоретические разграничения между зарубежными направлениями психолингвистики и психологической теорией речевой деятельности, исходные основания которой он видел в работах Л.С. Выготского, а их развитие – в работах своего отца Алексея Николаевича. При этом вопрос об актуализации значений (представлений, понятий, умственных действий) Алексей Алексеевич предлагал анализировать по аналогии с теорией построения целенаправленных предметных действий в работах Н.А. Бернштейна [Бернштейн 1991]. Уточнение и конкретизация этой теории в работах П.Я. Гальперина и других отечественных психологов ведет к развитию теории значений. Значение – это динамическая иерархия процессов, которые лежат в основе построения ориентировочно-исследовательских операций при планировании и организации определенного диапазона действий [Гальперин 1998; Леонтьев 2001; Леонтьев 2003б]. «Психологическая структура значения определяется системой соотношенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности, а не в процессе их сопоставления как единиц лексикона» [Леонтьев А.А. 2003в: 168–171]. Ошибочно рассматривать значения в качестве образований, которые сохраняются где-то в глубинах мозга.

4) Еще одна проблема, которая в обсуждениях мне представлялась необходимой для содержательного прояснения теоретических позиций – отношения между опытно

регистрируемыми феноменологическими и эмпирическими данными, с одной стороны, и системами гипотез (теориями) – с другой. Эти противопоставления Алексей Алексеевич считал весьма полезными, но не такими существенными, как диалектический анализ психических процессов в контексте эволюции материального мира и исторического развития предметной деятельности человечества.

5) В обсуждении любых теоретических проблем неизменно акцентировалось значение философии диалектического и исторического материализма как методологических оснований отечественной (советской) психологии, а методологический монизм как необходимое условие для построения фундамента научной психологии. Эти позиции принципиально противопоставлялись всевозможным формам методологического плюрализма, методологической относительности. При этом часто упоминались имена Э.В. Ильенкова, Л.К. Науменко и А.Н. Леонтьева. Алексей Алексеевич был убежден, что без таких оснований построение советской системно-деятельностной культурно-исторической психологии было бы невозможно, как невозможен и отказ от них без утраты фундамента для последующего построения научного психологического знания [Ильенков 1991; Науменко 1968].

Напомним, что второй раз предложение «Будем дружить!» было сказано сразу после защиты... С визитной карточкой я был направлен к Рустэму Николаевичу Бунееву, одному из основателей общественного движения учителей, методистов и ученых, которых объединяло стремление построить современную систему содержательно и методически обновленных образовательных программ, учебников и учебно-методических пособий на основе достижений и традиций отечественной педагогики и психологии. Это движение сначала имело название «Школа 2000», а затем, с наступлением нового столетия, получило известность и широкое распространение как Образовательная система «Школа 2100» [Школа... 1998; Школа... 1999, Школа... 2000]. Алексей Алексеевич Леонтьев стал научным руководителем построения новой образовательной системы и принимал самое активное участие в разработке ее теоретических и прикладных направлений ее реализации. Это были непрерывные поездки по разным регионам России для очных встреч и общения с педагогическими коллективами, это была коллективная деятельность по построению содержания учебников и методических пособий, это было непрерывное общение внутри сообщества благодаря изданию журнала «Начальная школа плюс До и После», это были многочисленные научно-методические конференции и семинары в разных городах и школах страны. Это был проект, объединяющий совместную деятельность широкого круга бескорыстных специалистов вокруг построения проекта будущего страны с образованными гражданами, заинтересованными в трансляции отечественного общественного культурного и исторического опыта.

Затронуло это общественное движение и Республику Марий Эл, где сложилось психолого-педагогическое сообщество, включившееся в развитие и реализацию образовательной системы «Школа 2100». Трижды на конференции, семинары и встречи, которые проводились с учителями и педагогами Республики Марий Эл, приезжал и Алексей Алексеевич.

Мало кому известно, что дважды Алексей Алексеевич приезжал отдохнуть на лесные озера в Марий Эл... Он любил и ценил природу. При этом главным условием было отсутствие какой-либо публичности и немногочисленные встречи в узком кругу

знакомых. В 2001 году он с семьей отдыхал на спортивно-оздоровительной базе «Олимпиец» Марийского государственного университета, расположенной среди сосновых лесов на озере Яльчик. А перед отъездом была домашняя встреча и знакомство, где Алексей Алексеевич и мой отец весьма активно обсуждали общественные проблемы того времени. Им было что обсудить, они были ровесниками... А в 2003 году он две недели провел в профилактории на озере «Лесная сказка», куда я периодически приезжал, чтобы во время прогулок по сосновому лесу продолжить теоретические обсуждения.

Реализация общественного движения «Школа 2100» была остановлена чиновниками министерства образования РФ в 2014 году. Вспоминается, как в 2016 году, уже после ухода из жизни А.А. Леонтьева, на мой вопрос о судьбе образовательной системы «Школа 2100» последовала реплика одного из влиятельных и известных психологов России. Произнесена она была на круглом столе в стенах РГГУ во время «Международных чтений памяти Л.С. Выготского»: «Алексей Алексеевич мне друг... Но образовательная система Школа 2100 будет закрыта»... Символично, что после этой конференции и «Институт психологии имени Л.С. Выготского» в стенах РГГУ был подвергнут «оптимизации» путем административной организации невыносимых условий для продолжения научной и образовательной деятельности... Множество известных психологов (включая внучку Л.С. Выготского – Елену Евгеньевну Кравцову) вынуждены были покинуть РГГУ, а «Международные чтения...» перенесены в стены других образовательных учреждений.

Причины и лица, заинтересованные в уничтожении общественного движения и образовательной системы «Школа 2100», остаются неизвестными. Одной из вероятных причин выступала «борьба» за прибыль на рынке учебной литературы, а вовсе не сохранение и развитие отечественного образования. Другой причиной могло послужить то, что все строилось без прямого участия чиновников высокого ранга, все строилось в условиях совместного бескорыстного творчества, ориентированного на «светлое будущее» России и российского образования. Как известно, в России ни одно доброе дело не остается безнаказанным... Да и не могла эта образовательная система, ориентированная на всестороннее развитие личности и познавательных способностей школьников, быть реализована в условиях государственной образовательной политики «оптимизации», строящейся на заимствовании зарубежных образцов «оказания образовательных услуг» [Маланов 2023].

Об удивительной способности Алексея Алексеевича инициировать и поддерживать доброжелательное непосредственное общение рассказывают легенды. Вместе с тем, обсуждая принципиальные общественно значимые проблемы науки и образования, Алексей Алексеевич мог занять весьма жесткую и нелицеприятную позицию. Много раз слышал, как некоторые коллеги называли его «опальный профессор»... Какие обстоятельства послужили для присвоения такого «почетного звания», для меня осталось неизвестным.

По моим впечатлениям, последние годы жизни Алексея Алексеевича были насыщены позитивными эмоциями и радостью от перспектив, открывающихся в образовании России. И связаны они были с развитием общественного движения учителей, педагогов, психологов и ученых вокруг образовательной системы «Школа 2100»... [Школа... 1998; Школа... 1999, Школа... 2000]. И эта активная деятельность,

в которой раскрывалась многогранность Личности Алексея Алексеевича Леонтьева, переживалась им как «дело жизни», которое будет продолжено в череде поколений...

© Маланов С.В., 2024

Литература

- Бернштейн Н.А.* О ловкости и ее развитии. М.: Физкультура и спорт, 1991. 288 с.
- Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1998. 480 с.
- Гальперин П.Я.* Лекции по психологии. М.: Книжный дом «Университет»: Высшая школа, 2002. 400 с.
- Ильенков Э.В.* Философия и культура. М.: Издательство политической литературы, 1991. 464 с.
- Краевский В.В.* Педагогическая теория: Что это такое? Зачем она нужна? Как она делается? Волгоград, 1996. 86 с.
- Леонтьев А.А.* Люди науки: Л.С. Выготский. М.: Просвещение, 1990. 158 с.
- Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
- Леонтьев А.А.* Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева. М.: Смысл, 2003а. 122 с.
- Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Едиториал УРСС, 2003б. 312 с.
- Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003в. 536 с.
- Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.
- Маланов С.В.* От определения психических явлений к анализу направлений развития действий // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 2. С. 31–40. doi:10.17759/chr.2017130204
- Маланов С.В.* К вопросу об альтернативных теоретических основаниях психолингвистики // Вопросы психолингвистики. № 1(51) 2022. С. 76–90. doi:10.30982/2077-5911-2022-51-1-76-90
- Маланов С.В.* Три последовательных шага в образовательной политике: от Единого государственного экзамена к Болонской системе и цифровизации // Известия Российской академии образования. 2023. № 1 (61). С. 72–85. doi: 10.51944/20738498_2023_1_72
- Науменко Л.К.* Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1968. 327 с.
- Соколова Е.Е.* Введение в психологию. Общая психология: в 7 т. Том 1. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 352 с.
- Соколова Е.Е.* Психологи на распутье: какая методология нужна современной психологии? // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 3. С. 25–42.
- Сурмава А.М.* Мышление и деятельность. М.: НИУ МИЭТ, 2013. 264 с.
- «Школа 2000...» Концепции. Программы. Технологии. Выпуск 2. / Под научной редакцией А.А. Леонтьева. М.: «Баласс», 1998. 112 с.

«Школа 2100». Образовательная программа и пути ее реализации. Выпуск 3. /Под научной редакцией А.А.Леонтьева. М., «Баласс», 1999. 288 с.

«Школа 2100». Приоритетные направления развития образовательной программы. Выпуск 4. /Под научной редакцией А.А.Леонтьева. М., «Баласс», 2000. 208 с.

Сведения об авторе

Маланов Сергей Владимирович – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии образования Московского института психоанализа

Контактная информация:

121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр.14.

ORCID: 0000-0002-1234-077X

e-mail: MalanovSV@mail.ru

Для цитирования:

Маланов С.В. Алексей Алексеевич Леонтьев... ученый, учитель, человек // Вопросы психолингвистики №2(60), 2024. С. 18–26, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-18-26

UDC 81

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-18-26

Review article

ALEXEY ALEXEEVICH LEONTIEV... SCIENTIST, TEACHER, PERSON

Sergey V. Malanov

Moscow Institute of Psychoanalysis,

Moscow, Russia

Abstract

Twenty years. Blessed good memory... Alexey Alekseevich Leontiev (January 14, 1936 – December 8, 2004). Soviet and Russian linguist, psychologist, Doctor of Psychology and Doctor of Philology, full member of the Russian Academy of Education, one of the founders of the psychological theory of speech activity.

The article presents the author's memories of meetings with A.A. Leontiev and the content of the theoretical problems of psychology and psycholinguistics discussed with him, such as: the problem of the unity of methodological foundations and the continuity of the theoretical content of hypotheses in the construction of cultural and historical psychology and psychological theory of activity; the problem of the external and internal in the allocation of the subject of psychology research; the problem of anatomical structures and physiological functions on which objective and verbal meanings are reproduced; the problem of analyzing subject and verbal meanings as a dynamic hierarchy of processes that underlie the construction of tentative research operations in the planning and organization of a certain range of actions; the problem of the displacement of the philosophy of dialectical and historical materialism as the methodological foundations of Russian (Soviet) psychology; the problem of methodological monism as a necessary condition for building the foundation

of scientific psychology in contrast to all possible forms of methodological pluralism and methodological relativity. Alexey Alekseevich was convinced that without a clear statement of such problems, the construction of scientific psychology is impossible, just as it is impossible to refuse to solve them without losing the foundation for the subsequent construction of scientific psychological knowledge. A special place in the scientific activity of A.A. Leontiev was occupied by the issues of the applied use of psychological knowledge to improve the school education system and build the educational system “School 2100”.

Keywords: psychological theory of speech activity, the subject of psychology, methodological and theoretical problems of psychology, subject and verbal meanings

© Malanov S.V., 2024

Bionotes

Sergey V. Malanov – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Educational Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis

Contact information:

121170, Russia, Moscow, Kutuzovsky prospect, 34, building 14

ORCID: 0000-0002-1234-077X

e-mail: MalanovSV@mail.ru

For citation:

Malanov S.V. Alexey Alexeevich Leontiev... Scientist, teacher, person // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 18–26. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-18-26 (In Russian)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-27-37

Научная статья

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕННЫЕ КАК ПРЕДИКТОРЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБРАТНОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ¹

Григорьев Андрей Александрович

Институт психологии РАН

Москва, Россия

Балясникова Ольга Вениаминовна

Институт психологии РАН,

Первый МГМУ им. И.М. Сеченова

Москва, Россия

Аннотация

В работе рассмотрены связи количественных показателей обратного ассоциативного словаря, общего числа появлений определенной ассоциации (частотности ассоциации) и количества стимулов, вызвавших данную ассоциацию (распространенности ассоциации), с тремя психолингвистическими переменными: длиной слова, частотностью слова, количеством текстов, в которых встречается слово, и возрастом усвоения слова. Все психолингвистические переменные значимо коррелируют с показателями обратного ассоциативного словаря. Показано, что каждая из трех психолингвистических переменных (длина слова, частотность слова и возраст усвоения слова) вносит независимый от других переменных вклад в предсказание частотности ассоциаций, причем наиболее важным предиктором является, согласно полученным в настоящей работе результатам, частотность слов.

Ключевые слова: ассоциации, обратный ассоциативный словарь, длина слов, частотность слов, возраст усвоения слов

В обратных ассоциативных словарях приводятся списки ассоциаций, полученных в ходе массового «ассоциативного эксперимента». Эти ассоциации являются заголовками статей словаря, в статьях перечислены стимулы, которые вызвали данную ассоциацию. В конце каждой статьи приведены два количественных показателя: общее число появлений данной ассоциации и число стимулов, вызвавших ее. Этим двум показателям, особенно второму, придается большое значение (см., напр., [Уфимцева 1996]). Считается, что они отражают сознание носителей той или иной культуры. Однако подобно таким показателям, как время чтения слова или время лексического решения, количественные показатели обратных ассоциативных словарей должны, по всей вероятности, зависеть от факторов, получивших в специальной литературе название психолингвистических переменных: частотности слов, возраста их усвоения, их образности и т.д.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00269).

С некоторого времени психолингвистической переменной, удостоивающейся особого внимания исследователей, стал возраст усвоения (ВУ) слов. Первой или одной из первых работ, в которых была продемонстрирована его роль, было исследование Кэрролла и Уайт [Carroll, White 1973]. Согласно полученным им результатам, ВУ слов является значимым предиктором величины, обратной времени называния изображений предметов. Впоследствии этот результат был подтвержден в других исследованиях [Ellis, Morrison 1998; Morrison, Ellis, Quinlan 1992; Catling, Dent, Williamson 2008]. Была также продемонстрирована связь ВУ слов с такими показателями, как время чтения слова [Brysbaert, Lange, Van Wijnendaele 2000; Butler, Hains 1979; Morrison, Ellis 1995] и время лексического решения [Butler, Hains 1979; Mander, Keuleers, Brysbaert 2020; Morrison, Ellis 1995], а также с показателями категориальных норм [Григорьев А.А., Балясникова, Пашнева 2023; Григорьев А.А., Лаптева 2018; Grigoriev, Oshhepkov 2013].

Методы, с помощью которых определяется ВУ, распадаются на два класса. К первому классу относятся разновидности оценивания взрослыми респондентами того, в каком возрасте усваиваются слова. Респонденты могут указывать ВУ в годах, могут оценивать его в баллах (например, если слово усваивается от 0 до 3 лет – 1 балл, если от 3 до 6 лет – 2 балла и т.д.). Таким образом было собрано большое число норм для разных языков (см. [Łuniewskaetal. 2016, Łuniewskaetal. 2019]). Ко второму классу относятся процедуры объективного определения ВУ слов. Эти процедуры гораздо более трудозатратны, чем субъективное оценивание, поэтому полученных таким способом данных значительно меньше. Как показали сопоставления субъективных и объективных оценок ВУ, первые обладают достаточной валидностью, хотя некоторые смещения имеют место (см. Morrison, Chappell, Ellis 1997). В работе [Łuniewskaetal. 2016] было изучено влияние пола, возраста, образования, наличия у респондентов детей до 10 лет и владения респондентами более, чем одним языком, на субъективные оценки ВУ. Различия между средними показателями оценок мужчин и женщин оказались лишь маргинально значимым. Возраст респондентов также, по сути, не оказывал влияния на их средние оценки, хотя для отдельных слов были значимые различия по оценкам между респондентами 18-20 лет и респондентами 40-80 лет. Связи между оценками ВУ и уровнем образования респондентов обнаружено не было. Респонденты, имеющие детей до 10 лет, оценили 99% слов как более рано усваиваемые, по сравнению с респондентами, не имевшими детей или у которых дети были старше этого возраста. Наконец, у респондентов, владевших более чем одним языком, оценки ВУ 96% слов были выше.

Порядок усвоения слов в разных языках характеризуется определенным сходством. Впервые, насколько нам известно, это было показано в работе А.А. Григорьева и И.В. Ощепкова [2011]. В данном исследовании сопоставлялись объективные оценки ВУ 149 слов-названий предметов. Коэффициент корреляции между данными русско- и англоязычных детей оказался равным 0,616. Подобные результаты были получены для субъективных оценок ВУ в двух работах [Łuniewskaetal. 2016, Łuniewskaetal. 2019]. В первой из этих работ сопоставлялись оценки ВУ 299 слов (158 существительных и 141 глагол), полученных от респондентов – носителей 25 языков (в том числе двух вариантов английского языка, фигурировавших в исследовании как разные языки). Во вторую работу были добавлены данные по семи другим языкам (в том числе по еще одному варианту английского). Коэффициенты ранговой корреляции с поправкой на надежность между оценками для разных языков варьировали от 0,45

до 0,94. Наиболее близкими оказались оценки для чешского и словацкого языков (0,94). Рассматривая близость наборов оценок для отдельных языков друг к другу, авторы указывают на принадлежность языков к одной семье и на их территориальную и историческую близость как на факторы корреляции оценок ВУ.

Имеются разные объяснения эффекта ВУ (см. [Catling, Elsherif 2020]). Одно из них утверждает, что этот эффект порожден различной репрезентацией рано и поздно усваиваемых понятий в структуре семантического знания. Рано усваиваемые понятия имеют больше семантических связей, что делает их более доступными. Согласно другой теории, ВУ оказывает влияние на разных уровнях обработки вербальной информации. Еще одна теория объясняет преимущество рано усваиваемых слов большей пластичностью нейронной сети в период их усвоения. Благодаря этой пластичности, образуются богатые и устойчивые репрезентации данных слов.

Исследовалась роль в обработке вербальной информации человеком и других психолингвистических переменных. В ряде работ [Barry, Morrison, Ellis 1997; Butler, Hains 1979; Carroll, White 1973; Ellis, Morrison 1998; Mandera, Keuleers, Brysbaert 2020; Morrison, Ellis, Quinlan 1992] проверялось влияние длины слова (которая могла определяться как число букв, как число слогов или как число фонем) на время называния изображений предметов, время лексического решения и другие показатели. В некоторых исследованиях были получены данные, свидетельствующие о наличии этого влияния: данные же других исследований не подтверждали его существования, причем противоположные результаты получались при использовании одного и того же показателя – времени называния изображений предметов.

В ряде исследований проверялось влияние знакомости, образности конкретности слов [Barry, Morrison, Ellis 1997; Ellis, Morrison 1998; Gilhooly, Gilhooly 1979; Mandera, Keuleers, Brysbaert 2020; Morrison, Ellis, Quinlan 1992]. Только в одном случае результаты указали на влияние одной из этих переменных (конкретности).

Что касается частотности слов, то ряд исследований был посвящен выяснению того, оказывает ли она самостоятельное влияние, или же ее корреляции с различными показателями обусловлены ее связью с ВУ слов (рано усваиваемые слова часто характеризуются высокой частотностью, а многие поздно усваиваемые – низкой частотностью). В итоге доминирующей точкой зрения стало признание роли частотности слов (см., напр., [Ghyselinck, Lewis, Brysbaert 2004]). И ВУ, и частотность оказывают влияние на показатели, отражающие протекание речевой деятельности, а также самостоятельное влияние, не объясняемое связью с другой переменной.

Здесь следует упомянуть о попытке объяснить результаты, говорящие о самостоятельном действии ВУ, тем, что за этим эффектом стоит «накопленная частотность»: полагается, что рано усваиваемые слова актуализируются в речевой деятельности человека в течение более долгого времени, чем поздно усваиваемые; таким образом, их, так сказать, субъективная частотность оказывается выше, чем представленная в частотных словарях. Для проверки этого объяснения проводились специальные исследования [Ghyselinck, Lewis, Brysbaert 2004; Morrison et al. 2002], результаты которых позволили его отклонить.

Как и в случае с ВУ, предпринимались попытки локализовать влияние частотности слов в процессах обработки вербальной информации человеком (см. [Allen et al. 2005; Almeida et al. 2007]).

Среди показателей, на которые исследовалось влияние психолингвистических переменных, есть и получаемые в ассоциативном эксперименте. В работе К.А. Воронцова и А.А. Григорьева [2019] рассматривалось влияние четырех психолингвистических переменных – частотности, возраста усвоения, знакомости и образности слов – на число слов-стимулов, вызвавших данные слова как ассоциации в ассоциативном эксперименте (распространенность ассоциации). Согласно полученным в этом исследовании результатам, ни знакомость, ни образность слов не вносили значимого вклада в предсказание зависимой переменной при добавлении их к частотности и возрасту усвоения слов. Между тем, и частотность, и возраст усвоения слов вносили значимый вклад при добавлении к остальным предикторам, причем вклад частотности был весомей вклада возраста усвоения: нормированный квадрат корреляции при добавлении частотности к возрасту усвоения, образности и знакомости увеличивался на 0,228 ($F = 79,81$), в то время как добавление возраста усвоения к частотности, образности и знакомости приводило к увеличению нормированного квадрата корреляции на 0,046 ($F = 16,08$).

С результатами работы К.А. Воронцова и А.А. Григорьева можно соотнести результаты исследования, в котором было показано, что среднее количество различных ассоциаций, вызываемых словами-стимулами разных типов, неодинаково: наибольшее число различных ассоциаций имеет место у эмоционально окрашенных слов, за ними следуют абстрактные, затем – конкретные [Altarriba, Bauer, Benvenuto 1999]; таким образом, две психолингвистические переменные – эмоциональная окрашенность и конкретность слов – влияют на ассоциативные процессы.

Представленные в работе К.А. Воронцова и А.А. Григорьева результаты были получены на множестве из 286 слов, для которых имелись оценки по всем рассматривавшимся переменным. Оценки возраста усвоения, взятые из работы А.А. Григорьева и И.В. Ощепкова [Grigoriev, Oshhepkov 2013], были получены путем предъявления детям разного возраста изображений животных, предметов мебели и т.д., когда детей просили назвать изображенный объект. Слова, возраст усвоения которых оценивался, были конкретными словами, обозначающими достаточно однозначно опознаваемые объекты. Большинство таких слов усваивается достаточно рано. Таким образом, имело место ограничение диапазона варьирования возраста усвоения слов, что должно было привести к недооценке силы связи с ним зависимой переменной – распространенности ассоциаций.

В настоящее время появилась возможность исследовать связь возраста усвоения слов с количественными показателями обратного ассоциативного словаря на больших по размеру и, что важнее, более представительных выборках слов. Эта возможность появилась благодаря данным о возрасте усвоения для большого числа слов русского языка, собранным при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00269). Результаты такого исследования представлены в настоящей работе, а именно в ней рассматриваются связи четырех психолингвистических переменных (длины, двух показателей «встречаемости» слов – их частотности и количества текстов, в которых эти слова встречаются, – и возраста усвоения слов) с количественными показателями обратного ассоциативного словаря.

Метод

В работе используются материалы Ассоциативного словаря школьников², из которого взяты данные об общем числе появления тех или иных ассоциаций (частотности ассоциаций) и о числе слов-стимулов, вызвавших ту или иную ассоциацию (распространенности ассоциаций). Значения обоих показателей суммировались по формам слов.

Данные о возрасте усвоения слов были собраны в ходе первого этапа работ по гранту РНФ № 22-18-00269. Эти данные были получены путем опроса взрослых респондентов: их просили сообщить примерный возраст (в годах), в котором они усвоили то или иное слово. Каждому респонденту предъявлялся список из 340 слов, 10 из которых были калибровочными, 30 – контрольными и 300 – тестовыми, т.е. словами, ВУ которых оценивался в настоящем исследовании. ВУ калибровочных и контрольных слов был известен из результатов предыдущих исследований. Калибровочные и контрольные слова были общими для всех списков, тестовые слова не повторялись в разных списках. Калибровочные слова помещались в начале каждого списка, они представляли диапазон возможных значений ВУ. Контрольные слова расставлялись случайным образом среди тестовых слов, они использовались для проверки качества ответов каждого респондента: как правило, ответы респондента признавались удовлетворительными, если корреляция его оценок ВУ контрольных слов с нормативными ВУ этих слов была 0,7 или выше, однако в отдельных случаях признавались удовлетворительными ответы при корреляции несколько ниже указанного значения. Помимо корреляции с контрольными словами, для проверки качества ответов респондентов определялось, присутствует ли в них автокорреляция. Ее ориентировочным граничным значением было 0,3, однако в отдельных случаях ответы признавались удовлетворительными в случае превышения этой величины. Обоснованию достоверности полученных субъективных оценок ВУ была посвящена специальная работа [Сугоняев, Григорьев Н.А. 2023]. Тестовые слова брались главным образом из частотного словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова.³ В каждом списке из 300 тестовых слов 134 были существительными, 76 – глаголами, 70 – прилагательными, 17 – наречиями и 3 принадлежали к другим частям речи.

Частотности слов и количество текстов, в которых эти слова встречаются, были взяты из словаря О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова. В данном словаре приведены данные для слов, встречающихся в качестве той или иной части речи. Например, указано, что слово «а» как союз присутствует в 32332 текстах с частотой 8198 (на млн. словоупотреблений), как междометие – в 757 текстах с частотой 19,8, как частица – в 128 текстах с частотой 6,1 и как существительное – в 160 текстах с частотой 2,7. Мы оценили общее количество текстов, в которых встречаются слова, принадлежащие более чем к одной части речи, исходя из допущения, что распределения по текстам слов в разных синтаксических ролях независимы друг от друга. Тогда ожидаемое количество текстов, в которых появится слово только в «новой роли», будет равно произведению числа слов в этой роли на долю «не занятых» словами в «старых ролях» текстах; это количество прибавляется к числу текстов со словами в «старых ролях». Что касается частот слова в разной частеречной принадлежности, то они просто складываются.

² Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I – XI классов: в 2 т. Т. II. От реакции к стимулу. Ч. 1. А–Н / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартыанов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2011. 480 с.

³ Электронная версия издания: О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров, Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009 (ruslang.ru).

Анализ проведен на множестве 1500 слов из 7500 слов, ВУ которых оценивался на первом этапе работ по гранту. Частотности и распространенности ассоциаций, частотности слов и количества текстов, в которых эти слова встречаются, были прологарифмированы; первые две переменные по формуле $\ln(x + 1)$, последние две по формуле $\ln(x)$.

Результаты и обсуждение

Интеркорреляции всех переменных представлены в табл. 1.

Таблица №1

Интеркорреляции переменных

	Распространенность ассоциаций	Длина слов	Частотность слов	Количество текстов, в которых встречаются слова	ВУ
Частотность ассоциаций	0,976	-0,356	0,700	0,661	-0,581
Распространенность ассоциаций		-0,361	0,702	0,665	-0,580
Длина слов			-0,254	-0,207	0,272
Частотность слов				0,977	-0,450
Количество текстов, в которых встречаются слова					-0,461

Все корреляции в таблице значимы на уровне 0,001. Две зависимые переменные (частотность и распространенность ассоциаций) очень тесно коррелируют (0,976), как и два показателя «встречаемости» слов (частотность слов и количество текстов, в которых они встречаются) (0,977). Мы исключили из последующего анализа вторые переменные из этих пар. Таким образом, в дальнейшем будут рассматриваться связи длины, ВУ и частотности слов с частотностью ассоциаций в обратном ассоциативном словаре.

Как и в работе К.А. Воронцова и А.А. Григорьева [2019], для того чтобы определить, вносит ли каждый из трех предикторов независимый от двух остальных вклад в предсказание значений независимой переменной, сравнивалась эффективность предсказания на основе регрессионных моделей с оцениваемым предиктором и без него. Конкретно, сравнивалась эффективность предсказания по всем трем предикторам с эффективностью предсказания по частотности и ВУ слова (для оценки вклада длины слова), с эффективностью предсказания по длине слова и его частотности (для оценки вклада ВУ) и с эффективностью предсказания по длине слова и его ВУ (для оценки вклада частотности слова). Во всех случаях мерой эффективности предсказания был нормированный квадрат корреляции. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица №2

Величина и значимость вклада трех предикторов в предсказание частотности ассоциаций в обратном ассоциативном словаре

Исходные предикторы	Добавленный предиктор	Нормированный квадрат корреляции при предсказании по исходным предикторам	Нормированный квадрат корреляции при предсказании по всем трем предикторам	Увеличение нормированного квадрата корреляции при добавлении предиктора	F
Частотность слова, ВУ слова	Длина слова	0,578	0,595	0,017	63,79
Длина слова, частотность слова	ВУ слова	0,523	0,595	0,072	265,31
Длина слова, ВУ слова	Частотность слова	0,379	0,595	0,216	799,48

Все F значимы на уровне 0,001.

Представленные в табл. 2 результаты свидетельствуют о следующем. Во-первых, все рассмотренные психолингвистические переменные вносят независимый вклад в предсказание частотности ассоциаций в обратном ассоциативном словаре. В качестве реакций в ассоциативном эксперименте с большей вероятностью появятся короткие, частотные и рано усваиваемые слова. Во-вторых, в совокупности рассмотренные нами психолингвистические переменные объясняют почти 60% вариаций словарного показателя. Возможно, добавление каких-то других предикторов еще более увеличит этот процент. В этом случае появится возможность достаточно точно предсказывать частоту появления того или иного слова в качестве ассоциации в ассоциативном эксперименте. В-третьих, среди рассмотренных предикторов словарных показателей наиболее важным является, согласно полученным в настоящей работе результатам, частотность слов. Это повторяет полученный в работе К.А. Воронцова и А.А. Григорьева [2019] результат. В-четвертых, как и ожидалось, в настоящем исследовании, выполненном на выборке слов, лучше представляющей диапазон вариации оценок ВУ, чем выборка слов в исследовании К.А. Воронцова и А.А. Григорьева, выявлена более тесная связь частотности и ВУ слов с количественным показателем ассоциативного словаря: квадрат нормированной корреляции в настоящем исследовании составил 0,578, в исследовании К.А. Воронцова и А.А. Григорьева – 0,449. Мы, однако, не можем утверждать, что вся разница обусловлена ограничением диапазона варьирования в работе К.А. Воронцова и А.А. Григорьева. Между двумя исследованиями существует другое важное различие: в то время как в работе К.А. Воронцова и А.А. Григорьева использовались объективные оценки ВУ, в данном исследовании используются субъективные оценки ВУ. Субъективные оценки ВУ подвержены воздействию разных факторов (см. [Morrison, Chappell, Ellis 1997]). Возможно, есть вероятность, что место слова в структуре внутреннего лексикона, отражаемое словарными

показателями, влияет на субъективные оценки респондентов-участников сбора данных по ВУ. В ходе выполнения работ по проекту № 22-18-00269 должны быть получены объективные оценки ВУ для поздно усваиваемых слов. Это позволит проверить данное предположение.

Заключение

Исследование связей психолингвистических переменных с показателями ассоциативного словаря имеет важное теоретическое значение. Разные экспериментальные задачи соотносятся с различными уровнями обработки вербальной информации человеком. Выяснение того, с выполнением каких задач связана та или иная переменная, позволяет уточнить модели этой обработки. Ассоциативная задача задействует семантические процессы. Так как все упомянутые во введении теории влияния ВУ увязывают его с этими процессами, полученный в настоящем исследовании результат касательно связи ВУ с показателями ассоциативного словаря является ожидаемым. Между тем то, что частотность слов связана с ними еще теснее, этими теориями не предсказывается. Можно надеяться, что данные будущих исследований дадут материал для объяснения более тесной связи частотности, что было продемонстрировано уже в двух упомянутых в статье работах.

© Григорьев А.А., Балясникова О.В., 2024

Литература

- Воронцов К.А., Григорьев А.А.* Влияние психолингвистических характеристик слов на протекание ассоциативных процессов // *Экспериментальная психология*. 2019. Т. 12. № 1. С. 119–125. doi:10.17759/exppsy.2019120109
- Григорьев А.А., Балясникова О.В., Пашичева С.А.* Связь возраста усвоения слов детьми с показателями категориальных норм // *Вопросы психолингвистики* №2(56) 2023, С. 44–57, doi: 10.30982/2077-5911-2023-56-2-44-57
- Григорьев А.А., Лантева Е.М.* Задача семантической беглости с различными лексико-семантическими категориями: факторы выполнения и проблема общности модели поиска // *Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал*, 2018. 4 (4). С. 8–28.
- Григорьев А.А., Ощепков И.В.* Возраст усвоения названий предметов детьми 2,5 – 6,5 лет. Сопоставительный анализ данных носителей русского и английского языков // *Вопросы психолингвистики*. 2011. №2(14). С. 96–107.
- Сугояев К.В., Григорьев Н.А.* Оценка достоверности данных о возрасте усвоения слов, получаемых путем опроса взрослых респондентов // *Вопросы психолингвистики*, 2023. №3(57). С. 92–110, doi: 10.30982/2077-5911-2023-57-3-92-110
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М., 1996. С. 144–162.
- Allen P.A., Smith A.F., Lien M.-C., Grabbe J., Murphy M.D.* Evidence for an activation locus of the word-frequency effect in lexical decision // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2005. 31(4). P. 713–721. DOI: 10.1037/0096-1523.31.4.713
- Almeida J., Knobel M., Finkbeiner M., Caramazza A.* The locus of the frequency effect in picture naming: When recognizing is not enough // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2007. 14(6). P. 1177–1182. <https://doi.org/10.3758/BF03193109>

Altarriba J., Bauer L.M., Benvenuto C. Concreteness, context availability, and imageability ratings and word associations for abstract, concrete, and emotion words // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 1999. 31(4). P. 578–602.

Barry C., Morrison C.M., Ellis A.W. Naming the Snodgrass and Vanderwart Pictures: Effects of Age of Acquisition, Frequency, and Name Agreement // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1997. 50(3). P. 560–585. DOI: 10.1080/027249897392026

Butler B., Hains S. Individual differences in word recognition latency // *Memory & Cognition*. 1979. 7 (2). P. 68–76.

Brysbaert M., Lange M., Van Wijnendaele I. The effect of age-of-acquisition and frequency-of-occurrence in visual word recognition: Further evidence from the Dutch language // *European Journal of Cognitive Psychology*. 2000. 12(1). P. 65–85. DOI: 10.1080/095414400382208

Carroll J.B., White M.N. Word frequency and age of acquisition as determiners of picture-naming latency // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1973. 25(1). P. 85–95.

Catling J.C., Elsherif, M.M. The hunt for the age of acquisition effect: It's in the links! // *Acta Psychologica*. 2020. №209. P. 103138. doi:10.1016/j.actpsy.2020.103138

Ellis A.W., Morrison C.M. Real age-of-acquisition effect in lexical retrieval // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1998. 24(2). P. 515–523.

Ghyselinck M., Lewis M.B., Brysbaert M. Age of acquisition and cumulative-frequency hypothesis: A review of the literature and a new multi-task investigation // *Acta Psychologica*. 2004. 115. P. 43–67.

Gilhooly K.J., Gilhooly M.L. Age-of-acquisition effect in lexical and episodic memory tasks // *Memory & Cognition*. 1979. 7 (3). P. 214–223.

Grigoriev A., Oshhepkov I. Objective age of acquisition norms for a set of 286 words in Russian: Relationships with other psycholinguistic variables // *Behavior Research Methods*. 2013. №45. P. 1208–1217. DOI 10.3758/s13428-013-0319-0

Luniewska M. et al. Ratings of age of acquisition of 299 words across 25 languages: Is there a cross-linguistic order of words? // *Behavior Research Methods*. 2016. №48. P. 1154–1177. DOI 10.3758/s13428-015-0636-6

Luniewska M. et al. Age of acquisition of 299 words in seven languages: American English, Czech, Gaelic, Lebanese Arabic, Malay, Persian and Western Armenian // *PLoS ONE* 14(8): e0220611. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0220611>

Mandera P., Keuleers E., Brysbaert M. Recognition times for 62 thousand English words: Data from the English Crowdsourcing Project // *Behavior Research Methods*. 2020. №52. P. 741–760. <https://doi.org/10.3758/s13428-019-01272-8>

Morrison, C.M., Chappell, T.D., Ellis, A.W. Age of acquisition norms for a large set of object names and their relation to adult estimates and other variables // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1997. 50A(3), 528–559.

Morrison C.M., Ellis A.W. Roles of word frequency and age of acquisition in word naming and lexical decision // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1995. 21(1). P. 116–133.

Morrison C.M., Ellis A.W., Quinlan P.T. Age of acquisition, not word frequency, affects object naming, not object recognition // *Memory & Cognition*. 1992. 20(6). P. 705–714.

Morrison C.M., Hirsh K.W., Chappell T., Ellis A.W. Age and age of acquisition: An evaluation of the cumulative frequency hypothesis // *European Journal of Cognitive Psychology*. 2002. 14(4). P. 435–459. DOI: 10.1080/09541440143000159

Сведения об авторах

Григорьев Андрей Александрович – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН»

Контактная информация:

129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, 13

ORCID: 0000-0002-6186-2320

e-mail: andrey4002775@yandex.ru

Балясникова Ольга Вениаминовна – кандидат филологических наук, ФГБУН «Институт психологии РАН»; Институт лингвистики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова

Контактная информация:

129366 Москва, ул. Ярославская, д.13

119991, Россия, г. Москва, ул. Трубецкая, д.8

ORCID: 0000-0002-5501-5264

e-mail: bn.post@yandex.ru

Для цитирования:

Григорьев А.А., Балясникова О.В. Психолингвистические переменные как предикторы количественных показателей обратного ассоциативного словаря // Вопросы психолингвистики №2(60), 2024. С. 27–37, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-27-37

UDC 81'23

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-27-37

PSYCHOLINGUISTIC VARIABLES AS PREDICTORS OF QUANTITATIVE INDICATORS OF REVERSE ASSOCIATIVE DICTIONARY⁴

Andrei A. Grigor'ev

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Ol'ga V. Balyasnikova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Linguistics and Intercultural Communication,
Sechenov First Moscow State Medical University,
Moscow, Russia

Abstract

The paper analyses the relations between quantitative indicators of the reverse associative dictionary, the total number of occurrences of a given association (association frequency), and the number of stimuli that caused a given association (association prevalence) with three

---

⁴The study was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00269).

psycholinguistic variables: word length, word frequency, i.e., the number of texts in which the word occurs, and the age of word acquisition. All psycholinguistic variables significantly correlate with the indicators of the reverse associative dictionary. It is shown that each of the three psycholinguistic variables makes an independent contribution to the prediction of association frequency, with the most important predictor being word frequency, according to the results obtained in the study.

Keywords: associations, reverse associative dictionary, word length, word frequency, age of word acquisition

© Grigor'ev A.A., Balyasnikova O.V., 2024

Bionotes

Andrei A. Grigor'ev – D.Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

Contact information:

13, Yaroslavskaya st., Moscow, Russia, 129366

ORCID: 0000-0002-6186-2320

*e-mail:*andrey4002775@yandex.ru

Ol'ga V. Balyasnikova – Cand. Sc. (Philology), Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University

Contact information:

13, Yaroslavskaya st., Moscow, Russia, 129366

8, Trubetskaya st., Moscow, Russia, 119991

ORCID: 0000-0002-5501-5264

*e-mail:*bn.post@yandex.ru

For citation:

Grigor'ev A.A., Balyasnikova O.V. Psycholinguistic variables as predictors of quantitative indicators of reverse associative dictionary // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 27–37. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-27-37 (In Russian)

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Выговская Дарья Геннадьевна

Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия

Харченко Елена Владимировна

Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению понятия «безопасность» как ценности в индивидуальном и общественном языковом сознании россиян. Авторы представляют результаты исследования, цель которого состояла в том, чтобы раскрыть содержание понятия «безопасность» и связанного с ним понятия «защищенность» в языковом сознании носителей русской культуры в условиях меняющейся социально-политической обстановки. В качестве методов исследования были использованы семантический гештальт, предложенный Ю.Н. Карауловым, и свободный ассоциативный эксперимент. Эксперимент проводился в три этапа, в периоды различных глобальных мировых потрясений, а именно: 1) 2012–2013гг. – распространение террористических актов, 2) 2020–2021гг. – пандемия коронавируса, 3) 2022–2023гг. – начало специальной военной операции на Украине. Результаты исследования позволяют описать внутренние смыслы, которые стоят за исследуемыми образами сознания и проследить трансформации в их содержании.

Ключевые слова: языковое сознание, ценность, безопасность, ассоциативный эксперимент, носители русской культуры

Введение

Безопасность – это одно из основополагающих понятий, которое пронизывает все сферы человеческой жизни. В настоящее время современные технологии, социальные преобразования, экологические проблемы и множество других аспектов представляют риски для нашего благосостояния. Поэтому закономерно, что вопросы безопасности приобрели особую значимость, как в повседневной жизни, так и в научных изысканиях. Времена неопределенности и возросшей уязвимости подчеркивают необходимость обеспечения безопасности на всех уровнях. Особую актуальность безопасность приобретает для российского общества, которое в последние десятилетия сталкивается с новыми вызовами, испытаниями и трудностями.

Анализ существующих исследований по теме позволяет обратить внимание на взаимосвязь между безопасностью и национальным сознанием в России. Исследования показывают, что безопасность занимает важное место в системе ценностей российского общества. Защита от внешних угроз и безопасность собственной страны рассматриваются как неотъемлемая часть национальной идентичности. Мы

поддерживаем точку зрения О.Г. Карпович о том, «что абсолютной “безопасности” не может быть по определению. То есть никакой уровень безопасности не может быть принят достаточным, в силу не только наличия реальных угроз, но и существующих субъективных восприятий и поставленных политических целей. Более того, информационная эскалация государством или какими-то политиками темы внутренних и внешних угроз искажает и обостряет восприятие проблем безопасности. При том, что существует целый ряд вечных для человечества и человеческого индивида проблем безопасности, например, безопасность человека и его здоровья. Причем именно эти проблемы в иерархии реальных и мнимых угроз часто отодвигаются на периферию именно под знаменем обеспечения национальной безопасности или безопасности государства» [Карпович 2012: 13].

Еще один момент, заслуживающий внимания – это влияние архетипов сознания на формирование представлений о безопасности. Архетипы – это универсальные образы, которые формируются в коллективном бессознательном. В российском обществе с безопасностью связаны, например, такие архетипы, как «защитник», «герой», «мужество». Исследования показывают, что эти архетипы поддерживаются и укрепляются в обществе через массовую культуру и символику. Как отмечает А.Г. Задохин, «людям свойственно ощущать свою небезопасность на основе внутренних неосознанных стереотипов, сформировавшихся в прошлом и закрепленных в памяти. Ранние этапы развития человеческих общностей протекали в условиях жесткой конкуренции и сводились, прежде всего, к физическому выживанию, что определило характер архаических образов, стереотипов и поведенческих схем. В этнической памяти каждого народа зафиксировалось на генетическом уровне восприятие той внешней среды, представленной различными народами, с которой был связан его первичный контакт» [Задохин 2015: 22].

В период системного кризиса и усиления социальной разобщенности воздействие архетипов на общество становится более заметным. Под влиянием разрушения привычных ценностей и распада внутригосударственных коммуникаций, коллективное бессознательное начинает проявляться сильнее, таким образом, оказывая влияние на социальное действие. В такие моменты возникает специфическое психологическое состояние, которое порождает стремление к шаблонным методам преодоления кризисов. Восприятие становится ограниченным, и общество обращается к определенным принципам, сложившимся в прошлом. Этот феномен может проявляться в разных аспектах общественной жизни, включая политику, экономику и культуру. С одной стороны, преобладание стереотипных подходов к решению проблем может замедлить развитие и препятствовать поиску новых, более продуктивных путей развития. С другой стороны, формирование социальной общности и политических институтов в определенной этнокультуре всегда находится под влиянием определенных ориентиров. Эти ориентиры играют решающую роль в создании образов и поведенческих схем, которые становятся основой для развития социокультурных процессов. На их основе возникают устоявшиеся нормы, ценности и традиции, определяющие характер взаимодействия между людьми в обществе.

Сформировавшаяся этнокультура выражает специфическую идентичность и коллективное самосознание группы людей. Отражаясь в обычаях, ритуалах и мировоззрении, она оказывает глубокое влияние на формирование личности и коллективного поведения. Этнокультурные ориентиры создают основу для

устойчивой социальной структуры и единства в разнообразии культурных выражений. Именно через призму этих ориентиров формируются не только социальные нормы и ценности, но и институты власти, законодательство, экономические отношения и политические процессы. Все это взаимосвязано и определяет характер развития общества в целом. Кроме того, «стереотипная ориентация общественного сознания с опорой на его архаические слои и в современных условиях может иметь определенное мобилизационное воздействие на консолидацию нации и преодоление трудностей развития и выхода из кризиса» [Задохин 2015: 22].

Тем не менее, данный подход может стать причиной ограничения прагматического обозначения целей и точного описания национальных интересов, учитывая текущие возможности и тенденции развития общества. В результате, национальные стереотипы могут не соответствовать текущей реальности. Стереотипы, включая представление об угрозе, присутствуют в общественном сознании и могут долгое время оставаться незамеченными. Однако в моменты обострения отношений между государствами они могут стать очевидными и превратиться в часть политической стратегии, формируя основу для принятия стратегических решений и действий на международной арене [Задохин 2015: 20]. В связи с различными политическими и идеологическими ориентациями, национальными особенностями и текущим положением страны, а также угрозами и вызовами, с которыми сталкивается нация, подходы к вопросам безопасности могут существенно различаться. Поэтому важно учитывать и анализировать все эти факторы при разработке мер по обеспечению национальной безопасности. Изменение стереотипов и пересмотр национальных архетипов является важным шагом в развитии общества и формировании более сбалансированных и адаптивных стратегий в современном мире.

Методы и материалы

В рамках данного исследования для нас было важным проанализировать наполнение понятия «безопасность» и связанного с ним понятие «защищенность» в сознании носителей русской культуры в контексте изменяющихся условий. Интерес для нас представляли три важных периода, которые ознаменовали глобальные мировые потрясения, а именно:

- 1) период 2012–2013 гг., особенностью которого стало большое количество террористических актов по всему миру и в России;
- 2) период 2020–2021 гг. – время глобальной пандемии коронавируса;
- 3) период, начиная с конца февраля 2022 года – начало специальной военной операции на Украине, политических и экономических потрясений как для России, так и для других стран.

Одним из источников информации для нас стали результаты контент-анализа: «этот метод является оптимальным для решения плохо структурированных проблем, либо отправной точкой в многоаспектных исследованиях. Контент-анализ – это содержательный анализ массивов однородных документов, как например, публикаций в средствах массовой информации, имеющий своим предметом анализ содержания текстовых массивов и продуктов коммуникативной корреспонденции» [Пашинян 2012: 14]. Отметим, что в данной работе мы считаем целесообразным не столько «представить количественную структуру содержания текста, сколько зафиксировать наличие элемента содержания текста – индикатора, соответствующей категории содержания, т.е. выявить качественные модели содержания» [Пашинян 2012: 14].

Нами была проведена серия свободных ассоциативных экспериментов, время проведения соответствовало трем выделенным этапам. Эксперименты проводились в группах с равным количеством респондентов, с одинаковыми социально-демографическими характеристиками, но в разные годы, в условиях разной социально-политической обстановки.

При анализе результатов свободного ассоциативного эксперимента применялся метод семантического дифференциала, предложенный Ю.Н. Карауловым, который он назвал семантическим гештальтом [Караулов 2000: 107-108]. По мнению ученого, «семантический гештальт представляет собой одну из структур, позволяющих систематизировать состав ассоциативного поля. Гештальт – это структура поля, основанная на семантическом анализе (классификации) реакций, входящих в поле, и состоящая из семантических зон, каждая из которых является характеристикой существенного признака соответствующего референта. В результате совокупность этих признаков формирует интенционал ассоциируемого стимула, обобщенный образ частички мира, стоящей за определенным словом» [Караулов 2000: 108]. Таким образом, применение данного метода означает разделение всех реакций на определенный стимул на семантические группы.

Результаты и обсуждение

Во-первых, проведенный анализ различных интернет-источников и публикаций СМИ в каждый изучаемый период позволил выделить основную тематику и список ключевых понятий, которые использовались в публикациях интересующих нас периодов. Основные результаты представлены в таблице 1.

Таблица №1

Характеристика периодов

Период /год	Краткая характеристика	Вербальные маркеры периода
2012–2013	Время террора. За этот период произошло, по меньшей мере, 80 различных террористических актов	Теракт, террорист-смертник, взрыв, стрельба, Ирак, Исламское государство, боевики, оружие, война, смерть, жертвы, группировка, бомба
2020–2021	Время начала пандемии Covid-19, первой пандемии в новой истории человечества	Covid-19, пандемия, вирус, заражение, случай заражения, инфекция, вакцинация, коронавирус, карантин, локдаун, подтвержденный случай, эпидемия, маска, вспышка (заболеваемости), угроза, распространение
2022–2023	Время начала специальной военной операции на Украине	Военная спецоперация, военная операция, ДНР, ЛНР, Украина, наступление, боевые действия, ВСУ Украины, ВС России, переговоры, война, вторжение, агрессия, кризис, провокация

Следующим этапом стал свободный ассоциативный эксперимент, который позволил вскрыть и проанализировать смыслы, которые носители русской культуры вкладывают в понятия **безопасность** и **защищенность**. Рассмотрим ассоциативное поле к стимулу **безопасность**. Список самых частотных реакций представлен в таблице 2.

Таблица №2

Ядерные реакции на стимул **безопасность**

2012–2013 гг.	2020–2021 гг.	2022–2023 гг.
защита – 20 (9%) дом – 18 (8%) охрана – 16 (7%) жизнь – 9 (4%) спокойствие – 8 (4%) сейф – 7 (3,3%) жизнедеятельности – 6 (3%) надежность – 6 (3%) дорога – 4 (2%) защищенность – 4 (2%) опасность – 4 (2%) полиция – 4 (2%) ремень – 4 (2%) семья – 4 (2%)	дом – 30 (15%) спокойствие – 11 (5,4%) защита – 9 (4,4%) охрана – 7 (3,4%) семья – 6 (3%) ответственность – 5 (2,4%) опасность – 5 (2,4%) жизнь – 4 (2%) уверенность – 4 (2%) надежность – 4 (2%) мама – 4 (2%)	дом – 39 (18%) защита – 16 (7,2%) спокойствие – 13 (6%) опасность – 10 (4,5%) полиция – 6 (2,7%) комфорт – 5 (2,3%) надежность – 5 (2,3%) охрана – 5 (2,3%) семья – 5 (2,3%) важно – 4 (2%)

Для носителей русской культуры безопасность в 2012–2013 годах – это, прежде всего *защита* (20), *охрана* (16), *дом* (18), *жизнь* (9), *спокойствие* (8). Среди периферийных реакций можно выделить группу, связанную с видами безопасности (*движения, дорога, на дороге, страны, человека, личная* и т.д.), группу обеспечения безопасности (*полиция, бункер, оружие, щит, каска* и т.д.).

Безопасность в период пандемии – *это дом* (30), *спокойствие* (11), *защита* (9), *охрана* (7), *семья* (6), *ответственность* (5), также можно выделить группу виды безопасности (*жизнедеятельности, пожарная, в мире, экономическая*), обеспечивает безопасность (*полиция, оружие, автомат, забор, броня* и т.д.), явно выделяется зона родные и близкие (*семья, мама, друзья, родные, дети*), а также дается оценка (*в первую очередь, важна, важная, важно, важное, важность*).

И, наконец, в 2022 году безопасность – это, прежде всего, *дом* (39), *защита* (16), *спокойствие* (13), *опасность* (10), *полиция* (6), *комфорт* (5), *надежность* (5), *охрана* (5), *семья* (5). Респонденты разделяют виды безопасности (*жизни, города, государственная, информационная, личная, моя, на дороге, общественная, страны, финансовая, экологическая, экономическая*), обозначают то, что может обеспечить безопасность (*полиция, Путин, ФСБ, армия*), дают оценку (*важно, необходимо, превыше всего, главное, приоритетна, самое главное*). Присутствуют реакции, связанные с родными людьми (*семья, папа, дети*). Нельзя не заметить появление таких реакций, как *Отчизна, Родина*.

Рассмотрим понятие **защищенность**. Частотные реакции представлены в таблице 3.

Таблица №3

Ядерные реакции на стимул защищенность

2012–2013 гг.	2020–2021 гг.	2022–2023 гг.
безопасность – 15 (8,3%) спокойствие – 15 (8%) – 8 (4,4%) дом – 7 (4%) уверенность – 7 (4%) надежность – 5 (3%) стена – 4 (3%)	дом – 25 (12%) безопасность – 19 (9%) спокойствие – 17 (8%) семья – 10 (5%) уверенность – 8 (4%) мама – 7 (3,4%) объятия – 5 (2,4%) комфорт – 4 (2%) надежность – 4 (2%) тепло – 4 (2%)	безопасность – 29 (13,5%) спокойствие – 25 (11,5%) дом – 20 (9%) уверенность – 10 (4,6%) щит – 7 (3,2%) надежность – 6 (2,8%) армия – 4 (2%) защита – 4 (2%) комфорт – 4 (2%)

В 2012 году наиболее частотными реакциями на стимул защищенность были: *безопасность (15), спокойствие (15), дом (7), уверенность (7), надежность (5)*. Ответы респондентов отражали мнение о том, где они могут испытывать чувство защищенности (*в доме, в тылу, в семье*), что необходимо для ощущения защищенности (*броня, забор, крепость, бункер, каска, оберег и т.д.*), кто может обеспечить это чувство (*семья, охрана, армия, близкий человек, дети, друзья, муж, отец и др.*), также респонденты дают ответ какой может быть защищенность (*социальная, абсолютная, внутри себя, негарантированная*).

В 2021 году **защищенность** – это, прежде всего, *дом (25), безопасность (19), спокойствие (17), семья (10), уверенность (8), мама (7), объятия (5)*, также можно выделить зону, где и такие реакции, как (*в семье, в интернете, за мужем, не в России*), группу что составляют такие реакции, как (*бронезилет, щит, контрацептив, крыша, автомат, броня, воздушный купол, одеяло и др.*), среди людей (группа ‘кто’), которые необходимы, чтобы чувствовать себя защищенным, значатся *муж, любимый человек, брат, армия, охрана*.

Защищенность (2022 год) – это *безопасность (29), спокойствие (25), дом (20), уверенность (10), щит (7), надежность (6), защита (4), комфорт (4), армия (4), сила (3), стабильность (3), безопасно (2), броня (2), гарантия (2), защищать (2), информация (2), крепость (2), оборона (2), опора (2), отсутствует (2), охрана (2), покой (2), родные (2), сильный народ (2), стена (2), хотелось бы (2)*.

Полученные ответы можно также объединить в группы. Например, в группу ‘что’ входят такие реакции, как *граница, доверие, выдержка, вооружение, вражда, гарантии безопасности, железный занавес, забор, забота, работа, опека, прививка, тыл, укрытие, храм, мир, справедливость, сохранность, Россия, РФ*. В группу ‘кто’ попали следующие реакции: *мама, муж, народ, отец, родители, семья*. Группа ‘где’ представлена двумя реакциями: *здесь и рядом с любимым человеком*. Среди ответов респондентов можно найти ответ на вопрос, ‘какой’ может быть защищенность, например: *личная, ментальная, своя, страны*. Кроме того, респонденты дают свою оценку, примерами которой могут быть реакции *важность, иллюзия, не страшно, необходима, норма, обман, относительно, хорошая, хорошо*.

Подробный анализ исследуемых образов сознания позволяет обозначить следующие моменты:

1. Во-первых, ядро и частотные реакции на стимул **безопасность**, полученные в ходе эксперимента в 2022 году являются более емкими и узконаправленными. Во-вторых, семантическая зона оценки наиболее ярко представлена именно на данном этапе исследования, например, реакции периода пандемии *в первую очередь, важно, важна* и реакции периода СВО – *превыше всего, главное, приоритетна, самое главное*.

2. Нельзя не обратить внимание и на другие изменения в составе ядра. Так, например, на стимул **безопасность** увеличился процент представленности реакции *опасность*, распределение по трем этапам 2% (2012–2013 гг.) – 2,4% (2020–2021 гг.) – 4,5% (2022–2023 гг.). Подобная динамика прослеживается и с реакцией *дом*. В период 2012–2013 гг. выраженность данной реакции составляла 8%, в период пандемии – 15%, с началом СВО – 18%. В случае со стимулом **защищенность** примерами значимых изменений ядра являются реакция *безопасность*, выраженность которой составила 8%–9%–13,5% (соответственно трем периодам), и реакция *спокойствие*, которая в ответах респондентов в 2012–2013 гг. и в период пандемии составляла 8%, а в 2022–2023 гг. – 11,5%.

3. Анализ периферийных реакций позволяет выявить другие интересные детали. Так, например, группа родные и близкие в реакциях на стимул **безопасность** гораздо шире представлена в ответах респондентов в период пандемии, в то время как анализ анкет, полученных на третьем этапе исследования (начало СВО) позволяет выделить группу виды безопасности, которая в данном случае представлена более полно и включает еще и такие виды безопасности, как *информационная* и *экологическая*.

Заключение

В заключении можно сделать вывод о том, что в языковом сознании россиян ценность **безопасность** была и остается крайне актуализированной, но в условиях новых вызовов значимость данной ценности продолжает расти. Кроме того, меняются внутренние смыслы, которые стоят за данным образом сознания: если в 2012–2013 гг. в сознании респондентов это было многоплановое и широкое понятие, которое включало разные аспекты повседневной жизни, то в период пандемии фокус внимания сдвигается в сторону семьи и родных, собственного ответственного поведения, обеспечивающего защищенность себя и своих близких, а с началом специальной военной операции приоритеты вновь меняются и на первый план выходит безопасность государства, своей Родины. Полученные данные и зафиксированные изменения в ядре ассоциативных полей отражают тот самый мобилизационный механизм, который срабатывает в сознании россиян в случае нарастающей угрозы. Опасности настоящего времени отсылают к архетипу войны – устойчивому образу в сознании российского общества, образу, который отражает представления о насилии, борьбе, разрушении, противостоянии добра и зла, рождения и смерти. В текущей ситуации, несмотря на относительно недавние заявления ученых о разобщенности российского общества, обозначенные образы и бессознательные модели поведения способствует единению нации, стимулированию патриотических чувств, готовности к защите интересов государства даже в ущерб собственных.

Кроме того, сопоставляя данные проведенного анализа интернет-источников и публикаций СМИ с результатами экспериментов, можно отметить тесную взаимосвязь между тем, что и как пишут СМИ и тем, какое отражение это находит

в языковом сознании россиян. Действительно, не только сами обстоятельства и определенные социальные и политические условия влияют на репрезентативность образов сознания, но и информационная эскалация и информационное воздействие. Способы такого информационного воздействия заслуживают отдельного внимания и будут рассмотрены нами в других работах.

© **Выговская Д.В., Харченко Е.В., 2024**

Литература

Задохин А.Г. Национальная безопасность: идеология или национальное сознание / А.Г. Задохин // Геополитический журнал. 2015. №3 (10). С. 18–25

Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл., Москва, 1–3 июня 2000г. / ред. Е.Ф. Тарасов. Москва: 2000. С.107–110.

Карпович О.Г. Категория “безопасность” в общественном сознании. Современные тенденции // Государственная власть и местное самоуправление. Москва., 2012. №2. С.13–16.

Пашиных И.А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения / И.А. Пашиных // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. №3 (9). С. 13–18.

Сведения об авторах

Выговская Дарья Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

Контактная информация:

454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76

ORCID: 0000-0002-1372-1953

e-mail: vdariag@mail.ru, vygovskaiadg@susu.ru

Харченко Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык как иностранный», Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

Контактная информация:

454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76

ORCID: 0000-0002-0071-595x

e-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

Для цитирования:

Выговская Д.Г., Харченко Е.В. Безопасность как ценность в российском обществе: диахронический аспект // Вопросы психолингвистики №2(60), 2024. С. 38–46, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-38-46

UDC81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-38-46

Research article

**SAFETY AS A VALUE IN RUSSIAN SOCIETY:
DIACHRONIC ASPECT**

Daria G. Vygovskaia

South Ural State University (national research university),
Chelyabinsk, Russia

Elena V. Kharchenko

South Ural State University (national research university),
Chelyabinsk, Russia

Abstract

The article is devoted to the study of the concept “safety” as a value in the Russians’ individual and public linguistic consciousness. The authors present the results of the research, the purpose of which was to reveal the content of “safety” concept and related concepts in the linguistic consciousness of Russian culture-bearers in different socio-political situations. The method of “Semantic gestalt” (proposed by Yu.N. Karaulov) and free associative experiment were used as research methods. The experiment was carried out in three stages, during periods of various global world upheavals, namely: 1) 2012–2013, the spread of terrorist attacks, 2) 2020–2021, the coronavirus pandemic, 3) 2022–2023, the beginning of a special military operation in Ukraine. The results of the research make it possible to describe the internal meanings that lie behind the studied images of consciousness and to trace transformations in their content.

Keywords: linguistic consciousness, value, safety, associative experiment, Russian culturebearers

© Vygovskaya D.G., Kharchenko E.V., 2024

Bionotes:

Daria G. Vygovskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, South Ural State University (national research university)

Contact information:

Prospekt Lenina, 76, Chelyabinsk, Russia, 454080

ORCID: 0000-0002-1372-1953

e-mail: vdariag@mail.ru, vygovskaiadg@susu.ru

Elena V. Kharchenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, South Ural State University (national research university)

Contact information:

Prospekt Lenina, 76, Chelyabinsk, Russia, 454080

ORCID: 0000-0002-0071-595X

e-mail: ev-kharchenko@yandex.ru

For citation:

Vygovskaya D.G., Kharchenko E.V. Safety as a value in Russian society: diachronic aspect // Journal of Psycholinguistics.2(60), 2024. P. 38–46. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-38-46 (In Russian)

**«РИСУНОК ПЕРОМ»:
ИГРОВОЙ ТЕКСТ В АСПЕКТЕ ЕГО ВОСПРИЯТИЯ**

Татьяна Александровна Гридина

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

Надежда Сергеевна Абрамова

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

Аннотация

Проблемное поле статьи связано с верификацией метода контртекста как экспериментальной психолингвистической процедуры применительно к особенностям восприятия игрового художественного текста. Под *игровым текстом* понимается произведение, в котором языковая игра выполняет сюжетообразующую и смыслообразующую функции и требует от реципиента декодирования игровых кодов, характерных для идиостиля автора. В связи с этим глубина понимания текста зависит от уровня его сложности, в том числе обусловленного ведущей игровой техникой писателя, и от стратегии интерпретирования, актуальной для читателя в соответствии со степенью сформированности его лингвокультурных и лингвокреативных компетенций. Объектом читательской рецепции в данном экспериментальном исследовании является новелла С.Д. Кржижановского «Рисунок пером» (1934). Сюжет новеллы развивается в условно-реальном ключе; использованная в ней игровая техника носит характер гротеска, высвечивая авторскую идею через интертекстуальность и языковые аллюзивно-символические маркеры. Особенности восприятия данного текста связаны с необходимостью дешифровки импликатур, заданных этими игровыми кодами. Результаты, полученные в ходе эксперимента, проведенного со студентами-филологами, в полной мере демонстрируют положение о вариативности аспектов восприятия авторского замысла и разной глубине понимания текста в зависимости от выбора рецептивной стратегии и способности читателя декодировать приемы языковой игры. Выделены стратегии, релевантные для анализа игрового текста: ориентировочная и ситуативно компенсирующая фабульная стратегии, диалоговая и интертекстуальная стратегии, стратегия игрового «подключения», стратегия метаязыкового комментирования, ожидаемо актуальная для респондентов-филологов. Полученные результаты намечают перспективу выделения и уточнения специфики рецептивных стратегий, характерных для интерпретации игрового текста.

Ключевые слова: художественный текст, рецепция, языковая игра, психолингвистический эксперимент, метод контртекста, С.Д. Кржижановский

Введение

В современной психолингвистической парадигме изучения текста особое место занимает проблема соотношения авторской и читательской версий его интерпретации. Такой ракурс исследования базируется на постулате о тексте как динамической структуре, которая содержит возможности преобразования его смысла в свете актуальных (значимых, доступных) для конкретного индивидуума аспектов осознания авторского посыла. Проблемное поле анализа данного феномена в заявленном аспекте многомерно представлено в исследованиях А.А. Залевской, по утверждению которой «...“воздействие” текста на концептуальную систему человека проявляется в процессе означивания текста как сложного языкового знака, когда индивид обращается к своему вербальному и невербальному, перцептивному, когнитивному и аффективному опыту (личному, но включенному в социальные взаимодействия) при обязательном сочетании понимания с переживанием понимаемого». Соответственно понимание текста обеспечивается «... через встречное конструирование ситуации на основе знания о том, что, как, когда, зачем и почему, с какими целями, результатами и следствиями было, бывает, может или не может случиться в реальном или воображаемом мире» [Залевская 2002: 64–65]. Данное утверждение коррелирует с основным постулатом психолингвистики об особой роли предшествующего опыта говорящих в процессе восприятия и порождения текста, значимости этого опыта для «прогнозирования **вероятных возможностей**» развития действия (см. об этом [Залевская 2007, 2014]).

При этом, чем более сложен, нестандартен текст, включающий в себя «случаи неоднозначности, эллиптичности, использования тех или иных художественных приемов, “языковых трюков”», тем выше его энергетика «за счет перехода на уровень актуального сознавания реципиентом языковых форм и отношений между ними и/или между содержанием текста и индивидуальной картиной мира, принятой в социуме системой норм и оценок и т.д., что в других ситуациях не замечается по причине “прозрачности” понимаемого» [Залевская 2002: 64].

Приведенные рассуждения задают перспективу верификации разных аспектов восприятия текста (в особенности художественного) с учетом не только фоновых знаний, но и уровня лингвистической и жанровой компетенции потенциального адресата, на которого ориентируется автор.

Несомненный исследовательский интерес в этом отношении представляет собой игровой текст. Данный феномен рассматривается нами как «...произведение, транслирующее авторскую мысль с учетом потенциальных читательских рефлексий **над нестандартным содержанием и формой знаков**, требующих декодирования *игровых импликатур*» [Гридина 2012: 275]. Это предполагает, в первую очередь, считывание техники языковой игры как сюжетообразующего «триггера», который побуждает адресата к ассоциативному переключению регистров реальности и вымысла, свойственных идиостилю конкретного автора: игрока-транслятора (имитатора, стилизатора), игрока интерпретатора, игрока-генератора (креатора) и т.п. (см. об этом [Гридина 2013, Гридина 2020]). Следовательно, восприятие игрового текста должно быть рассмотрено с учетом авторской идиостилевой доминанты.

Ярко выраженная эвристическая игровая доминанта характерна для художественного почерка С.Д. Кржижановского, чья проза нуждается в читателе-интеллектуале, способном пройти сквозь лабиринт сложно структурированного сюжета путем

декодирования игровых импликатур. Приоритетным для писателя является насыщение игрового слова философской подоплекой и парадоксальной символикой. В частности, литературоведами отмечается, что игровые по своей «креативной сути» произведения Кржижановского активно используют «...возможности, заложенные в слове, как для формирования интеллектуальной энергии воздействия на читателя..., так и для привлечения того, кто воспринимает прежде всего фантастическое остранение действия и схватывает удивляющий процесс выдумывания новых слов, как ребенок, понимающий, что с ним шутят. Искусно оперируя словом, автор осуществляет способность вызывать ассоциации из области глубокой философии, не избегая соблазна увлечь читателя блестящей игрой языка» [Химич 2012: 352]. Считаем важным подчеркнуть, что восприятие игрового текста как бы «отзеркаливает» процесс его порождения, постоянно ставя читателя в ситуацию «сотворчества» с автором. Данное утверждение, однако, нуждается в экспериментальной верификации.

Для анализа игрового текста в заявленном ключе мы обратились к новелле С.Д. Кржижановского «Рисунок пером»¹. Это небольшое произведение открывает «пушкиниану» Кржижановского, в которой он выступает одновременно как писатель и исследователь-литературовед. В «пушкиниану» Кржижановского, помимо новеллы «Рисунок пером» и пьесы «Тот третий» (1937), написанной по мотивам повести «Египетские ночи», входят теоретические труды «Искусство эпиграфа (Пушкин)» (1936), «По строфам “Онегина”» (1936), «Лермонтов читает “Онегина”» (1939), «История одной рукописи (“Борис Годунов”»)» (1937).

«Рисунок пером» отличается от остальных «пушкинских текстов» Кржижановского и содержит ключевые особенности игровой поэтики писателя. Новелла, написанная в 1934 году в 135-летний юбилей Пушкина, является ответом на рвение литераторов и литературоведов сказать свое значимое слово по пушкинской теме. Это произведение, скорее, «...принадлежит перу не столько Кржижановского-писателя, сколько Кржижановского-литературоведа-пушкиниста, который решил приступить к исследованию пушкинского творчества, но вдруг остановился, так как понял, что не знает, как это сделать лучше, чтобы случайно не уподобиться тем “пушкинистам”, которые стремились подогнать Пушкина под свое представление о нем и его поэзии» [Невская 2003: 93–94].

Сюжет данной новеллы развивается в условно-реальном ключе: по замыслу писателя, читатель не сразу определяет, в действительности происходят описываемые события или это иллюзия, сновидение. В сравнении с другими произведениями Кржижановского, полными искусного словотворения, в новелле «Рисунок пером» игра с читателем осуществляется благодаря интертекстуальности, аллюзивности текста и активизации культурного фона реципиента в свете авторской иронии, граничащей с пародийным гротеском.

В основе сюжетной коллизии лежит идея дискредитации так называемых ученых-пушкинистов, эксплуатирующих творческое наследие Пушкина и «подменяющих» в угоду самопрезентации идеалы высокого искусства профанными изысканиями (в частности, определяя, *в бане или у колодца, в ночь с какого числа на какое* мог поэт

---

¹ Цитирование новеллы С.Д. Кржижановского «Рисунок пером» осуществляется по изданию [Кржижановский 2003].

написать свои стихотворения «Прозерпина» и «Пора, мой друг, пора!»). В данный пародийный сюжет вплетается и традиционный для идиостиля Кржижановского фантазмагорический эпизод. Это перемещение героев новеллы (псевдоученого Гроцяновского, бездарного поэта Самосейского и директора Пушкинского кабинета Долева) в ирреальное пространство пушкинского *рисунка пером* с изображением поднявшегося на дыбы коня **без всадника**. Аллюзия на поэму «Медный всадник», над статьей о которой работает Долев, и ассоциация с мифологическим образом Пегаса (символом поэтического творчества в противовес поэтической бездарности) выступают как визуализированная метафора противопоставления настоящего искусства эпигонским попыткам его интерпретации. Встреча героев новеллы в этой фантастической реальности с «ожившим» Пушкиным ставит все на свои места, утверждая приоритет истинного творчества над всем спекулятивным и суетным в осмыслении поэтического дара.

Экспозиция новеллы знакомит с главными действующими лицами. Это герои с говорящими именами. Фамилия директора Пушкинского кабинета (*Долев*) по принципу ассоциативной выводимости актуализирует аллюзивный потенциал мотиватора: *доля* – это и участь, судьба (в том числе несчастливая, горькая), и часть от целого, что может означать внутреннюю «разделенность» героя (заметим, что ощущение человеком собственной «нецелостности», ущербности – один из центральных мотивов творчества Кржижановского).

Внутренний монолог Долева передает его отношение к посетителям музея – *маститому* пушкиноведу профессору Гроцяновскому и поэту Самосейскому. Оценочную игровую подоплеку имеют в авторской передаче мыслей директора «вставные реплики», снимающие коннотацию «значительности» этих персонажей как представителей научной и поэтической элиты (раздраженное *наконец этот* в случае с пушкиноведом переводит оценочное клише *маститый* в иронический регистр, а попытка вспомнить малозначимую персону *плюс, как его, ах да* сводит на нет патетичность с претензией на избранность говорящей фамилии поэта-самоучки Самосейского). Дальнейшее уточнение информации о посетителях, одновременно противопоставленных друг другу степенью своей известности и объединенных тем, что они стали причиной утомленности и раздражения Долева, усиливает сатирическую тональность изображения представителей культуры и науки, паразитирующих на имени Пушкина.

Псевдонаучность исследований пушкиноведа Гроцяновского становится понятной сразу по абсурдности утверждений, которые он *долго, не выпуская из рук полы пиджака Долева, толковывал* директору Пушкинского кабинета. В утрированную научную форму облекается бессмысленность как самого предмета научных изысканий «ученого», так и его интерпретаций. Искаженная, ошибочно воспроизводимая им строка пушкинского стихотворения 1824 года «Прозерпина» («*Блещут воды Флегетона*» вместо «*плещут*») служит «профессору-пушкинисту» доказательством того, что эти стихи *возникли* у колодца, а не в бане, так как *в деревянной баньке села Михайловского вода не могла «блистать», поскольку баня была парной и в ней не было электрического освещения*.

Характеристики творчества поэта Самосейского достаточно неопределенны: это указание на то, что *его стихотворение, обращенное к Пушкину, в газете такой-то, там-*

то, тогда-то и как раз о том-то якобы незаслуженно не было принято и опубликовано в юбилейном альбоме музея. С меньшей степенью эмоциональности по сравнению с профессором Гроцяновским, но с *горестным недоумением*, он пытается устранить несправедливость, связанную с пренебрежением его творчеством. Примечательно, что при следующем появлении в новелле этого героя – уже в фантазийной реальности, порожденной видением Долева, – пафосная фамилия *Самосейский* подменяется на *Самосейкин* (с использованием сниженной стилистической коннотации ономастического форманта).

Представление творчества самого директора Пушкинского кабинета, работающего над статьей о «Медном всаднике», насыщено аллюзивной символикой, сопряженной с названием новеллы. Метафора *перо побегало по строчке* продуцирует игровой эффект ассоциативного наложения, одновременно отсылая к прямому значению ключевого слова («перо – орудие письма») и к образу пера как «атрибута» поэтического вдохновения (здесь – научной работы ученого-пушкиниста); ср. также всплывающую аллюзию на фразеологизм «бойкое перо» – о том, кто с легкостью пишет, излагает свои мысли.

В сочетании с предшествующим авторским комментарием о том, что статья не получалась у Долева (*Он уже вторую неделю писал, черкал и снова начинал писать*), смысл фразы «*перо побегало по бумаге*» иронически нивелируется. Приведенный отрывок статьи, над которой «бьется» Долев, по своей стилистической и содержательной абсурдности мало уступает изысканиям пушкиниста Гроцяновского. Ср. литературоведческую оценку роли данного фрагмента новеллы в дискредитации псевдоштудий о Пушкине в противовес его творческой раскрепощенности: «В результате за фасадом тяжеловесного, дремучего стиля пропадает сам творец, и от великого замысла не остается камня на камне. Видимо, для Кржижановского было очень важно показать, как может выглядеть живое, выразительное слово гения в интерпретациях литературоведов. Такова, по мнению писателя, судьба пушкинского наследия спустя сто лет» [Невская 2003: 97].

Основная часть новеллы объединяет всех трех героев, профессиональная деятельность которых связана с творчеством Пушкина. Внимание Долева, разбирающего архивы для написания статьи, привлекает пушкинский рисунок с изображением коня, повторяющего в общих чертах памятник *Фальконета* (Фальконе). Подчеркнутое отсутствие всадника на рисунке, похожем на известный памятник Петру I, тревожит Долева своей незавершенностью, является загадкой (*Где же всадник, где звучала его медная поступь и почему седло на рисунке № 411 было пусто?*). «Оживление» этого рисунка в ходе его разглядывания Долевым переводит сюжет новеллы в другую, фантастическую реальность: *двухмерное плоское пространство бумажного листа разворачивается в трехмерное, объемное (Местность уходила в глубину мягкими холмами, за контурами которых виднелась вершина какой-то горы, одетая в легкие росчерки туч)*. «Фальконетовский» конь без всадника, оживая, превращается в Пегаса (*вывинчиваясь из плоского тела..., стали быстро расти легкие крылья; к двум парам ног пришла на подмогу третья, воздушная*). Долев становится свидетелем не только чудесного полета Пегаса, который *несся... высоко над нижним краем листа, ныряя в облака и из них выныривая*, но и рождения *Иппокрены* – легендарного источника вдохновения, что стало причиной творческого прозрения главного персонажа.

Вопрос об отсутствующем всаднике переходит в другое смысловое поле: это уже не «кумир на бронзовом коне» (Петр I), а тот, кто может оседлать самого Пегаса, **поэт**. Символическое подкрепление данной мысли репрезентировано появлением в этой «ирреальной реальности» человека, одетого *в черный, как клякса, узкий в талии и широкими раструбами расходящийся книзу сюртук*, нового героя, в котором легко опознается Пушкин.

Развивая сюжет, в этой части новеллы Кржижановский с помощью гротескных оценочных характеристик срывает маски с персонажей, ставших частью чернильного рисунка. *Запылавшийся, со сбившимся галстуком* поэт Самосейский комически переименовывается в *Самосейкина*. Образ Гроцяновского получает утрированно карикатурную аранжировку: *из прорванных локтей черного сюртука профессора торчали его голые натруженные мозолистые локти*. В этом описании внешности героя просвечивает буквальный и переносный смысл выражения **работать локтями**, делая прозрачной реальную оценку заслуг «маститого» пушкиниста. Тем более смешна, но вполне объяснима попытка поэта и профессора поймать ускользающее от них вдохновение – *крылатого коня, который, прежде чем сбить неудачливых ловцов с ног, оглядел их веселым, юмористическим оком* (данная ремарка – прямая авторская отсылка к сатирической подоплеке текста).

Важно, что Долев как главный герой новеллы на протяжении всех событий, разворачивающихся в этом фантастическом мире, остается неподвижен – *руки чугунными перилами вросли в подлокотники кресла, и Долев мог только одно: наблюдать*. Финальный фрагмент новеллы задает перспективу переосмысления героем устоявшегося в его сознании отношения к творчеству, что маркировано Кржижановским игровым приемом обманутого ожидания: у директора музея вместо задуманной серьезной статьи... *получился фантастический рассказ*.

И если само появление Пушкина на ожившем рисунке становится стимулом творческого перерождения для Долева, то для карикатурных персонажей новеллы, Гроцяновского и Самосейского-Самосейкина, это лишь повод для решения их меркантильных интересов. Первый просит поэта: «...*обогадите нас датой, одной крохотной датой: в ночь с какого числа на какое (год нам известен), с какого на какое изволили вы начертать ваше “Пора, мой друг, пора!” э цетера?!*» Второй после тщетных попыток уподобиться великому поэту, вписав своим **вечным пером** (=авторучкой) в *бумажный воздух* листа строчки собственных «гениальных» стихов, готов удовольствоваться и автографом Пушкина.

Таким образом, игровая техника Кржижановского, использованная в новелле «Рисунок пером», носит характер гротеска, высвечивая авторскую мысль через языковые аллюзивно-символические маркеры. Соответственно, прогноз восприятия данного текста гипотетически должен состоять в «считывании» имплицатур, заданных этими игровыми кодами.

Материалы и методы

В качестве экспериментальной методики, позволяющей исследовать особенности восприятия описанного выше текста С.Д. Кржижановского в свете высказанной гипотезы, был использован метод «контртекста», предложенный А.И. Новиковым [Новиков 2003]. Поскольку в ходе эксперимента реципиенты фиксируют все

возникающие в их сознании реакции на каждый фрагмент текста, не читая следующие, получившийся таким образом «встречный текст» позволяет судить о внутренней стороне процесса восприятия.

При интерпретации полученных данных А.И. Новиков выделяет 15 видов читательских реакций, формирующих контртекст – «содержательных», т.е. соотносимых «с содержанием конкретных предложений исходного текста» (*ассоциация, вывод, ориентировка, перевод, предположение, прогноз, перефразирование*), и «релятивных», которые «к содержанию предложений непосредственно не относятся», а «выражают... отношение реципиента к воспринимаемому» (*визуализация, генерализация, интертекст, инфикация, констатация, мнение, оценка, свободный ответ*) [Новиков 2003: 69]. В ходе эксперимента по восприятию новеллы «Рисунок пером» была сделана попытка определить степень влияния выбора рецептивной стратегии (включающей в себя единичные реакции или комплекс реакций) на понимание отдельного фрагмента и целого текста с учетом способности читателя декодировать приемы языковой игры, используемые писателем.

В качестве исходного постулата принималось положение о том, что глубина понимания игрового текста зависит (а) от уровня его сложности, (б) от стратегии его интерпретирования, актуальной для каждого респондента в соответствии со степенью сформированности лингвокультурных и лингвокреативных компетенций.

В пилотном эксперименте по созданию контртекста на основе новеллы Кржижановского приняли участие студенты 4 курса Института филологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета. Текст новеллы был разделен на 28 фрагментов, реакции на которые должны были предъявить участники. После создания контртекста предлагалось сформулировать общий смысл произведения.

От 16 респондентов получено 448 реакций, при этом участниками эксперимента на один и тот же фрагмент были представлены разные типы реакций, что свидетельствует о высокой степени читательской активности, ожидаемой от реципиентов-филологов. При анализе полученных контртекстов обращалось внимание на стратегии, демонстрирующие понимание игровой условности, метафоричности стимульного текста и факт вовлеченности читателя в «игру с текстом».

Обсуждение результатов исследования

В новелле выделяется несколько содержательных частей: знакомство читателя с героями произведения и их «творчеством» на пушкинскую тему (фрагменты стимульного текста 1–8); переход действия из реального пространства в фантастическое, при котором Долев становится неподвижным наблюдателем событий, имеющих символическое значение, в том числе для его перерождения из посредственного ученого в писателя-фантаста (фрагменты 9–14); появление пары *Самосейкин (Самосейский) – Гроцяновский*, их суетливо-безуспешные попытки приобщиться к настоящей поэзии: поймать Пегаса, собрать «*новые, не читанные никогда никем стихи*» Пушкина, оставить с помощью «*вечного пера*» в бумажном воздухе листа «*свои заметы*»; зеркальное предыдущему появление пары *Белый (Овидий / Вергилий / Анакреон) – Черный (Пушкин)*, истинных «*властителей*» поэзии (фрагменты 15–22); разговор поэта и профессора с Пушкиным (фрагменты 23–25); возвращение Долева в реальное пространство и время (фрагменты 26–28).

Проанализируем некоторые особенности рецептивных стратегий участников эксперимента, проявляющиеся при восприятии выделенных фрагментов стимульного текста (в особенности касающиеся считывания заданных писателем кодов языковой игры).

При восприятии первой содержательной части (знакомство читателя с героями произведения и их «творчеством», фрагменты 1–8) респонденты использовали **ситуативно-компенсирующую стратегию**, позволяющую им сориентироваться в исходной ситуации, ввести незнакомый текст в собственную систему координат. Ведущими реакциями в рамках данной стратегии стали:

(1) **фабульная констатация**, в ходе которой фиксируется развитие сюжета и строится тематическая сетка текста, дополняемая реакциями **оценки** (*Тяжелый день пушкиноведа; У директора Долева работа не из простых*)² или **обобщения** (*Описывается работа; Чувство усталости от сложного дня*);

(2) **инфиксация**. Под инфиксацией (от лат. *infixus* – ‘вставленный’) мы понимаем не только факт «продолжения воспринимаемого предложения, его дополнения, своего рода заполнения межфразового пространства» [Новиков 2003: 68], но и реакцию, при которой респондент «вставляет» в ситуацию себя, иногда профанизирует ее, сосредоточиваясь на актуальном для него смысле (*Сочувствую директору; Очень понимаю внутреннее состояние директора после рабочего дня; Понимаю Долева, я бы тоже себя чувствовала уставшей после такого дня; Эти предл. вызвали во мне отклик, т.к. я работаю в школе, сталкиваюсь с перегрузом, усталостью*).

Интерпретируя текстовые фрагменты, включающие авторскую ироническую характеристику персонажей, участники эксперимента демонстрировали реакции личного отношения к изображаемому (**оценка, мнение**) и «погружения» в текст (**предположение, вывод**). Например, реакции **вывода**, которые свидетельствуют о понимании респондентами псевдонаучности литературоведческих изысканий Гроцяновского (*Оказывается, профессор занимается не глубоким исследованием творчества Пушкина, а каким-то бессмысленным «копанием» в мельчайших подробностях из жизни; Сомневаюсь, что пушкиноведа занимается полезной деятельностью*) и, наоборот, отсутствие считывания иронического подтекста в реакции **оценки** той же деятельности (*достойный анализ, добросовестная работа*). Сравним и двоякое оценивание Самосейского у разных реципиентов: буквальное, связанное с ситуативным контекстом (реакция **предположения** *Наверное, он запутался в чувствах*), и учитывающее иронизирование автора над завышенным самомнением поэта (реакции **оценки**: *Самодовольный; И поэт Самосейский не лучше; Самосейский – глуповатый человек и предположения: Наверно, раз нет этого стихотворения, значит, оно не так значимо?; Наверное, стихотворение не публикуется, потому что у поэта недостаточно таланта*).

Уже на первом этапе создания контртекста некоторые респонденты использовали **стратегию игрового «подключения»**, считывая авторскую языковую игру, комментируя ее с учетом заданного игрового кода и продуцируя собственные игровые версии. В этом случае наблюдались такие реакции, как:

---

² Здесь и далее вербальные реакции респондентов даны без редакторской правки.

– мотивационная рефлексия при восприятии говорящих фамилий героев (*Нелегкая доля Долева; Долев, не дели Пушкина на доли*);

– стилистическая имитация, «отзеркаливание» авторского текста, фрагментов, воспроизводящих псевдонаучность изысканий Гроцяновского и «тяжеловесный» язык статьи Долева (*Какую эстетическую значимость несет конкретный топос написания стихотворения Пушкиным? / ... подводя итог вышесказанному; Процессу написания мешает внешний фактор. Внезапность*);

– игровое развертывание ситуации, заданной в фрагменте, и структурная трансформация фамилии героя Самосейского, переводящая ее в другой стилистический регистр, задолго до такой же трансформации непосредственно в исходном тексте (*Наверное, все дело в том, что у Самосейкина все «такое-то, там-то, тогда-то и о том-то». Предполагаю, что его стихотворения можно назвать «Ничего-нибудь»*);

– продуцирование (привлечение к анализу) собственных «игрем»³, например, комментарий-шутка на основе контаминации известной детской дразнилки и лексического материала исходного текста (*Почему-то потому стало горестно ему*) или игровая оценка фрагмента статьи Долева с использованием техники омофонического переразложения (*Несу разное*);

Примечательна стратегия *лингвистического (метаязыкового) комментирования*, которая в процессе формирования контртекста провоцирует появление в том числе и игровых реакций на последующие фрагменты. В качестве яркого примера комментариев такого рода приведем реакции первой части встречного текста (контртекста) одной из участниц эксперимента:

(1) *Герой-интеллигент утомлен суетой¹, назывные однородные предложения передают эту суету²* (фабульная констатация¹ в сочетании с лингвистическим комментарием²).

(2) *Странные у них рассуждения о воде и бане¹. Явная ирония над псевдонаучной работой, излишней дотошностью биографов найти во всем «скрытый смысл»². Возможно, фамилия Долев окажется говорящей³* (оценка¹, лингвистический комментарий, фиксирующий игровой регистр текста², прогноз в сочетании с мотивационной рефлексией³).

(3) *Самосейский тоже говорящая. Сам сеет¹. Снова дотошность²* (мотивационная рефлексия в этом случае уже демонстрирует факт декодирования языковой игры¹, оценка²).

(4) *Сидел он, дум великих полн.¹ Сейчас что-то будет...²* (интертекст, намеренное искажение цитаты¹: известная строка из «Медного всадника», о котором идет речь в стимульном фрагменте, относится не к герою поэмы – Петру I, а герою новеллы – Долеву, работающему над статьей о поэме; прогноз в сочетании с графической игрой – многоточие как знак ожидания, интриги²).

(5) *Пушкин – это Толкин. Push – это толкать. Кто толкал руку Пушкина?¹ О чем статья?² Что-то Долев намудрил. Опять же поиск скрытых смыслов там, где их нет. Умствование. Интригует³* (интертекст в сочетании с ассоциативной идентификацией и последующей ориентировкой¹ – языковая игра, спровоцированная исходным

---

³ Термин *играема* введен Т.А. Гридиной для условного обозначения словесной единицы языковой игры (см. об этом [Гридина: 2013]).

фрагментом «...литературные и внелитературные влияния, **толкавшие** руку Пушкина во время его работы над “Медным всадником”»; ориентировка²; оценочное мнение³).

(6) Исходя из всего вышеперечисленного и совокупив все вышеизложенные факты (языковая игра – стилистическая имитация и дополнение ряда клишированных фраз, используемых в стимульном фрагменте: «...образом, если принять во внимание, что...», «...несмотря на, я бы хотел сказать...»).

(7) И тут появляется рисунок¹. Мне почему-то кажется, что Долев сам нарисует, ну или там выйдет какая-нибудь случайность, как в «Кусте сирени» Куприна² (фабульная констатация связи текста с заглавием¹; предположение и интертекст как попытка «опознать» ситуацию, ввести ее в знакомый контекст²).

(8) Поэт в папке, как черт из табакерки (метафорическая визуализация, интертекст – устойчивое выражение со значением неожиданности подчеркивает ситуацию непредсказуемого развития событий в условиях нестандартного текста).

Особый интерес представляет собой отмеченная в нашем материале **диалоговая стратегия**, при которой читатель вступает в разговор с героем(-ями). Для одного участника эксперимента диалог является ведущей стратегией при создании контртекста (пример **реакций-реплик**: *Работай-работай, не отвлекайся; Как можно, Долев!; Дал бы всем черновикам спокойно сгнить – этого бы не было; Долев, проснись!; Ну давайте уже. Пушкин, Петр I, появитесь и разгоните этих пиявок; «Одышливо дыша», Долев, уймитесь*). Другие респонденты использовали данную стратегию значительно реже, и представлена она профанными **реакциями-советами**: *Уйди в кабинет без телефона; Отключи телефон, поставь на беззвучный режим* (буквализация воспринимаемого); *Лучше не лезть к этой лошадке* (о видении коня без всадника).

В случае использования диалоговой стратегии респондент исполняет роль наблюдателя-комментатора, имитируя известный в современном медиапространстве комический образ «диванного критика»⁴, при этом самим участником эксперимента осознается условность реплик-императивов, что позволяет отнести диалоговую стратегию к имитационно-игровым.

По данным эксперимента, наиболее частотной является **стратегия ориентировки**, формально представленная реакциями в виде вопроса. Данная стратегия начала проявляться со второго фрагмента текста-стимула, когда нестандартность информации (характеристика особенностей работы профессора-пушкиниста Гроцяновского) спровоцировала активизацию рецептивных процессов.

Более простые варианты ориентирующих реакций, состоящих из одного вопросительного предложения, как правило, соотносятся с сюжетной канвой новеллы или фокусируются на языковых особенностях воспринимаемого фрагмента текста.

В качестве примера приведем совокупность вопросительных реакций от разных респондентов, отражающих фабулу исходного текста.

Фрагменты 2–8: *Зачем так усложняют поэзию? / Какое это было стихотворение? / Как долго будет кидать перо? / Что изображено на рисунках?; Рисунки?; Это и есть рисунок пером?; Рисунки на полях записей? / Почему на рисунке нет всадника?; А куда делся всадник?; Почему на коне нет всадника?; Интересно, зачем Пушкин нарисовал*

---

⁴ Герой-обыватель, «разговаривающий с телевизором» и знающий, как лучше решить любой вопрос – от бытовых ситуаций до международной политики, – является устойчивым образом современного комического медиаконтента таких жанров, как скетч- или стендап-шоу.

коня без всадника? (последняя группа представлена инерционными реакциями, по сути дублирующими вопрос героя новеллы)

Фрагменты 9–14: *Появится ли всадник во сне Долева? / Черная трава?*

Стратегия ориентировки была ведущей при восприятии фрагмента 14 «Седло, пририсованное к спине коня, по-прежнему было без всадника. И тут внезапно Долев почувствовал, что он не один» (40% от общего числа реакций): *Это пришел всадник?; Долев будет всадником?; Появится сам А.С. Пушкин?; Может, он сам попал в картину и будет теперь всадником?; Откуда-нибудь проявится всадник? Или сам Долев станет им?; Кто находился с Долевым?; Неужели рядом с Долевым стоит сам Медный всадник?*

Фрагменты 15–22: *Как Самосейкин и Гряцоновский оказались на картине? / Возможно, это олицетворение вдохновения? / Остается только вопрос: почему что-то такое таинственное и возвышенное пришло к таким обычным людям? / Пробуют тоже писать, но это получается лишь у творцов? / Автор иронизирует над ними?*

Фрагменты 23–25: *Откуда взялся Пушкин? / Пушкин и есть всадник?*

Фрагменты 26–28: *Спал ли Долев?; Долев напишет новую статью? / Интересно, почему Долев не стал писать статью?*

Частично стратегия ориентировки была представлена вопросами, констатирующими отсутствие знаний, необходимых для понимания не только отдельных фрагментов, но и текста в целом (*Кто такой Фальконет? / Кто такая Иппокрена? Богиня лошадей?; Что такое Иппокрена? / Что такое тога?; Кто выходит из глубины? Что такое тога? раструбы? / Цетера – это?*).

Особенностью новеллы «Рисунок пером» является интертекстуальность, обращение к культурному фону реципиента. По утверждению В.Я. Малкиной, «в рассказе Кржижановского мы видим нарисованный при помощи визуальных образов <...> воображаемый мир героя, основанный на его памяти – личной и культурной. При этом культурная память читателя должна быть равной культурной памяти героя, иначе часть смыслов рассказа останется непонятыми, а ирония не до конца осознанной» [Малкина 2023: 282]. Соответственно, реакции, констатирующие лакуны в культурной памяти реципиентов, могут свидетельствовать о недостаточной глубине восприятия данного текста.

Более сложная стратегия ориентировки в контртекстах участников сочетала несколько типов реакций:

- **вопрос-ориентировка и ответ-мнение** (*И что с ними делать? Я бы посмотрела и положила бы обратно / Будет ли битва Черного и Белого? И это точно сон Долева / «Нервно стриг воздух ушами» – это как? М.б., отсылка на метафору, которая будет использована в стихотворении? Объять с конем приносят радость. Ощущаю теплоту! / Какая разница, какого числа было написано стихотворение? Главное – само произведение, его идея и бессмертие среди народа*) или зеркальная структура реакции – **мнение и вопрос-ориентировка** (*Мне интересен размер коня. Он такой же, как на рисунке или стал больше? / Думаю, Долев уснул, и ему снится сон. Вот у него во сне все и перемешалось. Что же они будут делать на этой картине? Хм...;*

- **вопрос-ориентировка и ответ-предположение** (*Видение? Как будто рисунок оживает. Может быть, это его сон / Кто эти двое в темном и белом? Кажется, сам Пушкин;*

- **вопрос-ориентировка и ответ-оценка**, в т.ч. игровая (Зачем нужно это исследование? Мне оно кажется бессмысленным; Интересно, как Долев все успевает? Пока создается впечатление, что человек он трудолюбивый; Подождите, кто заказывает статью о рисунках Пушкина в ночи? загадка; И что можно написать об этих рисунках? Что они есть. Красивые. Уникальные. необычные. А что еще? / Что-то гоголевское или булгаковское. А может, у Долева уже мозги закипели от работы? Такая уж у него Доля);

- **вопрос-ориентировка и ответ-констатация** (Писатель один из них? Идет и пишет / Нужны ли границы? Он придумал свой сюжет / Человек в черном – Пушкин? Он и будет сидеть в седле. Поэтому конь так добр и приветлив к нему / А им самим не кажется все это странным? Они ведут себя так, как будто это норма – встретить Пушкина) и, наоборот, **констатация и ориентировка** – реакция, предъявленная на финальный фрагмент текста, которая в этом случае завершается вопросом риторическим: Действительно, то, что приснилось Долеву, произвело на него невероятное впечатление. Но оценит ли его рассказ общество?

Подобные усложненные реакции могут свидетельствовать об углублении процесса восприятия и понимания отдельных фрагментов игрового текста.

Помимо указанных выше, обращают на себя внимание **эмоциональные реакции** реципиентов (Вот и рисунок пером! Попытка не пытка. А искать-то надо!). При этом эмоциональность контртекстов усиливается по мере чтения исходного текста, расширяется спектр языковых приемов: Нашел что-то. Ах, это «Медный всадник!» «Ах, нет, это конь без всадника» / Всё! Поехала крыша; Долев, проснись! / Ага! Сейчас появится всадник; О-о-о-о. Параноидальное расстройство – прелестно / А-а-а. Так это был Пушкин; Я была права, дух Пушкина появился! / Ах, это был всего лишь сон?; Ого! Это был сон! Ну ничего себе! / Отлично! Мои мысли подтвердились. Рассказу быть, это великолепно. Ведь рассказы я люблю больше, чем стихи!

Весьма продуктивной и частотной при восприятии новеллы оказалась **интертекстуальная стратегия**, представляющая собой разные типы реакций, включая считывание культурных прецедентов, которыми плотно насыщено данное произведение. Можно выделить следующие реакции в рамках этой стратегии.

1. Сочетание **интертекста** с реакциями других типов:

- с **инфиксацией**: «Серебряное копынце» Бажова вспоминается при упоминании этого коня / «Красное и черное» Стендаля пришло на ум. Война белых и красных еще из «Тихого Дона» / «Конь с розовой гривой» Астафьева возник в голове после прочтения слова «конь». «Под конем извивалась змея» напомнило мне об Олеге и его коне / Повторяться не буду. я бы на месте Самосейкина сказала что-то вроде «Я помню чудное мгновенье, передо мной явились вы» (трансформация прецедентного текста, намеренное искажение цитаты) / Надеюсь, сон с четверга на пятницу был;

- с **прогнозом**: Мне почему-то кажется, что Долев сам нарисует, ну или там выйдет какая-нибудь случайность, как в «Кусте сирени» Куприна;

- с **оценкой**: Вспоминается Евгений, главный герой поэмы, которому так же, как и Долеву, показалось, что неживой предмет вдруг оживает. Жутко / Ну точно, у Долева крыша едет не спеша, тихо шифером шурша / «Двое из ларца» – Самосейкин с Гроцяновским.

2. **Цитатные прецеденты**, автоматически всплывающие в сознании респондента на определенный словесный стимул: «Зазвонил телефон. Кто говорит? Слон!»; «Телефон» – детский текст Чуковского /Били копыта, пели будто... Облака, белогривые лошадки (двойной интертекст – ассоциация на разные части стимула-фрагмента 12: стук копыт Пегаса, который, «точно упругий мяч, оттолкнувшись от земли, взлетел, снова ударился копытами оземь», и его полет – «конь несся теперь высоко над нижним краем листа, ныряя в облака и из них выныривая») / «Под ним струя светлей лазури, над ним луч солнца золотой» – М.Ю. Лермонтов (реакция на отрывок из фрагмента 13 о рождении Иппокрены: «Копыта его остро цокнули о каменистую землю, и из-под них, прозрачной струей, брызнул искристый луч») / «Черный человек» – это С.А. Есенина, не А.С. Пушкина.

3. **Игровая трансформация прецедентного текста**, ироническое осмысление прецедента в контексте воспринимаемого фрагмента (например, *Всадник за Евгением пошел. И он не всадник уже*):

– Галлюцинации. *Пересидел за работой. Наверное, кому-то пора сделать паузу и скушать «Сникерс»* (ориг. «Сделай паузу, скушай “Твикс”»).

– *Облака-а-а, белокрылые лошадки* (ориг. белогривые; здесь реакция на превращение чернильного рисунка в Пегаса, **крылатого** мифологического коня).

– *Дал бы всем черновикам спокойно сгнить – этого бы не было. И не летели б у тебя, Долев, кони* (ср. название повести Б. Васильева «Летят мои кони»).

– **Встреча трех одиночеств** (игровая трансформация строчки из песни на стихи Ф. Лаубе «Просто встретились два одиночества», давно ставшей крылатой и употребляемой часто в ироническом ключе).

– *То ли Пушкин, а то ли виденье* (ориг. строчка из песни М. Леонидова «То ли девочка, а то ли виденье», уже имеющая статус устойчивого иронического выражения).

– *Долев... в Канатчикову дачу* (перифраз сумасшедшего дома, отсылка к шуточной песне В. Высоцкого «Письмо в редакцию телевизионной передачи “Очевидное-невероятное» из сумасшедшего дома – с Канатчиковой дачи»).

– *До полудня его, конечно же тревожили* (игра-перевертыш с популярным в 2023–24 годах мемом – крылатой фразой актера Л. Каневского, ведущего телепередачи в жанре тру-крайм «Следствие вели», которая начинается с формулы «Никто, конечно же, не...»).

Приведем пример более сложной реакции, построенной на обыгрывании прецедентных текстов (фрагмент 10): *Как и у Фальконета¹. Сейчас, видимо, будет натягивать Пушкина на Фальконета². Всадник без головы, а может, лучше всадник без всадника?³ Загадка. Интрига. Расследование⁴*. Реакция разворачивается как рефлексия на фразу из фрагмента-стимула: дословное дублирование исходного текста¹; прогнозирование с трансформацией устойчивого выражения «натянуть сову на глобус» в значении подтасовки фактов, манипуляции источниками, ставшего популярным в интернет-дискурсе в последнее десятилетие²; ассоциативное сближение исходного фрагмента с прецедентным текстом в реакции вопроса-ориентировки, имитация парадокса³; трансформация интертекста – слогана телевизионной передачи, ориг. «Скандалы. Интриги. Расследования»).

Игровая трансформация прецедента транслирует установку респондента на условные, игровые отношения читателя и текста; в представленном материале это

отказ от официальности в трактовке анализируемых фрагментов, в том числе переход в профанно-разговорный стилистический регистр.

Выводы

Анализ экспериментальных данных со всей очевидностью подтверждает положение о вариативности взаимодействия авторских и читательских рефлексий в процессе продуцирования и рецепции игрового текста.

Предъявленные респондентами контртексты эксплицируют векторы восприятия авторского замысла с различной степенью глубины его интерпретации. Наиболее продуктивными при «считывании» игрового посыла писателя являются стратегии, связанные с декодированием интертекстуальных импликатур, составляющих ядерную смысловую зону данного стимульного текста.

Декодирование игрового текста расширяет диапазон актуальных рецептивных стратегий, предполагая многомерность ассоциативных аспектов восприятия аллюзивного контекста новеллы С.Д. Кржижановского. К числу таких специфических стратегий, использованных респондентами в ходе эксперимента на первых этапах анализа текста, можно отнести ситуативно-компенсирующую фабульную и ориентировочную стратегии, на продвинутом этапе – диалоговую и интертекстуальную стратегии, на заключительном (у ряда респондентов) – стратегию игрового «подключения». Особо выделим актуальную для реципиентов-филологов стратегию метаязыкового комментирования.

Сказанное позволяет наметить перспективу уточнения методики обработки результатов экспериментальной процедуры создания контртекста применительно к произведениям, созданным с использованием кодов языковой игры (в том числе с учетом идиостилевых особенностей авторской художественной манеры).

© Гридина Т.А., Абрамова Н.А., 2024

Литература

Гридина Т.А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива-2: коллективная монография; под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. С. 272–288.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: Монография. ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Екатеринбург, 2013. 254 с.

Гридина Т.А. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива-5: коллективная монография / под общей редакцией Т.А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2020. С. 14–60.

Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 62–73.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 558 с.

Залевская А.А. Значение слова в пространстве мозга, тела и окружения человека // Слово и текст: психолингвистический подход: сборник научных трудов. Вып. 14. Тверь: Тверской гос. ун-т. 2014. С. 31–35.

Кржижановский С.Д. Рисунок пером / Неукушенный локоть. Собрание сочинений. Т. 3. / Сост. и комм. В. Перельмутера. СПб.: «Симпозиум», 2003. С. 305–312.

Малкина В.Я. «Рисунок пером» С. Кржижановского: визуальная образность в памяти и воображении // Память как история и воображение: коллективная монография / сост. и ред. В.Я. Малкина, А.В. Корчинский, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2023. С. 274–283.

Невская Д.Р. Судьба героической личности в новелле «Рисунок пером» С. Кржижановского // Кржижановский-1 / ред. Ф.П. Федоров. Даугавпилс: «Saule», 2003. С. 93–102.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.

Химич В.В. Повествовательный дискурс С. Кржижановского: от слова к мыслеобразу через гнездо значений // Лингвистика креатива–2: коллективная монография; под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. С. 335–353.

Сведения об авторах:

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка ФГБОУ ВО «УрГПУ»

Контактная информация:

620091, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281

ORCID: 0000-0003-3993-5164

email: tatyana_gridina@mail.ru

Абрамова Надежда Сергеевна – ассистент кафедры общего языкознания и русского языка ФГБОУ ВО «УрГПУ»

Контактная информация:

620091, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, дом 26, оф. 281

ORCID: 0009-0004-6478-7073

email: abns@list.ru

Для цитирования:

Гридина Т.А., Абрамова Н.А. «Рисунок пером»: игровой текст в аспекте его восприятия // Вопросы психолингвистики №2(60), 2024. С. 47–63, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-47-63

UDC81'23
LBC 81
DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-47-63

Research article

**“DRAWING BY FEATHER”:
GAME TEXT IN THE ASPECT OF ITS PERCEPTION**

Tatiana A. Gridina

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

Nadezhda S. Abramova

Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

Abstract

In this article the countertext method is tested as an experimental psycholinguistic procedure in relation to the peculiarities of perception of a literary game text. A game text can be understood as a work in which a language game performs plot-forming and meaning-forming functions and requires the recipient to decode game codes which are unique to the author's idiosyncrasy. In this regard, the depth of understanding of the text depends on the level of its complexity, partially determined by the leading gaming technique, and the interpretation strategy that corresponds with the degree of formation of linguocultural and linguocreative competencies. The object of reader reception in this study is the novel by S.D. Krzhizhanovsky “Drawing by feather” (1934). The game technique used in it is grotesque, which highlights the author's idea through intertextuality and linguistic allusive-symbolic markers. Game codes lead to implicatures that one needs to decode, thus making perception of this text peculiar. The results obtained during the experiment with philology students demonstrate the variety of aspects of perception of the author's intention and degrees of understanding of the text. Specific strategies relevant for the analysis of game text are identified: situationally compensating plot and orienting strategies, dialogue and intertextual strategies, the game “connection” strategy, and the strategy of metalinguistic commentary, which is relevant for philology major respondents. The study determines the prospect of refining the procedure of the experimental method of countertext.

Keywords: literary text, reception, language game, psycholinguistic experiment, countertext method, S.D. Krzhizhanovsky

© Gridina T.A., Abramova N.S., 2024

Bionotes:

Tatiana A. Gridina – Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language. Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Contact information:

Kosmonavtov pr., 26, Yekaterinburg, Russian Federation, 620091

ORCID: 0000-0003-3993-5164

email: tatyana_gridina@mail.ru

Nadezhda S. Abramova – research assistant of the Department of General Linguistics and the Russian Language. Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Contact information:

Kosmonavtov pr., 26, Yekaterinburg, Russian Federation, 620091

ORCID: 0009-0004-6478-7073

email: abns@list.ru

For citation:

Gridina T.A., Abramova N.S. “Drawing by feather”: Game text in the aspect of its perception // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 47–63. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-47-63 (In Russian)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАГРАФЕМНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

Миронова Наталья Изяславовна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация

Объектом нашего исследования являются интернет-комментарии к тексту, затрагивающему важную для целевой группы – людей пенсионного и предпенсионного возраста – тему сокращения пенсионных расходов и резкого сокращения количества пенсионеров в России. Использованные автором текста манипулятивные приемы формируют сильный конфликтогенный потенциал текста, ставший причиной большого количества агрессивных комментариев читателей. Предмет исследования – метаграфемные средства (синграфемные и супраграфемные), используемые наряду с вербальными средствами речевой агрессии в интернет-комментариях как средство выражения негативных эмоций. В ходе исследования применялись методы формального и логического, а также семантического и синтаксического анализа текста. Были выявлены особенности использования метаграфемных средств в сетевых комментариях. В области синграфематики – это нерегламентированное правилами русской грамматики использование знаков препинания, их гомогенных и гетерогенных сочетаний и пр. В области супраграфематики – немотивированное и грамматически необоснованное использование прописных и строчных букв, а также знаков эмоджона (левых скобок), указывающих на негативные эмоции автора комментария. Особенности метаграфемного оформления комментариев можно объяснить их сильной эмоциональной окрашенностью, приводящей к увеличению темпа набора текста на компьютере; недостаточным уровнем владения техникой набора текста, определяемым возрастными особенностями коммуникантов и, возможно, недостаточно высоким уровнем их образования, о чем свидетельствует большое количество грамматических ошибок; а также либерализацией языковых норм сетевой коммуникации.

Ключевые слова: метаграфематика, параграфематика, супраграфематика, синграфематика, сетевая коммуникация, интернет-комментарии, средства выражения эмоций

Введение

В настоящее время резко возрос интерес к метаграфемному оформлению текста, служащему дополнительным способом передачи / интерпретации его смысла. Одной из знаковых публикаций в этой области стала статья А.Н. Баранова и П.Б. Паршина «О метаязыке описания визуализаций текста», опубликованная в Вестнике Волгоградского государственного университета [Баранов, Паршин 2018], в которой были развиты идеи, высказанные авторами ранее [Баранов, Паршин 1989].

Авторы говорят о пересмотре в эпоху постструктурализма тезиса о сосредоточении смысла, содержания и семантики речевых высказываний в плане содержания (означаемом), поскольку стало понятно, что на означаемое серьезно влияет означающее. Так, письменная реализация текста «чувствительна к тому, каким образом изобразительно передаются графемы и сопровождается ли собственно вербальный текст изображением, а также к ситуации, когда последний сам по себе формирует изображение» [Баранов, Паршин 2018: 7]. При восприятии текста в письменной, в том числе печатной коммуникации используется визуальный сенсорный канал. Исследователи подчеркивают, что «выступая в визуальной форме, любая языковая конфигурация не только отображается средствами той или иной письменности, единицами которой выступают абстрактные графемы, но и дополнительно передается средствами еще одной семиотической системы», которую авторы предлагают обозначать термином *метаграфемика* [Баранов, Паршин 1989; Баранов, Паршин 2018: 8]. В рамках метаграфемики «исследуются способы визуализации текста средствами алфавитного письма, а также изучаются возможности семантической интерпретации изобразительной составляющей текста – рисунков, графиков, схем и пр.» [Баранов, Паршин 2018: 7]. В качестве ее составляющих, наряду с субстанциональной метаграфемикой, хромографемикой, топографемикой, кинемографемикой и иконической графемикой, называются **супраграфемика** и **синграфемика**. К **супраграфемике** относится варьирование гарнитур и графических выделений конфигураций графем в рамках одной гарнитуры: «выбор типа гарнитуры..., варианты начертания, насыщенности, размер кегля, сочетания прописных и строчных букв и т.д.» [цит. раб.: 8–9]. Варьирование пунктуационного оформления рассматривается в **синграфемике**: «Визуальная презентация естественно-языкового сообщения может быть формально размечена с помощью различных пунктуационных знаков, варьирование которых тоже значительно» [цит. раб.: 9].

Метаграфемные средства как инструменты формального варьирования текста получают разнообразную семантическую интерпретацию и «формируют дополнительный канал передачи смысла, его усложнения, обогащения и дифференциации» [цит. раб.: 14].

В настоящее время в фокусе внимания исследователей оказывается метаграфемное (параграфемное) оформление текстов самых разных видов и жанров: публицистика [Сладкевич 2012], художественный текст [Андросова 2011], научный текст [Евтушенко, Гордеева 2012], печатный текст [Шубина 2009], реклама [Амири 2013; Захарова 2016], текст газетного заголовка [Калинина 2020]; англоязычный дискурс моды [Рябова 2021], интернет-коммуникация [Gorina 2015]; спортивный блог и комментарии [Ульянова 2016]; англоязычные интернет-комментарии [Абраменко 2020].

Предметом анализа метаграфемных средств становятся также их функции – смыслообразовательная и фатическая [Сладкевич 2012], их роль в языковой игре [Амири 2013]. Ряд работ посвящен анализу особенностей отдельных элементов супраграфемного оформления высказывания, например, прописных и строчных букв [Нечаева 2015]; пробелов [Казиминова 2016 [http](http://)].

Авторы подчеркивают неразрывную связь метаграфемики с категориями оценки и эмотивности / экспрессивности высказывания [Андросова 2011 [http](http://); Ульянова 2016; Калинина 2020; Рябова 2021], а также ее воздействующий потенциал [Баранов, Паршин 1989; 2018; Захарова 2016].

Объект, предмет и методы исследования

Объектом нашего анализа стали интернет-комментарии (далее по тексту ИКМ) к тексту [Королева [http](#)], опубликованному на сайте информационного агентства URA.RU 1 ноября 2021 г.:

МИНФИН НАДЕЕТСЯ НА РЕЗКОЕ ВЫМИРАНИЕ ПЕНСИОНЕРОВ. ЗАЯВЛЕНИЕ ДЕПУТАТА ГОСДУМЫ

Власти России ожидают резкого сокращения числа пенсионеров, считает Михаил Делягин.

Зампредседателя комитета Госдумы по экономической политике Михаил Делягин заявил, что заложенное в бюджет сокращение финансирования здравоохранения обеспечит фактическое убийство властями еще большего числа россиян. По его словам, Минфин недооценил живучесть пенсионеров. Расходы на социальную политику в 2022 году сократятся на 9,6%. К 2024 году их снижение составит 8,2%. «Динамика пенсионных расходов иная: их (пенсионных расходов) реальное сокращение относительно уровня 2021 года вырастет с 8,3% в 2022 до 13,6% в 2024 году», – заметил Делягин в своей статье, которая опубликована на сайте Московского городского отделения КПРФ. По словам депутата, Минфин недооценил живучесть пенсионеров. «При заложенном в бюджет 2021 года сокращении доли пенсионных расходов с 18,9% в 2018 году до 15,0% реальные расходы по этой статье за январь – август снизились лишь до 16,5%», – уточнил он. Ранее URA.RU сообщало, что власти РФ ожидают сокращения числа пожилых граждан, которое началось после запуска пенсионной реформы и во время пандемии COVID. Согласно прогнозу социально-экономического развития страны, в текущем году количество пенсионеров сократится на 400 тысяч человек, а в следующем – на 326 тысяч.

Уже заголовок текста и лидер-абзац указывают на высокий манипулятивный и конфликтогенный потенциал текста, особенно для целевой группы – людей пенсионного и предпенсионного возраста. В тексте используются различные манипулятивные языковые приемы и средства: лексические (эмоционально окрашенная лексика, числительные и пр.); синтаксические (номинализация и использование пассивного залога вместо активного); стилистические (использование разговорной лексики для интимизации общения); дискурсивные (интертекстуальность) и др. (подробнее см. [Миронова 2022]). Широко представлены в тексте и средства речевой агрессии.

Многие высказывания текста содержат информацию, которая вызвала у читателей комплекс негативных эмоций разной степени интенсивности. Это заголовок «Минфин надеется на резкое вымирание пенсионеров»; лидер-абзац «Власти России ожидают резкого сокращения числа пенсионеров»; а также высказывания, содержащие идею сокращения как «финансирования здравоохранения» и «расходов на социальную политику», которое «обеспечит фактическое убийство властями еще большего числа россиян», так и «числа пожилых граждан».

О силе эмоций свидетельствует бурная реакция коммуникантов: за короткое время на сайте появляется 561 комментарий к тексту, в основном, агрессивной направленности. Некоторые из них связаны и с актуальной в то время темой ковида.

Предметом анализа стали средства метаграфемного оформления ИКМ (супраграфемные и синграфемные).

В ходе исследования нами были использованы следующие **методы** анализа текста: метод формального анализа, метод логического анализа, метод семантического анализа, метод синтаксического анализа.

Метаграфемные средства в интернет-комментариях как способ выражения эмоций

Одна из важнейших функций метаграфематики – служить средством выражения эмоций в тексте. В ИКМ к исследуемому нами тексту отражается негативная оценка изложенных там фактов и проявляется весь спектр негативных эмоций: раздражение, возмущение, негодование, злость, гнев, ненависть и под.

Изучая лингвистику эмоций, В.И. Шаховский подчеркивал, что «эмоция – это всегда форма оценки» [Шаховский 2019: 27]. В своей статье он привел интересную цитату: «Мы испытываем какую-либо эмоцию к X, что ассоциируется с положительной, отрицательной или нулевой оценкой субъектом объекта мира» [Noth 1992: 72](цит. по [Шаховский 2019: 27]). Автор высказал очень важную мысль о том, что «все эмоции кластерны, каждая из них реализуются не изолированно, а входит в кластер эмоций иного качества» [цит. раб.: 26]. Поэтому он подчеркивал необходимость «разработки лингвистики так называемых смешанных эмоций: ситуаций, когда не вполне понятно, какая именно эмоция актуальна в конкретной ситуации; когда одна эмоция порождает эмоцию иного качества (зависть провоцирует ненависть...)» [цит. раб.: 26, 27]. По словам В.И. Шаховского, «эмоции могут быть измерены количественно; они редко проявляются, выражаются в единственном варианте и реализуются пучком: группа гнева, группа радости, группа печали, группа страха. Эмоции тесно связаны друг с другом, и проблема их совстречаемости остается по-прежнему актуальной» [цит. раб.: 37]. Именно с такой ситуацией мы имеем дело в ИКМ.

Есть в статье В.И. Шаховского и еще одно важное для нас заявление: «В зависимости от меняющихся условий коммуникации изменяются языковые предпочтения и предписания в использовании средств и способов вербализации (vocal/non-vocal, verbal/non-verbal)» [цит. раб.: 28]; правда, точнее было бы сказать «способов выражения». Мы будем рассматривать формальные, а не вербальные средства выражения эмоций в ИКМ, а именно метаграфемные средства (синграфемные и супраграфемные).

Супраграфемные средства в интернет-комментариях

Особенностью ИКМ является ограничение возможностей использования супраграфемных средств техническими условиями площадки, на которой размещены комментарии. В исследуемых нами ИКМ отмечены особенности использования **прописных и строчных букв**, а также **символов эмоджикона**.

Особенности использования прописных и строчных букв

Во всех примерах сохранены авторская орфография, пунктуация и метаграфемные средства.

В комментариях правила использования прописных и строчных букв часто нарушаются. Отмечаются случаи мотивированного нарушения использования прописных букв в ИКМ на месте строчных с целью смыслового и интонационного выделения слов и словосочетаний на фоне остального текста, а также немотивированного нарушения использования:

(В.) **Власти!** Начните выдавать всем пенсионерам по 50 тысяч рублей в месяц, чтоб они жили в **ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ!!!!**

(Д.) УВАЖАЕМЫЕ ДЕПУТАТЫ! ВЫ НА ТОТ СВЕТ ЗАБИРЕТЕ ТО ЖЕ САМОЕ, ЧТО И БЕДНЫЕ ПЕНСИОНЕРЫ НИКТО ЕЩЕ С СОБОЙ НИЧЕГО НЕ ЗАБРАЛ, ЗДОРОВЬЯ ВСЕМ ПЕНСИОНЕРОМ, терпение и сил

(В.) Сами кто желает пенсионерам смерти , сами уже в таком возрасте так пускай и умирают а нам пожить еще хочется .мЫ трудились для того чтобЫ пожить нормально в старости а не для того чтоб над нами издевались .

(Н.) Лечение ОТ тяжелой ковидной инфекции можно купить за 100 ТЫСЯЧ. ЕСЛИ бы хотели спасти тяжелых больных, ОНИ БЫ спасали. Но им ЭТО НЕ НАДО. Они придумывают ВСЕ НОВЫЕ и новые страшилки, чтобы парализовать народ.

Можно отметить грамматические ошибки (*в таком возрасте; сами кто желает* и др.) и использование разговорной / просторечной лексики (*пускай умирают*); а также плохое знание правил написания нарицательных существительных:

(В.) Они тогда цены на Валежник и спички подымут и налог на дым!

В ИКМ встречаются и противоположные примеры: использование строчных букв на месте прописных; например, в именах собственных. Это имена лиц в никнеймах (*семен абрамыч; александра*) и в тексте комментариев (*vladimir*); а также названия организаций, в том числе и их сокращениях (*пфр, минфин, гд*):

(Б.) Ты, очевидно, любимый для кремля пациент палаты номер шесть!

Можно увидеть строчную букву на месте прописной и в абсолютном начале предложения после точки, возможно, по причине экономии времени и усилий пишущего, но это универсальная особенность сетевой коммуникации:

(П.) сами вы пенсы, стоите в очередь за смертью. пенсионный возраст он у всех не за горой, так что спешите на огород.

Специфика использования знаков эмотикона в ИКМ

В нашем случае из знаков эмотикона используется только скобка, чаще левая как символ негативной эмоции. Обращает на себя внимание необычное место для манифестации эмоций коммуниканта посредством скобок – никнейм: ((((((; (((; в первом случае скобки выделены полужирным шрифтом. В самом тексте комментария может использоваться разное количество скобок; повторение знака сигнализирует о силе выражаемых чувств, в данном случае, негативной оценки и эмоции:

(М.) <...>Зажрались (((;

(Э.) Да Вы посмотрите правде в глаза! Одним «моя хата с краю», другие фанатеют от телевизора, третьи трясутся от одной мысли, что надо что-то делать... Русские давно разобщенное стадо ((((((((((((((

Встречаются также комбинации знаков эмотикона (правой и значительно чаще левой скобки) с другими знаками препинания для выражения негативной оценки и эмоции:

(Л?) Всю жизнь работай, плати налоги, сдохни до пенсии.. ((

(Г.) <...> Не знаете, как голосуют?)))

Синграфемные средства в интернет-комментариях

К синграфемным средствам относится варьирование пунктуационного оформления. Невозможность услышать комментарий собеседника приводит к широкому использованию графических средств выражения эмоций (вопросительных и восклицательных знаков и их комбинаций – гомогенных или гетерогенных). К числу специфических черт ИКМ можно отнести наличие большого разнообразия знаков в пределах одного комментария, как одиночных, так и в составе группы:

(Д.) Вы с думы начните! Прекратите платить пенсию и зп своим !!! Тогда нам всем хватит

Знаки препинания, как и скобка-эмотикон, могут использоваться в никнеймах: *Синильга!; Лозунг?; Ха!!!; Татьяна!*

Особенностью является и размещение знаков перед высказыванием, а не после него:

(Я.) ???? вот вот

Отмечается и специфика использования в ИКМ дефиса:

– неразличение дефиса и тире (...в лучшем случае-братские могилы!);

– использование вместо тире двойного дефиса:

(У.) какой цинизм со стороны Минфина - - стыдно больно и обидно слов нет
Наказания для вас нет товарищи Минфиновцы<...>

– ошибочное отсутствие дефиса в нужных местах:

(С.) Ага. Вот вот. Сделал и сыграл.

Специфика пробелов в ИКМ состоит в их бессистемном использовании при знаках препинания, особенно запятой (отсутствие, использование перед знаком, после него, с двух сторон):

(Л.) Люся, правильно мыслите, они же вот уже и посчитали на 400 с лишним тыс. человек к 2022, какая экономия бюджета с повышением пенс. возраста, какая экономия бюджета на работающих людях пенсионного возраста, которые ушли бы на пенсию, а некоторые не дожившие и старого возраста, откуда ж им экономить, только на пенсионерах, свои бы зарплаты сократили бы.

(С.) Делягин, молодой, энергичный, грамотный, действительно далеко пойдет, возможно в президенты. Удачи!

Это также ошибочное отсутствие пробелов. В ИКМ часто нарушаются правила использования пробела:

– отсутствие пробелов между знаком препинания и началом следующего предложения, иногда сопровождаемое и отсутствием знака препинания в конце предложения:

(Л.) А Вы? Господа, не хотите сократить себя? Вас пенсионеры поили, кормили да еще Ваших.....А теперь хвосты подняли? Мой дед, за таких как вы в болотах тонул заживо в танке горел Вот вам бы жизнь укоротить А не пенсионерам

– отсутствие пробелов перед и после запятой:

(В.) Грибы отберут, штраф на картошечка, налог на теплички и так дальше будет..

– отсутствие пробелов после числовых показателей:

до 100лет; 80%мужчин; 400тыс

– отсутствие пробелов между инициалами и фамилией:

(А.) М.Делягин показывает, что и один в поле воин. Молодца.

Есть и случаи ошибочного наличия пробелов, например, не только после запятой, но и перед ней:

(С.А.) А, вас начнут убивать Новым Covid -19, это новым штамом, и вакцинация не поможет

Во многих случаях мы имеем дело с несистемным использованием пробелов, когда верные и неверные варианты расстановки пробелов встречаются в одном и том же предложении.

Использование различных комбинаций знаков препинания

Очень часто одновременно используются вопросительный и восклицательный знаки. Согласно правилам русской грамматики, «при встрече вопросительного и восклицательного знаков сначала ставится вопросительный, как основной, характеризующий предложение по цели высказывания, а затем восклицательный, как знак интонационный» [Розенталь 1997 [http](http://)]. Вопросительный и восклицательный знаки в ИКМ могут использоваться в любой комбинации и в любом количестве, с пробелами и без них:

(О.Л.) Интересно, как можно посчитать, что на следующий год умрет 400тыс пенсионеров???? Видно точное оружие!?!?

Встречается и комбинация знаков препинания с разным количеством точек (более одной)/ многоточием и с пробелом или без него, невозможная в русской грамматике:

(Т.) Какой ты молодец, ...так это ты предлагаешь, ...а что же застопорил, пошевели мозгами и придумай как там еще и с детьми поступить

Сочетание вопросительного или восклицательного знака с многоточием регламентируется русской грамматикой; «знаки эти ставятся на месте первой точки» [Правила... [http](http://)]. В ИКМ этот порядок часто нарушается, а количество точек варьирует:

(Е.) <...> Они думают, что не будут пожилыми, будут.....!

(С.А.) Василию , по 50 тыс рублей ??? ... обойдетесь !!!,<...>

Вопросительный и восклицательный знаки ставятся перед многоточием, пробел – только после многоточия. В следующем примере верный порядок следования знаков сохранен, отличается от нормы только количество точек:

(Л.) <...> Где его деньги? Вот из них пусть Пенсионный Фонд организывает и оплачивает погребение!....

Обсуждение результатов

Спонтанность и быстрота реакции коммуникантов на текст и комментарии других пользователей ведут к отсутствию должного контроля за содержанием и оформлением высказывания и даже за написанием никнейма, о чем свидетельствуют многочисленные опуски /опечатки. Коммуниканты пренебрегают возможностью редактирования комментариев даже при отсутствии дефицита времени на их публикацию.

В ИКМ отмечены многие особенности метаграфематики сетевой коммуникации, обусловленные либерализацией языковых норм.

Для синграфемных средств это игнорирование правил использования буквенного регистра. Так, прописная буква может отсутствовать в начале предложения даже после знака препинания, в именах собственных. Это объясняется стремлением к увеличению темпа коммуникации и экономии усилий пишущего.

Из знаков эмодикона у коммуникантов есть возможность использовать в ИКМ только скобки; преимущество ожидаемо отдается левой, служащей для выражения негативных эмоций.

Отличительной чертой синграфематики ИКМ, как и всей сетевой коммуникации, является отсутствие точки в конце предложения. Часто встречаются случаи ошибочного использования знаков препинания: вопросительный знак используется вместо восклицательного. Нарушается порядок следования вопросительного и восклицательного знака, одного из этих знаков и многоточия при их совместном

употреблении, что можно объяснить плохим знанием правил пунктуации или пренебрежением ими.

Обращает на себя внимание увеличение количества знаков препинания в конце предложения в составе как гомогенной, так и гетерогенной группы, которое традиционно связывают с силой проявления эмоции. В ИКМ количество знаков может достигать нескольких сотен. Процесс увеличения количества знаков объясняется психологическим феноменом амплификации – расширения поля действия психологически значимого материала [Кудрявцев 2022: 4]. В риторике этот термин трактуется как «увеличение, распространение»; «усиление довода путем... нагромождения» равнозначных выражений», а соответствующий прием используется для «усиления выразительности речи» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001: 30]. В ИКМ можно наблюдать увеличение количества не только вопросительных или восклицательных знаков препинания, но и точек на месте многоточия (до 12-и).

Мы обнаружили в ИКМ и гетерогенные группы знаков препинания. Они состоят из комбинации вопросительных и восклицательных знаков в разных количествах, многоточия (вернее было бы сказать, некоторого количества точек) с вопросительным или восклицательным знаком или с обоими сразу.

Использование пробела в ИКМ отражает своеобразие его использования в электронной коммуникации, часто ошибочное. Оно объясняется незнанием правил его применения, а также недостаточно развитыми навыками набора текста на компьютере.

Отмечены и индивидуальные особенности оформления ИКМ: две точки вместо трех на месте многоточия; постепенное возрастание количества одного и того же знака препинания от начала к концу текста комментария; конкретные ошибки в постановке пробела и др.

Заключение

Рассмотренные нами ИКМ носят ярко выраженную агрессивную эмоциональную окрашенность, мотивированную содержанием исходного текста. Об этом свидетельствуют их семантическая специфика (использование широкого арсенала средств речевой агрессии) и прагматическая направленность (использование речевых актов угрозы, оскорбления, обвинения, обещания наказания и под.). Важную роль играют метаграфемные (супраграфемные и синграфемные) средства, служащие для выражения целого ряда негативных эмоций: раздражения, возмущения, негодования, злости, гнева, ненависти и под. Они могут быть использованы уже в никнейме, когда коммуникант в состоянии эмоциональной напряженности не дифференцирует метатекстовую информацию (никнейм) и сам текст комментария; стойкая эмоция пронизывает все контактное «поле», не ограничиваясь рамками текста.

Но эмоциональное состояние коммуниканта – далеко не единственная причина впечатляющего метаграфемного оформления текста комментария, во многих случаях представляющего собой нарушение правил русской грамматики, лексических и стилистических норм.

Принимая во внимание состав группы комментаторов текста (люди пенсионного и предпенсионного возраста), можно предположить, что, помимо эмоционального состояния, большое количество ошибок в ИКМ определяется низким уровнем образования и недостаточно развитыми навыками набора текста на компьютере некоторых коммуникантов.

О низком уровне образования свидетельствуют неверное использование буквенного

регистра и знаков препинания – нарушение предписываемого правилами русской грамматики порядка их следования в составе гетерогенной группы и свободная ее композиция. В подобных случаях сфера игнорирования правил чрезвычайно широка, она охватывает также морфологию, синтаксис, лексику и стилистику комментария: неверное использование пунктуационных знаков часто сопровождается грамматическими, лексическими и стилистическими ошибками.

Недостаточный уровень владения техникой набора текста на компьютере приводит к логическим ошибкам, например, к неверному использованию прописных букв для оформления в тексте случайных, не нуждающихся в логическом выделении фрагментов. Следствием отсутствия навыков создания электронного текста являются также ошибки в использовании пробелов и их несистемность, то есть случайный характер в рамках одного и того же комментария; а также «пролонгация» знака (знака препинания, буквы, скобки) в случае более длительной, чем требуется, задержки пальца на клавише. Нарушения правил оформления электронного сообщения обычно являются комплексными.

Часто текст комментария одновременно демонстрирует и низкий образовательный уровень коммуниканта, и отсутствие у него навыков создания электронного текста.

Эмоциональное состояние коммуникантов приводит к ослаблению контроля за содержанием и оформлением ИКМ и к увеличению темпа набора текста на компьютере, что делает еще более яркими все недочеты в оформлении электронного текста, как содержательные, так и формальные.

Не следует забывать и о современной тенденции к либерализации языковых норм, особенно в области электронной коммуникации.

Все факторы, определяющие особенности метаграфемного оформления текста комментария и появление ошибок, действуют в комплексе: эмоции испытывает не абстрактная, а конкретная личность с определенным уровнем образования и навыками работы на компьютере.

© **Миронова Н.И., 2024**

Литература

Абраменко В.В. Супраграфемные средства выражения оценки в жанре англоязычного интернет-комментария // Молодой ученый. 2020. № 16 (306). С. 184–187.

Амири Л.Н. Параграфемные средства языковой игры как паралингвистические реалии в рекламной коммуникации // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2 (12). С. 69–76.

Андросова Ф.С. Экспрессивное использование пунктуации в художественном тексте (на материале французского языка) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspressivnoe-ispolzovanie-punktuatsii-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-frantsuzskogo-yazyka/viewer>. Дата обращения: 04.05.2024.

Баранов А.Н., Паршин П.Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемике // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сборник научно-аналитических обзоров. М.: Институт научной информации по общественным наукам СССР, 1989. С. 41–115.

Баранов А.Н., Паршин П.Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 2018. Т. 17. № 3. С. 6–15, doi: 10.15688/jvolsu2.2018.3.1

Евтушенко Т.Г., Гордеева О.А. Функционирование пунктуационно-графических средств в современных русских научных текстах с позиции носителей русского языка (на материале русских некодифицированных научных текстов) // Вестник Томского государственного университета, 2012. № 359. С. 18–21.

Захарова Е.О. Особенности пунктуационно-графического взаимодействия в рекламе // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2016. № 7 (172). С. 130–137.

Казмирова Л. Расставляем пробелы в тексте грамотно // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2016. № 8. URL: <https://delo-press.ru/journals/documents/oformlenie-dokumentov/45725-rasstavlyaem-probely-v-tekste-gramotno/>. Дата обращения: 20.04.2024.

Калинина М.В. Пунктуационные приемы выражения экспрессии (на материале газетных заголовков). Известия Саратовского университета. Новая Серия Филология. Журналистика. 2020. Т. 20. Вып. 3. С. 257–261. doi: 10.18500/1817-7115-2020-20-3-257-26

Королева У. Минфин надеется на резкое вымирание пенсионеров. Заявление депутата госдумы. URL: <https://ura.news/news/1052514470>. Дата обращения: 14.05.2024.

Кудрявцев В.Т. Амплификация – источник и инструмент развития // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 1. С. 4–5, doi: 10.17759/chp.2022180100

Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.

Миронова Н.И. Средства манипулятивного речевого воздействия в публикациях информационного сайта. Военно-гуманитарный альманах: Лингвистика. Вып. 7. Т. 2. Язык. Коммуникация. Перевод. М.: Издательство Военного университета Министерства обороны РФ. 2022. С. 28–36.

Нечаева И.В. Прописная vs. строчная в современном письме: источники нестабильности написания // Верхневолжский филологический вестник, 2015. № 1. С. 48–53.

Рябова Л.Ю. Параграфемные средства экспрессивности в англоязычном дискурсе моды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. № 2. С. 453–457, doi: 10.30853/phil210045

Сладкевич Ж.Р. Метаграфемика в публицистике в свете процессов контактоподдержания и смыслообразования // Слово.ру: Балтийский акцент, 2012. № 4. С. 60–68.

Ульянова М.А. Графические средства выражения категории эмотивности в спортивном блоге и комментарии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2016. № 3. С. 192–203.

Шаховский В.И. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. 2019. № 1(39). С. 22–37, doi: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-22-37

Шубина Н.Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Сер. «Филология», 2009. № 97. С. 184–191.

Gorina E.V. Functions of paragraphemic tools on the Internet // Russian Linguistic Bulletin. 2015. Vol. 4 № 4. P. 11–13, doi: 10.18454/RULB.4.17

Источники и словари

Королева У. Минфин надеется на резкое вымирание пенсионеров. Заявление депутата госдумы. URL: <https://ura.news/news/1052514470>. Дата обращения 14.05.2024.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. URL: <https://orfogrammka.ru>. Дата обращения: 05.03.2024.

Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. М.: Комплект, 1997. URL: <https://rosental-book.ru>. Дата обращения: 05.03.2024.

Сведения об авторе:

Миронова Наталия Изяславовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующего лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Контактная информация:

119991 Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-8726-0408

e-mail: mironnat@rambler.ru

Для цитирования:

Миронова Н.И. Использование метаграфемных средств для выражения эмоций в интернет-комментариях// Вопросы психолингвистики №2(60), 2024. С. 64–76, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-64-76

UDC 81'23

LBC 81.1

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-64-76

Research article

METAGRAPHEMIC MEANS USED TO EXPRESS EMOTIONS IN ONLINE COMMENTS

Nataliia I. Mironova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Abstract

Our research object is online comments to a text about reducing pension expenses and a sharp reduction in the number of pensioners in Russia. The text had a strong conflict potential due to the manipulative techniques used by the author; it caused a large number of aggressive comments from readers – people of retirement and pre-retirement age. The study subject is metagraphemic (singraphemic and supraphemic) means used by the authors of Internet comments as negative emotions expressing means along with verbal means of speech aggression. The following text analysis methods were used: formal, logical, semantic and syntactic analysis method. Features of metagraphemic means use in online comments were identified. In singraphemics this is the use of non-regulated by the Russian grammar rules punctuation marks and their homogeneous and heterogeneous combinations,

etc. In supraphemics – unmotivated and grammatically unsound use of uppercase and lowercase letters, as well as the use of specific emoticon signs indicating negative emotions experienced by the author of the comment. The reasons for this metagraphemic means usage in the comments may be the following: communicants' state of emotional tension caused by the publication content and leading to an increase in the pace of computer typing; their age and the insufficient proficiency level of the typing techniques as well as the liberalization of language norms in Internet communications and poor grammatical rules knowledge by communicants. Our research showed that metagraphemic means are actively used in Internet comments to express the communicants' emotions.

Keywords: metagraphemics, paragraphemics, supraphemics, syngraphemics, network communication, Internet comments, emotions expressing means

© Mironova N.S., 2024

Bionotes:

Nataliia I. Mironova – Doctor of Philology, Senior Researcher, Acting Head of the Phonetics and Speech Communication Laboratory; Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty.

Contact information:

1, bd. 51, Leninskie gory st., 119991, Moscow, Russia.

ORCID:0000-0002-8726-0408

e-mail: mironnat@rambler.ru

For citation:

Mironova N.I. Metagraphemic means used to express emotions in online comments // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 64–76. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-64-76 (In Russian)

НОВЫЕ ФОРМЫ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Пешкова Наталья Петровна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Моисеева Ангелина Валерьевна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Титлова Анастасия Станиславовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Аннотация

В статье рассматривается феномен прецедентности в современных условиях коммуникации, среди характеристик которой авторами отмечается «текстовое насилие» как процесс восприятия и интерпретации информации при отсутствии у реципиента осознанного намерения и потребности восприятия содержания текста. Отмечается, что в рамках интернет-коммуникации индивидуальное «текстовое насилие» является одним из источников прецедентности. Таким образом, можно говорить об онлайн-коммуникации как об инструменте порождения источника новых форм прецедентности, а также как о средстве принудительной их интеграции в поле восприятия адресата. В статье упоминается о трех уровнях прецедентности: автопрецедентный, социумно-прецедентный и национально-прецедентный уровни. В качестве одной из новых форм прецедентного интернет-текста в настоящей статье рассматриваются эрративы, вошедшие в состав популярных мемов и, следовательно, получившие широкое распространение среди интернет-коммуникантов. Такого рода эрративы авторы относят к группе прецедентных эрративов, в то время как вторую группу составляют окказиональные эрративы, порожденные пользователем непосредственно в ходе коммуникативного акта. С целью выявления образов, генерируемых в сознании реципиентов при восприятии эрративных единиц, используемых в прецедентных интернет-текстах, авторами был проведен ассоциативный эксперимент. Количественный анализ экспериментального материала демонстрирует, что большая часть испытуемых не только знакома с предложенными им прецедентными мемами, но и понимает их в форме эрративов, предлагая собственную интерпретацию, в то время как небольшая часть участников эксперимента пытается осуществить их редактирование в соответствии с нормой русского языка. Качественный анализ реакций, полученных при проведении свободного ассоциативного эксперимента, позволил авторам разбить полученные реакции на две группы: «принятия» или «непринятия» коммуникантами эрративных прецедентных текстов. В заключении делается вывод о продолжающемся в настоящее время процессе эрративизации современной интернет-коммуникации и обретении эрративами статуса прецедентного текста посредством их популяризации.

Ключевые слова: прецедентный текст, эрратив, ассоциативный эксперимент, стимул, реакция, интернет-коммуникация, интернет-текст

Вводные замечания

Обращаясь к классическому толкованию прецедентности и прецедентного текста в коммуникации, следует напомнить, что термин был введен в восьмидесятых годах прошлого века Ю.Н. Карауловым, который охарактеризовал прецедентные тексты как «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216]. Таким образом, прецедентные тексты можно рассматривать как «хрестоматийные», поскольку их содержание должно быть известно всем членам социума. По нашему мнению, в определении Ю.Н. Караулова особую значимость в современных условиях приобретает характеристика прецедентного текста, отмечающая принадлежность участников коммуникации культурной сфере своего времени; мы бы выделили также значимость принадлежности коммуникантов тому или иному субсоциуму, той или иной субкультуре.

При всех изменениях условий и форм современной коммуникации, а также при всех уточнениях, введенных исследователями относительно понятия «прецедентность» в последнее время, сущность самого явления, на наш взгляд, остается прежней. Однако нельзя не отметить, что дополнения и уточнения связаны как с источниками прецедентности, так и с формами функционирования прецедентного текста.

В наших предшествующих трудах, посвященных изучению явления прецедентности в современных условиях коммуникации, мы уже касались одной из особенностей прецедентности, а именно, связи прецедентного текста с так называемым «текстовым насилием» [Слышкин 2004], вследствие которого текст может приобрести статус прецедентного.

Термин «текстовое насилие» включает в себя бессознательный процесс принятия и интерпретации текстовых данных реципиентом, осуществляемый против его воли, желания и при отсутствии потребности в данной информации. Автор данного термина подчеркивает, что источником такого принудительного воздействия может являться как отдельный член общества, так и целые социальные институты [Слышкин 2004: 45].

Мы полагаем, что в современных условиях в данном процессе произошли определенные изменения. Прежде всего, «текстовое насилие» возможно при осуществлении любого познавательного процесса с помощью средств массовой коммуникации (теле-, онлайн- и т.д.). Реализация воздействующего потенциала подразумевает наличие реципиентов двух видов: адресаты, в намерения которых не входит получение новой информации, и те, кто выражает осознанное намерение ее получить, хотя в процессе восприятия им необходимо производить отсев излишней и бесполезной, порой «мусорной», информации. При этом они подвергаются информационному «текстовому насилию», возможно, в большей степени, чем адресаты первого типа [Пешкова, Давлетова, Гилязова, Мигранова, Моисеева, Титлова 2023: 10–11].

Закрепление за текстом статуса прецедентного вследствие институционального «текстового насилия», как известно, происходит двумя способами: директивным методом, когда усвоение определенных текстов всеми членами социума предписывается властными институтами; и методом «паразитической дополненности», «присоединением навязываемого текста к каким-либо значимым объектам человеческой деятельности» [Слышкин 2004: 78]. Последний имеет широкое распространение как в телекоммуникации, так и в интернет-общении.

Если ранее считалось, что методы индивидуального «текстового насилия» (например, надписи на заборах или громко звучащие песни) не обладают необходимым уровнем эффективности для придания тексту статуса прецедентного для микросоциума и тем более целого социума, то в условиях современной интернет-коммуникации индивидуальное «текстовое насилие» зачастую становится распространенным источником прецедентности. Таким образом, интернет-коммуникация выступает как источником возникновения новых прецедентных текстов, так и эффективным инструментом их насильственного внедрения в сознание коммуникантов.

Возвращаясь к вопросу об источниках прецедентных текстов, используемых современной аудиторией коммуникантов, можно отметить, что по данным нашей экспериментальной базы, полученной в результате использования в исследованиях метода «встречного текста» [Новиков 2003], достаточно частотным является обращение к культовым песням, фразам из мультфильмов и популярных фильмов; намного реже упоминаются тексты народных сказок, пословиц, поговорок. Наименее частотными оказались упоминания текстов классических литературных произведений; что касается поэзии, цитаты из стихотворных произведений являются единичными, как и обращение к библеизмам [Пешкова, Давлетова, Гилязова, Мигранова, Моисеева, Титлова 2023: 15].

Таким образом, наши экспериментальные данные свидетельствуют о реализации трех уровней прецедентности, соотносимых с особенностями вербального сознания участников наших экспериментов – членов университетского студенческого социума. Помимо автопрецедентного уровня, связанного с проявлениями их индивидуальных речевых особенностей, можно говорить также о социумно-прецедентном и национально-прецедентном уровнях, при этом проявления универсально-прецедентного уровня носят единичный характер.

Анализ нашей экспериментальной базы позволяет также утверждать, что количественный показатель обращения к прецедентным текстам наших испытуемых является весьма невысоким и составляет в общем поле реакций «встречного текста» от 0,4% до 4,2% [цит. раб.].

Как мы уже отмечали, интернет-общение представляет собой процесс восприятия информации и, одновременно, продуцирования бесконечного множества «встречных текстов». Тексты информационных микроблогов порождают «встречные» комментарии, часть из которых, в свою очередь, становится новым объектом восприятия и стимулом для порождения новых «встречных» комментариев, процесс их порождения может продолжаться до бесконечности [Пешкова 2018: 57], а интернет-коммуникация выступает безграничным источником новой прецедентности.

При этом, говоря о феномене прецедентности «встречных» интернет-текстов, следует подчеркнуть, что данное явление не только трансформировалось и получило

новый формат реализации, но также приобрело особенности, ранее рассматриваемые в качестве проявления низкого уровня культуры и им, как правило, было отказано в праве на письменную фиксацию в языке. К таким явлениям относятся и эрративы, часть из которых с приобретением большой популярности среди интернет-коммуникантов выходит на уровень прецедентного интернет-текста.

Анализ и обсуждение результатов исследования

Прецедентные эрративы в интернет-коммуникации

Нельзя отрицать тот факт, что эрратив (термин Г.Ч. Гусейнова) как намеренно неграмотное написание слов является одной из неотъемлемых характеристик современной интернет-коммуникации. Считается, что намеренное нарушение языковой нормы коммуникантами молодежного социума отражает их потребность в передаче своих эмоций, эмоциональных оценок и суждений в условиях письменного интернет-общения, как своего рода замену средствам экспрессивности устной коммуникации. Существует и мнение о том, что таким образом представители молодежной интернет-среды реализуют свои представления о свободе в условиях анонимной коммуникации.

Анализ собранного нами материала по данной проблеме позволяет утверждать, что подобные искажения норм русского языка, как правило, не связаны ни с низкой грамотностью использующих их интернет-коммуникантов, ни с их ложными представлениями о «свободе слова», а в большинстве случаев – с принятием подобного способа передачи игры, юмора, иронии, сарказма, присущего интернет-коммуникантам.

Исходя из задачи поиска и исследования прецедентных текстов, порождаемых интернет-средой, мы разделили эрративы на две большие группы: первую группу составили окказиональные эрративы, «изобретенные» пользователем непосредственно в ходе коммуникативного акта; ко второй группе мы отнесли прецедентные эрративы, уже закрепившиеся в речи онлайн-коммуникантов, узнаваемые многими участниками коммуникации.

Механизмы порождения и функционирования окказиональных эрративов заслуживают отдельного внимания исследователей и более тщательного изучения.

Что касается прецедентных эрративов, мы полагаем, что в качестве их примера можно рассмотреть такой коммуникативный феномен, как мем. Мем, являясь относительно новым явлением в коммуникативной онлайн-культуре, тем не менее, прочно закрепился в ней и стал частью современного коммуникативного медиа-пространства. Представляя собой своего рода речевую формулу или шаблон, мем является элементом значимой культурной информации [Докинз 2013]. По мнению создателя термина Р. Докинза, мемы составляют любую культурную информацию, передаваясь посредством имитации и репликации. С лингвистической точки зрения такая воспроизводимая структура, таким образом, является прецедентным феноменом, а именно, прецедентным текстом.

Именно в меме как прецедентном тексте получили широкое распространение эрративы, которые также приобрели характеристику прецедентности благодаря своей воспроизводимости. В настоящее время прецедентный текст такого рода выходит за рамки исключительно интернет-коммуникации и входит как в каждодневное

общение, так и в медийную коммуникацию, используется в текстах средств массовой информации.

Так, например, одним из самых популярных мемов 2021 года стал мем «Вы продаете рыбов?». На изображении показан импровизированный рыбный рынок, рядом с которым сидят уличные коты, спрашивающие у продавца: «Вы продаете рыбов?», на что получают ответ: «Нет, просто показываю». Коты реагируют: «Кро(а)сивое». Эрративное искажение написания слов в вопросе, очевидно, в юмористической форме подчеркивает «неграмотность котов», как, впрочем, и невероятность самого диалога.

Комичность и абсурдность ситуации в сочетании с милой привлекательностью котиков сделала мем настолько популярным, что он по-прежнему «гуляет» как по интернет-пространству, так и за его пределами. Так, например, можно встретить рыбные магазины с названием «Продаем рыбов», на маркетплейсах продаются разнообразные товары (футболки, подушки, подносы, ключницы), воспроизводящие только фразу или все изображение целиком. В СМИ можно встретить статьи, цитирующие фразу мема (см., например, название статьи «А вы рыбов продаете? Или как снять качественную рекламу»). Этот же популярный мем использовался в анонсах рыбной недели в Москве: «Вы продаете рыбов? – Рыбная неделя в Москве»; а его фрагмент можно видеть а названии рыбного магазина в центре Уфы: «Рыбов – Крабов».

Исследование прецедентных эрративов с использованием ассоциативного эксперимента

С целью выявления образов, генерируемых в сознании русскоговорящих реципиентов при восприятии эрративных единиц, используемых в прецедентных интернет-текстах, нами был проведен ассоциативный эксперимент.

Ассоциативный эксперимент (АЭ), как известно, по-прежнему остается одним из наиболее эффективных экспериментальных методов изучения языкового сознания носителей языка и выявления его особенностей. Именно данный инструмент исследования позволяет определить ментальные образы мира, присущие носителям того или иного языка, представителям определенного этноса, конкретного социума, подсоциума, социальной или возрастной группы, имеющим разный уровень общего и профессионального образования и различный жизненный опыт. Исходя из этих представлений, в настоящем исследовании в качестве инструмента изучения специфики вербального сознания интернет-коммуникантов в связи с их восприятием, принятием или отторжением эрративов в интернет-общении был выбран ассоциативный эксперимент.

Для проведения АЭ авторами статьи была изучена статистика использования мемов в таких поисковых системах, как Яндекс и Гугл. Отбор материала проводился по запросам «самые популярные мемы» за 2021, 2022 и 2023 годы. Предложенные поисковыми системами мемы являются изображениями, сопровождающимися прецедентным текстом малого объема. Вербальная часть может представлять собой слово, словосочетание или предложение. Часто мем – это коллаж из нескольких изображений; в этом случае его вербальная составляющая представлена в виде диалога, реже – полилога.

Материал для дальнейшего количественного и качественного анализа был получен в результате осуществления свободного ассоциативного эксперимента в период с марта 2024 по май 2024 г. Эксперимент был организован стандартным образом и проводился в письменной форме: каждый участник получал анкету с 27 словами-стимулами, напротив каждого стимула рекомендовалось записать первое, пришедшее на ум слово, ассоциирующееся с данным стимулом. Хотя время не ограничивалось и не оговаривалось заранее, почти все испытуемые справились с заданием в среднем за 10-15 минут.

В качестве стимулов использовались следующие прецедентные лексемы: *красивое, фелолог, кродеться, сома, существование, нинада, памагите, подумой, лудше, кокраз, тогдалие, есчо, шинадцать, омерика, квасивая, гугол, девАчки, рыбов продаете, зОчем, жызнь, непонел, смысл, кушоц, узбагойся, котастрофа, классека, поэзяя.*

Аудитория испытуемых, составившая 143 человека, характеризуется следующими особенностями.

1. Можно утверждать, что для всех участников эксперимента русский язык является родным. Испытуемые башкиры и татары, составившие группу билингвов, проходят обучение в школе и в университете на русском языке, а также используют русский в ежедневной бытовой и профессиональной коммуникации, что исключает сложности при восприятии информации.

2. Большинство испытуемых являются жителями городов Республики Башкортостан: Уфы, Салавата, Стерлитамака, Белорецка, Нефтекамска, а также других регионов России. Небольшой процент (7%) от общего числа испытуемых приходится на сельскую местность.

3. Испытуемые являются студентами Уфимского университета науки и технологий (1–3 курсы бакалавриата и специалитета) очной формы обучения. Специализация испытуемых входит в круг естественно-научных специальностей: биология, экология, физика, математика, химия, инженерия.

4. Возрастной диапазон испытуемых составляет от 18 до 22 лет. Возрастная характеристика участников эксперимента является, на наш взгляд, значимым фактором по той причине, что именно молодежь входит в категорию наиболее активных интернет-пользователей, имея аккаунты в большом количестве социальных сетей и мессенджеров. К основным характеристикам пользователей данного возраста можно также отнести физиологическую и интеллектуальную зрелость, высокую степень социализации. К возрасту, которого достигли испытуемые, «становление языковой личности в основном завершается, и, значит, в ассоциациях находит отражение сформировавшаяся языковая способность участника эксперимента» [Караулов 1994: 192]. Гендерная принадлежность представлена следующим соотношением: 38% составили девушки и 62% юноши.

Данные, полученные в ходе проведения ассоциативного эксперимента, являясь предметным выражением образов сознания, содержат, помимо фиксированных языковых норм, ненормативные образования. Целью эксперимента являлось выявление реакций на словоформы, образованные в ходе намеренного искажения орфографических норм, поэтому при обработке и анализе результатов не вносились никакие правки или исправления, поскольку орфографическая ошибка в ответе испытуемого могла представлять собой окказиональный эрратив, предложенный в ответ на прецедентный эрратив-стимул.

Анализируя типы полученных в процессе ассоциативного эксперимента реакций, можно выделить, прежде всего, две большие группы: это реакции «принятия» эрратива, восприятия его как известного, прецедентного текста; и реакции «непринятия» эрратива как прецедентного явления, в некоторых случаях сопровождающиеся попытками его исправить, привести к норме.

Ниже приводится анализ реакций «принятия».

Следует отметить наличие семиотически разнородных знаков в ответах испытуемых. Так, реакцией на эрратив «крсивое» у одной испытуемой стал эмотикон, изображающий улыбку. У другой испытуемой на слово-стимул «котастрофа» реакцией было слово «*котастрофа*» и рисунок кота. Исправить явную орфографическую ошибку означало бы пренебречь важным экспериментальным материалом для анализа.

Мы не отсеивали и анализировали все ответы, поскольку графические символы, как известно, несут в себе не менее важную информацию, чем слово. Общеизвестно, что они служат для передачи соответствующей интонации и эмоции в онлайн-коммуникации. Однако можно с уверенностью отметить, что данный прием из виртуальной среды перешел и в живое общение.

Интересным представляется тот факт, что рисунки и эмотикины были свойственны для испытуемых женского пола, тогда как реципиенты-юноши оперировали исключительно словоформами.

Одной из особенностей поля реакций на предложенные стимулы было продолжение мема, что свидетельствует о прецедентности конкретной словоформы. Например, на эрратив «подумой» были даны следующие реакции: 1) *не еш, подумой*; 2) *не еш*; 3) *не еш, я не хлеб!* Данный мем представляет собой изображение кота, напоминающего по форме булку хлеба, сопровождаемое надписью «подумой, не еш».

Еще один пример: на стимул «памагите» была дана реакция в виде указания на изображение: «мем с персонажем на стуле в огне». Самым узнаваемым оказался эрратив «рыбов продаете», на него были получены следующие ответы – продолжения: 1) *нет, только раков*; 2) *нет, только показываю*; 3) *нет, только показываю. –ммм, крсивое*; 4) *крсивое*. Хотя в анкете данная фраза не была использована с вопросительным знаком, респонденты прочитали ее именно с вопросительной интонацией, как она существует и в оригинальном меме: – А вы рыбов продаете? – Нет, только показываю. – Крсивое.

По терминологии метода «встречного текста» А.И. Новикова данный ответ является реакцией «инфиксация», представляющей собой «продолжение воспринимаемого предложения, его дополнения, своего рода заполнения межфразового пространства» [Новиков 2003: 68].

На слово-стимул «есчо» была предложена реакция в виде прецедентного текста «ну, ты заходи...» с отсылкой к мультипликационному фильму «Жил-был пес»; полная прецедентная фраза звучит как «Ну ты заходи, если что!». Между тем, предложенный стимул являлся эрративом слова «еще» и частью мема «шуты есчо».

Другим примером является слово-стимул «сома», образованное от определительного местоимения мужского рода «сам». Двусмысленное понимание данной лексемы демонстрируют ответы реципиентов: 1) часть испытуемых связали это с рыбой – «рыба», «кушают», «сом»; 2) другие верно интерпретировали эрратив – «самостоятельная», «женщина», «самостоятельность», «сама», «все сама», «независимая», «феминистка».

Таким образом, мы видим, что эрративы зачастую настолько искажают оригинальное значение слова, что не всегда понятны реципиентам.

Реципиенты не всегда реагируют на вербальную часть мема, чаще дают отсылку на креолизованный текст – изображение с подписью. Так, на стимул «зочем» реципиент среагировал указанием на «мем с лошадьё»; на «узбагойся» были получены реакции: «мем с изображением лемура», «енот», «мем», «лимур», «мадагаскар».

Перейдем к анализу реакций второй группы.

Еще одной особенностью процесса восприятия прецедентных эрративов является попытка исправления орфографических ошибок: 12% наших испытуемых исправляли прецедентные эрративы на орфографически правильный вариант.

Следует отметить, что в экспериментальном материале встречаются примеры вульгарной и обсценной лексики (в том числе сокращения, эвфемистически их вуалирующие): «девАчки» – *Т.П.-ы*; «фелолог» – «нет, блин, языковед»; «тогдалие» – «хз»; «зочем» – «нафиг надо»; «существование» – «херня какая-то».

Среди ответов на стимульный ряд встречаются фонетические окказионализмы – фонетически оправданные ассоциации, либо несуществующие в русском языке слова: «девАчки» – «червячки», «нинада – невада», «кокраз» – «карказ».

Часть реакций реципиентов представляет собой прецедентные тексты, не относящиеся к интернет-сфере, но не менее широко распространенные. Так на стимул «Омерика» испытуемым была предложена ассоциация «Американ бой, американ джой», являющаяся цитатой из популярной песни 1990-х годов.

Следует также отметить и наличие персонализированных ассоциативных реакций: в этом случае участник эксперимента игнорирует искаженное написание слова-стимула и реагирует на него как на обычную лексему, очевидно, исходя из своего жизненного опыта и текущего эмоционального состояния. Например, реакция на предложенный стимул-эрратив «шишнадцать» – *экзаменов*, стимул «кросивое» – реакция «время», «платье», «зеленый летний лес», «мама», «яблоко».

Среди персонализированных ассоциаций встречаются «непрозрачные» реакции, не всегда доступные для мотивированного анализа. Стимул «котастрофа» – реакция «монитор компьютера», стимул «непонел» – реакция «книга», стимул «тогдалие» – реакция «Тольятти». Некоторые реакции представляли собой антонимы к предложенным стимулам. Стимул «существование» – реакция «отсутствие», стимул «девочки» – реакция «мальчики».

Следует отметить и отдельные случаи «эрративизации ассоциации». В этой ситуации реципиент подхватывает языковую игру, продуцируя новый собственный эрратив в ответ на стимул. Приведем пары, где первое слово является стимулом, а второе – реакцией: «лучше» – «замещательней», «квасивая» – «еще и квасная», «кушоц» – «хачу», «кушоц» – «хочеця всегда», «зочем» – «зотем».

Анализируя приведенные выше данные, вероятно, можно отнести их к автопрецедентному уровню, связанному с проявлениями индивидуальных речевых особенностей участников эксперимента. Нельзя исключать, что какие-то из этих реакций могут приобрести в будущем статус прецедентных текстов, в зависимости от активности и способности их авторов продвигать свой текст в интернет-общении.

Следует отметить, что экспериментальный материал представлен реакциями-словоформами (83,3%) и реакциями-словосочетаниями (16,7%). Такую разницу можно

объяснить спецификой контингента испытуемых. Молодые люди, участвовавшие в эксперименте, являются представителями естественнонаучных специальностей – это физики, химики, биологи и математики. Для них характерно четкое формулирование мысли, краткость, недвусмысленность, использование парадигматических ассоциаций (сохранение грамматического класса слова-стимула): «фелолог» – *учитель, филолог, наука, преподаватель, доктор, ум, гуманитарий, педагог*; «существование» – *жизнь, бытие, смысл, человек, общество*; «кродеться» – *прячется, идет, шпионит, крысятничает, ползет*. Данный тип ассоциаций представляет собой большую часть – 74% от общего количества. Примеры синтагматических ассоциаций (грамматический класс отличен от слова-стимула) также присутствуют в ответах, однако они не столь многочисленны и составляют 26%. Например, «памагите» – *помощь, прошение о помощи, умираю, на помощь, несчастье*, мем с персонажем на стуле в огне, *необходимость, пожалуйста, кому-то*; «есчо» – *слово пацана, ну что-то говорит, волк, недостаток, ну ты заходи..., добавка, прибавка, приложение, это я, предупредить, мало, хочю, добавь, если что, помогу, вдруг если, я домой*.

Таким образом, эти данные еще раз подтверждают явную зависимость структуры и специфики речевой памяти от сферы образования и профессиональной деятельности.

Хотелось бы коснуться вопроса валидности результатов и объективности интерпретации экспериментальных данных. Безусловно, ассоциативный эксперимент представляет собой отчасти искусственную ситуацию, не идентичную естественному функционированию языка и живой коммуникации. Однако, в целях приближения условий к естественным, участников просили отметить лишь свою гендерную принадлежность, не указывая факультет, курс, фамилию или имя. Сохранение анонимности должны были способствовать созданию условий, приближенных к естественному общению, в том числе интернет-общению (о чем свидетельствует наличие просторечной, разговорной и даже обценной лексики в ответах). Таким образом, можно говорить о валидности результатов, полученных в условиях анонимного ассоциативного эксперимента.

Выводы

Итак, в результате анализа 143 анкет, собранных в ходе свободного ассоциативного эксперимента на материале 27 прецедентных эрративов-стимулов мы получили и проанализировали 3861 словоформу. По мнению авторов, данное число представляется достаточно репрезентативным для интерпретации полученных реакций в качестве ассоциативных полей прецедентных эрративов и позволяет сделать определенные выводы относительно возможностей интерпретации нашими испытуемыми новой формы прецедентного текста – эрратива, функционирующего в современной интернет-коммуникации.

Количественный анализ реакций показал, что 86% участников эксперимента продемонстрировали, что они не просто знакомы с предложенными им прецедентными мемами, популярными в интернет-коммуникации, но понимают их в форме эрративов и дают свою интерпретацию. 12% испытуемых, понимая предложенные для восприятия эрративы, не приняли эту форму, попытавшись исправить их и привести к нормам русского языка. И, наконец, 2% не выдали никаких реакций, объяснив отсутствие ответа частичным или полным непониманием смысла эрратива.

Качественный анализ всех реакций, полученных в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента с участием испытуемых молодежного студенческого социума, позволяет классифицировать все реакции по двум группам – «принятия» или «непринятия» коммуникантами эрративов как формы прецедентного текста, отражающих в обоих случаях понимание происходящего в интернет-пространстве. Внешняя форма полученных реакций связана с оценочной лексикой, окказионализмами, обценной лексикой, характеризуется интонационной насыщенностью. Иными словами, реакция наших испытуемых присущи все особенности внешней формы современной интернет-коммуникации, оказывающей безусловное влияние на коммуникацию современного социума в целом.

Отдельные испытуемые выдали в качестве реакции свои собственные новые эрративы с перспективой возможного внедрения их в интернет-коммуникацию и каждодневное бытовое общение.

Таким образом, на сегодня можно сделать вывод о сохранении некоторой степени эрративизации в общении современного молодежного социума и придании эрративам статуса прецедентного текста посредством их популяризации, прежде всего, в интернет-коммуникации, имеющей широкие возможности для реализации подобных инструментов воздействия на языковое сознание коммуникантов.

© Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С., 2024

Литература

- Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 501с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1987. 261с.
- Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. М.: Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1. С. 190–218.
- Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
- Пешкова Н.П. О некоторых особенностях восприятия информации в форме текста в новых условиях (из опыта экспериментальных исследований) // Вестник Московского государственного областного университета серия «Лингвистика». 2018. №5. С. 54–62.
- Пешкова Н.П., Гилязова Д.Р., Давлетова Я.А., Мигранова И.Х., Моисеева А.В., Титлова А.С. Новые формы и условия современной речевой коммуникации: монография / под ред Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. 184 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <URL:https://elib.bashedu.ru/dl/read/PeshkovaN_i_dr_Novieformi_i_usloviya_sovremen.rech.kommunikacii_mon_2023.pdf>Дата обращения: 11.03.2024.

Сведения об авторах

Пешкова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов Высшей школы

зарубежной филологии, лингвистики и перевода, Уфимский университет науки и технологий

Контактная информация:

450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, кафедра иностранных языков естественных факультетов

ORCID: 0000-0003-4611-2887

e-mail: peshkovanp@ Rambler.ru

Моисеева Ангелина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода, Уфимский университет науки и технологий

Контактная информация:

450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, кафедра иностранных языков естественных факультетов

ORCID: 0000-0002-6188-5450

e-mail: mo_linkmo_link@mail.ru

Титлова Анастасия Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода, Уфимский университет науки и технологий

Контактная информация:

450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, кафедра иностранных языков естественных факультетов

ORCID: 0000-0003-4854-9441

e-mail: nastyatitl@gmail.com

Для цитирования:

Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С. Новые формы прецедентного текста в современной интернет-коммуникации // Вопросы психолингвистики. №2(60), 2024. С. 77–89, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-77-89

UDC 81'23

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-77-89

**NEW FORMS OF PRECEDENT TEXT IN MODERN INTERNET
COMMUNICATION**

Natal'ya P. Peshkova

Ufa University of Science and Technology

Angelina V. Moiseeva

Ufa University of Science and Technology

Anastasiya S. Titlova

Ufa University of Science and Technology

Ufa, Russia

Abstract

The article examines the phenomenon of precedence in modern communication conditions, among the characteristics of which the authors note “text violence” as a process of perception and interpretation of information in the absence of the recipient’s conscious intention and need to perceive the content of the text. It is noted that within the framework of Internet communication, individual “text violence” is one of the sources of precedence. Thus, Internet communication is considered as a source of new precedent texts and as a tool for their forced introduction into the consciousness of communicants. The authors distinguish three levels of precedence: auto-precedent, social-precedent and national-precedent levels. As a precedent text, this article examines the erratives included in memes and, therefore, they have become widespread and entrenched in the speech of communicants. The authors classify erratives of this kind as a group of precedent erratives, while the second group consists of occasional erratives generated by the user directly during a communicative act. In order to identify the images generated in the minds of recipients when perceiving errative units used in precedent Internet texts, the authors conducted an associative experiment. A quantitative analysis of the experimental material demonstrates that most of the subjects are not only familiar with the precedent memes proposed to them, but also understand them in the form of erratives, offering their own interpretation. Only a small part of the participants made an attempt to edit the erratives according to the norms of the Russian language. Qualitative analysis of reactions obtained during free associative experiment allowed the authors to divide the resulting reactions into two groups: “acceptance” and “non-acceptance” by the communicants of errative precedent texts. In conclusion, it is stated that the errativization of modern communication and the acquisition of the status of precedent text by erratives through their popularization is an ongoing process.

Keywords: precedent text, errative, associative experiment stimulus, reaction, Internet communication, Internet text

© Peshkova N.P., Moiseeva A.V., Titlova A.S., 2024

Bionotes:

Natal’ya P. Peshkova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, High School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa University of Science and Technology

Contact information:

St. Zaki Validi, 32, Ufa, Rep. Bashkortostan, Russia, 450076

ORCID: 0000-0003-4611-2887

e-mail: peshkovanp@rambler.ru

Angelina V. Moiseeva – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, High School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa University of Science and Technology

Contact information:

St. Zaki Validi, 32, Ufa, Rep. Bashkortostan, Russia, 450076

ORCID: 0000-0002-6188-5450

e-mail: mo_linkmo_link@mail.ru

Anastasiya S. Titlova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages of the Faculty of Natural Sciences, High School of Foreign Philology, Linguistics and Translation, Ufa University of Science and Technology

Contact information:

St. Zaki Validi, 32, Ufa, Rep. Bashkortostan, Russia, 450076

ORCID: 0000-0003-4854-9441

e-mail: nastyatitl@gmail.com

For citation:

Peshkova N.P., Moiseeva A.V., Titlova A.S. New forms of precedent text in modern internet communication // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 77–89. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-77-89 (In Russian)

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

УДК 81'1

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-90-103

Обзорная статья

О МЕХАНИЗМАХ ВЛИЯНИЯ НА РЕЧЕВОЙ УЗУС В ЭПОХУ КОНСЦИЕНТАЛЬНОЙ ВОЙНЫ¹

Лазуткина Елена Михайловна

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена проблеме сохранения русского языка в современных геополитических условиях: в период консциентальной войны в каждодневном речевом общении идет борьба за сохранение русского языка, культуры, менталитета нации. В статье говорится о том, что национальный язык сохраняется только благодаря использованию литературного языка.

Автор показывает механизмы влияния на речевой узус путем искусственного формирования оценочного фона высказывания с целью воздействия на мотивационный аспект языковой личности – на ее прагматикон. В статье описывается, как при гуманитарной интервенции создаются факторы разрушения культуры и национального языка: ломаются исторически сложившиеся этические правила общения, внедряются стилистически сниженные речевые образцы, ложные концепты, отрицается престиж высокого уровня владения языком. Автор выявляет каналы мощного воздействия на русский язык со стороны английского языка: язык СМИ, профессиональная речь, оформление визуального пространства всех публичных площадок. Автор показывает, что вопрос защиты литературного языка затрагивает широкий спектр гуманитарных проблем в жизни страны, что внедрение англицизмов наносит вред лексическому многообразию русского языка и ведет к упрощению когнитивной картины мира носителей русского языка.

В статье говорится, что речевая практика является предметом исследования в разных современных науках о жизни языка в обществе.

Ключевые слова: консциентальная война; сохранение русского языка; языковое сознание; прагматикон языковой личности; менталитет нации

1.0 Речевой узус – путь формирования мировоззрения личности и менталитета социума

1.1 Формирование языкового сознания каждого человека и совершенствование его речевых навыков происходит под влиянием языковой культуры общества. Мир знаний и культура социума предстает как многогранная структура, включающая такие области, как язык народа, убеждения, система ценностей и этические принципы. Языковое сознание человека – это «совокупность перцептивных, концептуальных

¹ Консциентальная война – война на поражение сознания (см. латинское слово *conscientia* – «сознание», «понимание», «совесть»). Выдвижение концепции консциентальной войны и объяснение этого понятия в публицистическом дискурсе в 90-х годах XX века принадлежит Ю.В. Крупнову и доктору психологических наук Ю.В. Громыко.

и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 7]. Каждое новое поколение в ежедневном общении воспринимает коллективное языковое сознание как национальный образ мира, этнические особенности, сквозь призму которых человек смотрит на мир и которые направляют социализацию человека [Тарасов 2004; Уфимцева 2004; Уфимцева 2011]. Коллективное языковое сознание можно охарактеризовать как отражение мировосприятия народа, ментальности народа. Оно пронизано социальными оценками и обуславливает модус говорящего при формировании любого высказывания. Ср. следующее суждение: «Существует некая “общезыковая сигнификация”, присущая языку в целом, которая осуществляет посредничество между моим намерением, пока еще немым, и словами, и осуществляет его так, что высказанные слова могут удивить меня самого и раскрыть мне мою собственную мысль» [Merleau-Ponty 1965: 92]. См. также: [Talmu 1983: 302–311].

Богатство языка как системы систем разноуровневых элементов создается речевым общением носителей языка в этических традициях общества в различных жизненных обстоятельствах. Огромные запасы выразительных возможностей системы – это и база творческого использования языка. Ср. мнение ученых: «Язык не воспроизводит, не копирует, не “озвучивает”, не “оплотняет” мысль, а вырабатывает ее и вводит в сознание человека» [Кручинина 2015: 4].

1.2 Литературный язык как система знаний, смысловых кодов и ценностных ориентиров

В мировой лингвистической традиции принято считать, что литературный язык репрезентирует нацию. «Литературный язык – это интерпретативная и коммуникативная система взаимодействия блоков формальных структур разноуровневых единиц, – взаимодействия, предназначенного для выражения смыслов» [Лазуткина 2013: 375]. Она представляет коллективное языковое сознание и формирует индивидуальное языковое сознание. Литературный язык характеризует наличие единых обязательных языковых норм: «Понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка (как в его письменной, так и разговорной форме)» [Виноградов 1978: 293].

Литературный русский язык исторически сложился для выполнения различных функций в многогранной жизни государства. Еще в XVIII веке сформировано такое качество литературного языка, как общеупотребительность, – качество, которое делает литературный язык значимым как цивилизационное достояние народа. Ср.: «общество проявляет высокую чувствительность к языковой норме как к показателю своей культуры и своего коллективного интеллекта. Поэтому одновременно с тем, что норма существует объективно, общество предписывает ее своим носителям как категорию обязательную» [Русская грамматика 1980: 10].

1.3 Концепт «диалог» в теории речевой деятельности, «философии языка» и в дисциплине «культура речи»

Человеческая речь имеет диалогическую природу. В.М. Алпатов пишет, что «идея о подлинном бытии языка лишь в диалоге» была общей концепцией 20-х–30-х годов прошлого века [Алпатов 2005: 155]. Мгновенность и simultанность процесса порождения речи, биологического по своей сути, скрывает этапы мысли-речи. Этот алгоритм был описан в начале прошлого века независимо друг от друга М.М. Бахтиным, занимавшимся «философией языка», и Л.С. Выготским. В этой концепции считается, что главная организующая сила общения – ось «говорящий – адресат». Необходимыми

составляющими диалога являются заинтересованность в общении, паритетность его участников и нацеленность речи на «наадресата» – «высшую инстанцию ответного понимания». Речевой замысел содержит оценочные импульсы, которые играют конструктивную роль в интонационном оформлении и в линейной организации высказывания; «каждое высказывание – прежде всего оценивающая ориентация. Оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1996: 323]. Различные типы оценок говорящего описываются как модусы высказываний. Н.Н. Болдырев подчеркивает интерпретативный характер всех языковых явлений и вводит понятия «модусные концепты» и «модусные категории» [Болдырев 2018: 264].

В конце XX века теоретические конструкты М.М. Бахтина и Л.С. Выготского подтвердились экспериментально: было доказано, что диалог – основная категория процессов человеческого сознания, познания и общения [Радзиховский 1988: 27; Харитонов 1988: 55].

Описывая идиоречевой цикл, Бахтин подчеркивает, что речевое общение – это «социальное событие коммуникативного взаимодействия» [Волошинов (Бахтин) 1993: 312]. При формировании индивидуального языкового сознания, «внутреннего слова», коллективное языковое сознание существует как «предзнание». Ср.: «Слово должно было сначала родиться и созреть в процессе социального общения организмов, чтобы затем войти в организм и стать внутренним словом» [Волошинов (Бахтин) 1993: 298].

Концепт «диалог» сближает интересы многих наук о жизни языка в обществе – такие дисциплины, как культура речи, социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, риторика обыденной речи, прагматилистика и др. См. анализ проблематики других современных исследований о языке: [Бубнова, Красных 2016].

1.4 Языковая личность и менталитет нации

Индивидуальный языковой и культурный опыт человека позволяет говорить о нем как о языковой личности [Караулов 1987: 27]. Из всех определений менталитета народа для лингвистов актуально определение, в котором «менталитет считается способом межпоколенной связи в этносе, основанной на общерусском языковом типе» [Караулов 2004: 24].

Описанный выше процесс воплощения мысли в слове показывает, что оценки говорящих могут быть использованы для искусственного формирования оценочного фона и воздействия на мотивационный аспект языковой личности. Для демонстрации таких приемов воспользуемся схемой уровневой организации языковой личности Ю.Н. Караулова.

Ю.Н. Караулов называет прагматический уровень высшим в модели языка, а прагматикон – завершающим уровнем языковой личности: «Если проецировать менталитет на структуру языковой личности, то мы увидим, что это и есть третий уровень ее организации, ее прагматикон, который характеризуется неразрывной связью с картиной мира и предполагает активность, мотивы, интересы, интенции, наличие целей и ценностей, следование нормам, т.е. выход в реальность» [Караулов 2004: 24].

2.0 Консциентальная война как гуманитарная интервенция

Главное положение теории культуры речи – паритетные отношения участников общения – было отвергнуто теорией речевого воздействия в середине XX века, которая заявила, что главная цель использования языка – организация системных

средств для целенаправленного воздействия на адресата, для внедрения в его сознание определенных смысловых квантов, для создания определенного коллективного бессознательного. Все жанры СМИ, тексты рекламы стали площадкой для проверки этих постулатов: здесь открывались скрытые возможности языковой системы, получали проверку приемы формирования смысловой канвы текстов, дискурсных характеристик, средств введения в сознание адресата нужной информации. Частой уловкой, например, является помещение в тематическую часть высказывания оценочных слов, которые, при правильном построении предложения, должны были бы появиться только в составе ремы; например: *Этого талантливого молодого человека ждет прекрасное будущее.*

Исследования конца XX века показали, что Запад ведет против России открытую информационно-психологическую войну; см. например: [Лингвистика информационно-психологической войны 2017–2021]. Это война на поражение сознания, направленная на уничтожение государства, гражданского общества изнутри, разрушение национального языка, культуры, дискредитацию истории и народа России. Авторы концепции концентриальной войны считают, что можно выделить несколько основных способов поражения и разрушения сознания, что западнизация России осуществляется силами российских людей, выполняющих волю Запада. Главный способ поражения сознания – это «понижение уровня организации информационно-коммуникативной среды на основе ее дезинтеграции и примитивизации, в которой функционирует и “живет” сознание»; а также «разрушение способов и форм идентификации личности» [Калашников, Крупнов 2003].

Общая картина влияния на сферу употребления национальных языков в разных странах в последние 30 лет дает основание утверждать, что агенты глобализации планомерно создают условия, препятствующие процессу естественного функционирования языков, и прежде всего в информационной сфере, в области управления, делопроизводства, образования. Эти условия – часть целенаправленной политики, которая входит в систему «косвенного влияния» США. В лингвистической литературе как синоним употребляется термин «культурная глобализация» [Гладенко 2016: 180]. Американские разработчики глобализационных процессов называют внедрение деструктивных тенденций, разрушающих традиционные ценности, национальные языки и культуру в разных странах, гуманитарной интервенцией.

3.0 Русский язык – объект агрессии

В XXI веке русский язык, один из коммуникативно развитых и распространенных языков мира, государственный язык Российской Федерации, подвергается агрессивной атаке. Об этом писал И.А. Бодуэн де Куртене в начале прошлого века как о «преступном вмешательстве» в «естественное развитие языка, которое грозит разрушением национального языка» [Бодуэн де Куртене 1963–II: 140].

Главный инструмент разрушения языковой системы, хранящейся в памяти народа, – это уничтожение диалоговой основы языка, поскольку все процессы осмысления-прочувствования действительности связаны с речью, с настроенными на восприятие адресата исторически сложившимися формами выражения.

Многообразие способов влияния на сферу употребления русского языка свидетельствует об огромном масштабе внешнего давления. Каналами воздействия на языковое сознание носителей языка, прежде всего, являются СМИ, публицистика, электронные ресурсы различных организаций, речь известных людей, персонажей

художественных фильмов и телефильмов, а также система образования, все способы взаимодействия с обществом – выставки, экскурсии, молодежные и спортивные мероприятия, научные конференции, издательская и редакционная политика, визуально воспринимаемое оформление городской среды. Каждодневная речевая практика становится плацдармом борьбы за сохранение русского языка и культуры.

3.1 О неблагоприятном влиянии речи работников информационной сферы на речевой укус многомиллионной аудитории

Как известно, национальный язык сохраняется только благодаря использованию литературного языка – общего культурного коммуникативного пространства страны. Поэтому литературный язык подвергается особому давлению.

Через СМИ в речевой укус попадают неправильные, часто бессмысленные выражения, которые потом могут неосознанно, автоматически воспроизводиться многими людьми в различных жизненных ситуациях. В речи работников информационной сферы встречается много просторечных и грубых выражений. В целом, такая речь, по определению В.К. Третьяковского, имеет характеристики «подлое употребление», «площадное употребление». Ср.: *За кого ты меня держишь?* вместо общеупотребительного выражения *За кого ты меня принимаешь?*; *блин, на хрен, хреновый, до хрена, хрень, бухать, по ходу, заява, предъява, постанова, наступ, укреп, ни разу* вместо *совсем не* (например *ни разу неумный*), *по-любому, по жизни, прогнуться под кого-нибудь, лечь под кого-нибудь, мне (ему, нам, им) зашло / не зашло*.

Некоторые неправильные выражения закрепляются в системе. Ср.: **имеет место быть* (следует: *имеет место*), **касаемо* (следует: *что касается*). В выражении **рассыпчатая пудра* нарушено правило лексической сочетаемости: рассыпчатым можно назвать только то, что не является порошком (например, *рассыпчатая каша*). В названии масла **«Золотая семечка»* следовало употребить слово ср. р. *семечко*. Устаревшие и диалектные слова *в ночи, по весне, по осени* употребляются вместо общеупотребительных наречий *ночью, весной, осенью*.

Выражение *раз за разом* на ТВ часто неоправданно употребляется в значении устойчивого оборота *из раза в раз*.

Закрепился в системе предлог *в этой связи*, который стал употребляться вместо предлога *в связи с этим*.

Выделяется определенный круг повторяющихся грамматических ошибок и неправильных словоупотреблений. Ср.: **Улыбка продляет жизнь*; **Работа сплочает людей* (следует: *продлевает, сплавивает*). Глагол *доводиться / довестись*, который имеет положительный смысл (например, *Мне удалось попасть на этот сеанс*), иногда употребляется с глаголом в неопределенной форме, имеющим отрицательную коннотацию: **Ему довелось попасть в аварию*. Глагол *домогаться* нередко неправильно распространяется формой дат. пад. (например: **Он домогался к девушкам*), в то время как его следует употреблять с формой родит. пад.: *Он домогался девушек*.

В современной публичной речи нередко нарушаются каноны официально-делового общения, используется уместная только в разговорной речи словообразовательная модель; например: *минималка* (в значении “минимальная оплата труда”), *молочка* (“молочная отрасль; молочные продукты”).

3.2 О вредном влиянии на мотивационный аспект языковой личности изменения социальных характеристик языкового знака

Вполне оправданно А.А. Леонтьев называет значения слов «социальными по своей сущности единицами» [Леонтьев 1999]. К разрушению языка ведет разрушение

его культурной основы, подмена ценностных ориентиров языкового сообщества, внедрение ложных смыслов с заданным «культурным приращением».

Пропаганда в СМИ фамильярного общения, которое формирует, по выражению М.М. Бахтина, «снижающую тенденцию в речи», – один из приемов воздействия на мотивационный аспект языковой личности. В мир адресата агрессивно внедряются жаргонные или вульгарные речевые образцы, стилистически сниженные варианты нормативных коммуникативных стереотипов. Таким образом, в сознание человека вводится «другой мир», чтобы он стал для него обычным. Массовый характер такого воздействия отрицательно влияет на уровень языковой компетенции большого числа людей, приводит к дискриминации адресата, к разрушению языкового сознания человека и самосознания личности, самоидентификации человека в современном социуме. См. об этом: [Лазуткина 2012: 478–479].

Площадкой для искусственного внедрения ложных оценок, которые отличаются от фона коллективного языкового сознания, не совпадают со значениями слов в системе литературного языка, часто служат малые социальные группы, молодежная среда, речь «авторитетов» социальных низов и криминальной сферы с их оценочными штампами. Многократно повторяющиеся высказывания с ложными смыслами могут восприниматься как безусловная истина, они могут замещать действительное положение дел и приобретать, по терминологии М.Л. Макарова, «вещественность» [Макаров 1998; Коряковцева 2016]. Так, из жаргона пришло употребление прилагательного *взрослый* в значении слов *возрастной*, *пожилой*, *старый*. Получила распространение речевая этикетная формула *Присядьте, пожалуйста* вместо этикетной формулы *Садитесь (сядьте), пожалуйста*. При этом подразумевалось, что слово *присесть* имеет положительный смысл, а слово *садиться* имеет только отрицательный смысл. Однако, как ирония, слово *присесть* тоже стало употребляться с негативной коннотацией – «оказаться в месте заключения»; ср. реплика: *Он присел на три года*.

В XXI веке внедрен ложный концепт «блондинка – глупая женщина». И, как прием расчеловечивания, это существительное стало употребляться в форме среднего рода – *блондинко*. Этот ложный смысл часто появляется в анекдотах Андрея Норкина в телевизионной передаче «Место встречи», в речи других публичных личностей и в репликах гостей в разных телевизионных передачах. Если принять во внимание, что светловолосыми являются большинство славянок, то внедрение такого концепта можно характеризовать как политическую речевую агрессию.

Определение *крайний* в СМИ стали неоправданно употреблять в значении «последний», очевидно, с намеком на отрицательный смысл выражений со словом *последний* (например, *Провожаем в последний путь*). См.: **В крайний раз*; **На крайней нашей встрече*; **Крайние события показали*.

К этой группе искусственных вбросов в узус относится изменение устойчивых выражений и искажение или дефразеологизация идиом (как известно, именно идиоматика является сокровищницей любого национального языка). Так, выражение **Вот где собака порылась* иногда употребляется вместо устойчивого выражения *Вот где собака зарыта*; бессмысленная контаминация **Молчит, как рыба об лед* – вместо идиом *Молчит, как рыба* и *Бьется, как рыба об лед*.

Такие употребления делают речь бессмысленной, расшатывают систему языка, которая, как известно, является способом представления знаний народа о мире, национальным смысловым кодом.

3.3 Об опасности антинормализаторской политики в отношении употребления русского языка

Некоторые псевдолиберальные филологи отказались от понятий «литературный язык» и «функциональные стили литературного русского языка», отрицают общеупотребительность русского литературного языка, неоправданно расширяют понятие вариативности языковой нормы. Как следствие, ими отрицается престижность владения литературным языком. Они также понизили статус разговорной речи: к разговорной речи относят некультурную речь, вульгарное просторечие.

Следует помнить, что разговорный язык – это базовая разновидность литературного языка, это язык ежедневного общения людей в спонтанных диалогах и полилогах в различных жизненных обстоятельствах, это язык культурного общения [Истрина 1948: 3; Ширяев 1996: 3–6]. См. также: «Литературный язык – это обработанный народный язык <...> В быту культурные люди общаются на литературном языке» [Панов 2004: 88].

Существует обязательная обратная связь: «Чем более высока культура владения языком, тем совершеннее сам язык, и наоборот. Если богатства языка остаются невостребованными его носителями, если носители языка будут глухи к лучшим творениям на этом языке, то и богатства языка просто уйдут в небытие» [Ширяев 1996: 5].

Антинормализаторская установка псевдолибералов очень опасна. Соблюдение языковых норм особенно важно в наше время, когда в процессе гуманитарной интервенции применяется большой арсенал средств разрушения языков, уничтожения «органической связи между языком и его носителями» [Кирилина 2012: 10].

3.4 О недопустимости расширения сферы употребления профессиональных языков

Отрицательное влияние на общеупотребительный язык оказывает специальная лексика. Употребление терминов в обыденной жизни ограничивает творческие возможности человека, создает феномен, сопоставимый с понятием А.А. Леонтьева «профессиональный образ мира» [Леонтьев 1999: 273]. Сильное влияние на узус оказывает язык управленческих структур, делопроизводства, образования, СМИ. При этом нередко происходит изменение объема понятий слов-терминов. Так, редакция 1-го канала ТВ сделала свой профессиональный жаргонизм *подкаст* (которое является окказионализмом английского журналиста) названием передачи: «ПОДКАСТ.ЛАБ». Термины *озвучивать*, *артикулировать* нередко употребляются как слова обыденного языка.

В методической литературе для образовательных учреждений были заменены слова *знания, умения, навыки* на термин *компетенции*.

В электронных письмах, рассылавшихся с сайта мэра Москвы, до недавнего времени встречались вкрапления англицизмов на латинице и профессионализмы, внедрялось употребление слова *активность* во мн. ч., в то время как в русском языке отвлеченное существительное *активность* употребляется в форме ед. ч.; например: *активность молодежи*. См. также письмо из электронной рассылки с сайта мэра: «Марина Владимировна! С 25 по 31 мая 2020 г. приглашаем Вас принять участие в новом **краудсорсинг-проекте** по улучшению электронных услуг».

В практике делопроизводства при изменении фамилии сейчас выдается документ под названием «Свидетельство о перемене имени». Таким образом, термин *фамилия*

выводится из практики делопроизводства. В русском языке документ должен иметь название «Свидетельство об изменении фамилии».

3.5 О мощном давлении на русский язык со стороны английского языка

«Усилия агентов глобализации направлены на сокращение и в дальнейшем полное уничтожение русского культурного пространства» [Кирилина 2018]. Идет внедрение элементов разных уровней системы английского языка, вызывающих вербальные ассоциации с чужой культурой.

3.5.1 Во всем информационном пространстве России происходит искажение главного средства передачи смысла в устной речи – **интонации**. Используются интонационные конструкции английского языка и других языков, которым свойственна быстрая смена повышения и понижения тона, а также повышение тона в конце повествовательных предложений, что напоминает цирковой возглас «Вуаля!» и делает фразы бессмысленными.

3.5.2 В СМИ, на публичных мероприятиях, в надписях на предметах одежды, которая производится в России, на предметах интерьеров употребляются надписи на латинице, на иврите и используются **шрифты** письменной речи англосаксонских стран. Так, например в написании названия телевизионной передачи «Модной приговор» (1-ый канал ТВ) в последние годы используется шрифт названия газеты «Вашингтон пост».

3.5.3 Происходит повсеместное расширение визуального **пространства с англоязычной лексикой** на латинице или передача англицизмов-американизмов буквами кириллицы. Используются публичные площадки для пропаганды английского языка: в книжных магазинах и на книжных выставках множество плакатов «Учим английский язык!». Однако в магазинах отсутствуют вывески «Русский язык как средство международного, межнационального общения».

Довольно часто ведущими СМИ употребляются английские слова, которые затрудняют понимание сказанного: *батл, тренд, коннект, контент, треш, трек, хайп, перформанс, мейнстрим, челлендж, лайфхак, лук* (в значении слов *образ, вид*), *локация, локальный* (в значении слов *место, местный*), *медиа* (в значении *СМИ*). Агрессивное внедрение англицизмов-американизмов создает для населения опасность снижения уровня владения русским языком – государственным языком Российской Федерации.

Новые слова часто заменяют уже укоренившиеся в русском языке более ранние заимствования из немецкого языка или французского, например: *мониторить* вместо *контролировать*, *мейкап* вместо *макияж*, *хит* вместо *шлягер*, *рейтинг* вместо *популярность*, *сленг* вместо *жаргон*. См. об этом: [Маринова 2014; Баженова, Пищальникова 2018].

Лексема *райдер* во вторичном значении (“условия, дополнительные пункты соглашения”) пришла в деловое общение на русском языке намного раньше, чем это слово в основном значении – “наездник”, которое распространяется на ТВ в передачах, посвященных верховой езде.

Семантика внедряемых англицизмов часто изменяется в русском языке. Нередко происходит расширение значений, детерминологизация. Ср. слова: *брифинг, инвестиция, презентация, эксклюзивный, пиар, коллапс, эскалация, фитнес* (“тренировка”), *уикенд, шопинг, ноу-хау, рэкет, менеджер, пентхаус*. Исследователи приходят к выводу: «Тиражирование таких лексем, неточное и семантически далекое от оригинала значение <...> формирует «расплывчатые» структуры знания» [Баженова, Пищальникова 2018: 65– 66].

Слово *тренд* в передачах центральных телевизионных каналов используется как синоним целого ряда давно известных слов: *направление* (исследований), *мода* (этого сезона), *тенденция* (например, в современном искусстве). См.: *Такер Карлсон был в гипермаркете в нетрендовой куртке* (ТВ, 2024 г.). Слово *лайфхак* употребляется в значении русских слов *способ, прием, приемчик, хитрость, ухищрение, самоделка*. Лексема *принт* имеет много соответствий в русском языке: *расцветка, рисунок, оттиск, печать на ткани*.

Сам факт, что одно английское слово как ярлык начинает употребляться вместо целого ряда русских слов с тонкими оттенками значений, имеющих свою систему словообразовательных связей, входящих в парадигматические ряды с другими словами русского языка, свидетельствует о намеренном вреде лексическому многообразию русского языка и о примитивизации когнитивной картины мира россиян.

Замена графического облика иностранных слов – написание их кириллицей вместо латиницы – не закрывает проблему. Так, в 2023 году на телевизионном канале «Москва 24» название рубрики “THE CITY” было заменено на надпись кириллицей “СИТИ”, однако кириллицей передается фонетический облик того же англицизма. Американское междометие «уау» постоянно произносится на ТВ (например, в рекламе: *уау кешбэк!*)

4.0 О внедрении в сознание россиян интереса к англосаксонской культуре

Самое обобщенное определение культуры: «Культура – это каноны в выборе альтернатив» [Демьянков 1991: 115]. Сейчас достижения и каноны отечественной культуры нуждаются в защите.

В дискурсах информационно-психологической войны используются огромные ресурсы – теория речевой деятельности, лингвистическая прагматика, разработки темы «адресат» в социопсихологии, характеристики коммуникативных качеств языковых средств, выявленные функциональной лингвистикой. Через все СМИ, через специальные программы на ТВ, речь ведущих развлекательных передач и гостей студии, через бегущую строку новостных передач идет формирование позитивного образа США, Великобритании и других стран Запада, рассказывается об их цивилизационных достижениях. Таким образом, в прагматикон языковой личности вводятся ценностные установки и оценочные шкалы, у граждан России воспитывается чувство преклонения перед Западом.

Кроме того, на территории России работают общественные организации, которые занимаются распространением «тезисов демократии» и введением новых правил речевой практики. Цель их деятельности – внедрение чуждой носителям русского языка картины мира и идеологием чужого языка под предлогом введения морали цивилизованного мира – толерантности и политкорректности (мы трактуем идеологемы как единицы языка, лексемы, элементы некоей идеологической системы, отражающие менталитет народа). Так, в частности, одна из таких организаций составляет «гlossарий», который входит в перечень мер воспитания толерантности и который должен быть рекомендован всем организациям, где звучит публичная речь. По мнению этих агентов, должны быть запрещены слова, которые в нашем социуме имеют оскорбительный смысл: *инвалид, бомж, debil, гей, лесбиянка, ЛГБТ-сообщество, проститутка* (эту лексему предлагается заменить выражением *секс-работница*). Однако их употребление в русском языке регулируется и контролируется культурным кодом россиян. Так, слово *негр* для говорящих на русском языке всего лишь звуковой комплекс, оно не содержит отрицательной коннотации. То же можно сказать о слове *инвалид*.

5.0 Проблематика дисциплины «лингвоэкология» и других наук о жизни языка в обществе

В конце XX века в разных странах острота проблемы сохранения языка как жизненной среды для социума, как среды формирования языкового сознания личности, способа идентификации человека заставила ученых исследовать вопросы лингвистической экологии. Термин *экология* стал трактоваться как наука о взаимодействии организмов и окружающей среды. Язык понимается как среда обитания человека, и *экология языка* – это экология человека.

Лингвоэкология в России имеет давние традиции, связанные с языковой культурой, социолингвистикой и с канонами науки этики. У истоков ее создания на рубеже XX–XXI вв. стоят Л.И. Скворцов, Е.Н. Сердобинцева, А.П. Сквородников. Сравним заключение А.П. Сквородникова о различии задач дисциплин «культура речи» и «лингвоэкология»: «Если культура речи сосредоточивает свое внимание на вопросах языковой нормы, оптимальной организации речи, ее коммуникативной эффективности и соответствующих компетенциях языковой личности, то лингвоэкология – на условиях и факторах благоприятного или неблагоприятного существования и развития языка как сложной полифункциональной системы и языкового сознания его носителей» [Сквородников 2016: 23].

А.П. Сквородников считает, что «предметом изучения лингвоэкологии является состояние языка как сложной семиотической системы с экологических позиций (метафорически “здоровье языка”), обусловленное социальными, историческими, политическими и другими экстралингвистическими факторами» [Сквородников 2019: 13].

Ученые ставят вопрос о защите языка, о языковой безопасности: «Под языковой безопасностью <...> мы понимаем осуществление системы мероприятий в рамках государственной языковой политики, направленной на защиту языка от всякого рода опасных воздействий» [Кирилина 2024: 73].

Австралийский лингвист М. Хэллидей называет проблематику экологии языка социальной семиотикой. В его работе 1990 г. речь идет об ответственности людей за то, при помощи каких слов формулируются смыслы [Halliday 2001]. В аналитическом обзоре [Курашкина 2022: 28–44] говорится, что ученики М. Хэллидея Р. Ходж и Г. Кресс, а также датские ученые Й. Бэнг и Й. Дор, работающие по программе научной школы «эко-критический дискурс-анализ», самостоятельно пришли к постулатам М.М. Бахтина начала XX века и называют М.М. Бахтина отцом социальной семиотики.

В лингвоэкологии сложились свои понятия, своя терминология. Так, «лингвонекрофилия» – это разновидность речевого нападения, которой свойственна «интенция ненависти, клеветы, очернения, презрения, глумления, кощунства и уничтожения, выражающиеся в высказываниях, нарушающих любые принятые этические нормы» [Сквородников 2019]. «К лингвотоксинам относят неоправданные заимствования, неудачное словотворчество, ярлыкообразование, вульгаризацию языка и речи, лингвоцинизмы, бюрократизацию языка, избыточную аббревиацию» [Курашкина 2022: 37]. «Лингвотоксикология» изучает весь комплекс дискурсов, событий, явлений, которые вредят языку (как системе) и «коллективному бессознательному» носителей языка «вплоть до трансформации их картины мира» [Сквородников, Копнина 2017: 29]. По мнению Сквородникова, они представляют собой идеологемы, содержащие предельно свернутый негативный миф. См.: [Сквородников Копнина 2022: 174].

Для именованя такого рода дискурсов используют и термин «патогенные тексты». Они формируют деструктивное массовое сознание с помощью вульгарной лексики, несущей резко отрицательный смысл. См. примеры И.В. Грибановой: *колорады, даунбасовцы, лугандоны, сепары, крымнашисты, крысчане* [Грибанова 2016: 181–182]. В таких текстах встречается прием «расчеловечивание»; см.: «В Сирии уничтожена очередная порция русских солдатиков! Число уничтоженной русской солдатни насчитывает десятки голов» [Там же].

6.0 О важности активной государственной языковой политики

Немаловажную роль в противодействии разрушительным процессам в использовании языка играет активная позиция каждого носителя языка. Защита языка зависит от индивидуальных усилий людей и их речевого поведения. Специалисты подчеркивают: «В этносе на первом плане находятся не социальные функции общности, а личностные характеристики ее членов, на которых основано этническое группирование» [Рыбаков 2001: 65].

Государственная языковая политика должна иметь характер целенаправленной деятельности по совершенствованию речи как социальной традиции в конкретных обстоятельствах. Активная государственная языковая политика, детальная разработка механизмов контроля и регулирования – это меры обеспечения языковой безопасности, а значит государственной безопасности и цивилизационной идентичности.

© Лазуткина Е.М., 2024

Литература

Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. 433 с.

Баженова И.В., Пищальникова В.А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. 151 с.

Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 5: Работы 1940-х – начала 60-х годов. М.: Русские словари, 1996. 731 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. К критике международных искусственных языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. II. М., 1963. С. 130–140.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 480 с.

Бубнова И.Н., Красных В.В. Человек говорящий как объект и предмет современных интегративных исследований: неопсихолингвистика и психолингвокультурология // Structures and functions: Studies in Russian linguistics. Vol. II, issue 2, Tallin, 2016. P. 5–25.

Виноградов В.В. Литературный язык // Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука: 1978. С. 288–297.

Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 190 с.

Гладенко Ю.С. Культурная глобализация // Проблемы безопасности в современном мире. I Черноморская научно-практическая конференция МГУ. 26–28 мая 2016 г. Тезисы докладов. Севастополь: Изд-во филиала МГУ в г. Севастополе. 2016. 228 с. С. 179–181.

Грибанова И.В. «Вестей горячих письмена»: патогенный текст в русскоязычном интернет-пространстве // Проблемы безопасности в современном мире. I Черноморская науч.-практ. конф. МГУ. 26–28 мая 2016 г. Тезисы докладов. Севастополь: Изд-во филиала МГУ в г. Севастополе, 2016. С. 181–182.

Демьянков В.З. Загадки диалога и культуры понимания // Текст в коммуникации. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. С. 109–116.

Истрина И.С. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.- Л., 1948.

Калашиников М., Крупнов Ю. Гнев орка. СПб, Астрель, 2003.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Караулов Ю.Н. Горячие точки развития русистики: русский язык, русский мир и российский менталитет // Русское слово в русском мире. М.: МГЛУ-Калуга: «Эйдос», 2004. С. 5–28.

Кирилина А.В. Некоторые аспекты формирования философии языка в эпоху глобализации // Жизнь языка в культуре и социуме-3. Материалы международной научной конференции. Москва 20–21 апреля 2012 года / Отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М., 2012. С. 9–10.

Кирилина А.В. Проблемы развития коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Этнопсихоллингвистика. 2018. № 1. С. 26–62.

Кирилина А.В. Протекционистская языковая политика в министерстве обороны Российской Федерации // Вопросы психоллингвистики. 2024. № 1 (59). С. 72–83.

Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспект). Щецин: Издательство Естественно-гуманитарного университета в г. Седльце (Польша), 2016. 152 с.

Кручинина И.Н. Формирование научного представления о грамматических свойствах слова // Русский язык в национальной школе. М., 2015. № 2. С. 3–16.

Курашкина Н.А. О многоаспектности современных эколлингвистических исследований // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография / под ред. А.П. Сквородникова и Г.А. Копниной. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. 612 с. С. 28–44.

Лазуткина Е.М. Нарушение принципов диалогизма в современных СМИ («дискриминация адресата») // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 471–481.

Лазуткина Е.М. Термин «Литературный язык» // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума (Москва, 8-10 июня 2012 г.) / Отв ред. С.Д. Шелов. М.: 2013. С. 375–383.

Лазуткина Е.М. Мишени глобализации: от прагматикона языковой личности – к менталитету нации // Язык, сознание, коммуникация. Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2018. Вып. 58. С.20–30.

Леонтьев А.А. Психология общения. 3-е изд. М.: Смысл, 1999. 365 с.

Лингвистика информационно-психологической войны. монография. Книги I-IV / под ред. проф. А.П. Сквородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017–2021.

Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: ТверГУ, 1998. 199 с.

Маринова Е.В. «Вечный вопрос» о заимствованиях // Русская речь, 2014, № 2. С. 59–65.

Панов М.В. О литературном языке // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 88–102.

Радзиховский Л.А. Диалог как единица анализа сознания // Познание и общение. М.: Наука, 1988.

Русская грамматика. М.: Наука. 1980.

- Рыбаков С.Е.* Этнос и этническое // *Философские исследования*. 2001. № 2. С. 60–76.
- Сковородников А.П.* Экология русского языка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.
- Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Лингвотоксичные явления в речи и языке // *Мир русского слова*. 2017. № 3. С. 28–32.
- Сковородников А.П.* О некоторых нерешенных вопросах теории лингвоэкологии // *Политическая лингвистика*. 2019. № 5 (77). С. 12–25.
- Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Основные лексико-фразеологические новации в русском языке и речи, возникшие вследствие информационно-психологических войн // *Лингвоэкология: проблемы и пути их решения: монография /под ред. А.П. Сковородникова и Г.А. Копниной*. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С.172–196.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания*. М.: 1996. С. 7–22.
- Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // *Вопросы психолингвистики*. М.: ИЯ РАН, 2004. №2. С. 34–47.
- Уфимцева Н.В.* Предисловие // *Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский* // Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с.
- Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН. 2011. 252 с.
- Харитонов А.Н.* Переопосредствование как аспект понимания в диалоге // *Познание и общение*. М.: Наука, 1988.
- Ширяев Е.Н.* Предисловие: цели и задачи монографии // *Культура русской речи и эффективность общения*. М.: Наука, 1996. 441с.С.3–6.
- Halliday M.A.K.* *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics* [1990] // *The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler*. London and New York: Continuum, 2001. P. 175–202.
- Merleau-Ponty M.* *Sur la phenomenologie du langage* // *Merleau-Ponty M. Eloge de la philosophie et autresessais*. P.: Gallimard,1965.
- Talmy L.* *How language structures space // Spatial orientation/ Theory, Research and application*. NewYork, 1983. P. 302–311.

Сведения об авторе

Лазуткина Елена Михайловна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Контактная информация:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

ORCID: 0000-0003-0135-8277

e-mail: lazutkelena@yandex.ru

Для цитирования:

Лазуткина Е.М. О механизмах влияния на речевой узус в эпоху концентриальной войны // *Вопросы психолингвистики*. №2(60), 2024. С. 90–103, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-90-103

UDC81'1
LBC 81
DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-90-103

Review article

**ON THE MECHANISMS OF INFLUENCE ON SPEECH PRACTICE
IN THE ERA OF WAR ON THE DEFEAT OF CONSCIOUSNESS**

Elena M. Lazutkina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract

Russian language preservation in modern geopolitical conditions is the subject of the article: during the war to defeat consciousness in everyday speech communication, there is a struggle for the preservation of the Russian language, culture, and mentality of the nation. The article says that the national language is preserved only through the use of a literary language. The author shows the mechanisms of influence on speech use by artificially forming the evaluative background of an utterance in order to influence the motivational aspect of a linguistic personality – its pragmaticon. The article describes how humanitarian intervention creates factors of destruction of culture and national language: historically established ethical rules of communication are broken, stylistically reduced speech patterns, false concepts are introduced, the prestige of a high level of language proficiency is denied. The author identifies channels of powerful influence on the Russian language from the English language: the language of the media, professional speech, and the design of the visual space of all public venues. The author shows that the issue of literary language protection affects a wide range of humanitarian problems in the life of the country, that the introduction of Anglicisms harms the lexical diversity of the Russian language and leads to a simplification of the cognitive picture of the world of native speakers.

The article says that speech practice is the subject of research in various modern sciences about the life of language in society.

Keywords: the war to defeat consciousness, preservation of the Russian language, language consciousness, the pragmaticon of the linguistic personality, the mentality of the nation

©Lazutkina E.M., 2024

Bionotes:

Lazutkina Elena M. – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, The Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences

Contact information:

18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019

ORCID: 0000-0003-0135-8277

e-mail: lazutkelena@yandex.ru

For citation:

Lazutkina E.M. On the mechanisms of influence on speech practice in the era of war on the defeat of consciousness // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 90–103. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-90-103 (In Russian)

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ¹

Теркулов Вячеслав Исаевич
Донецкий государственный университет
Донецк, Россия

Аннотация

Предлагаемая статья посвящена обоснованию введения в научный обиход понятия «лингвоэтнос», определяемого как объединение людей, для которых родным является один язык. Указанное понятие используется в качестве основы для выявления возможных типов соотношения языковой и этнической идентификации личности: лингвоэтнос устанавливает особенности реализации этнического самоопределения по отношению к языковой идентичности личности. В основу дефиниции лингвоэтнуса положены понятия «национальный язык» и «родной язык». Национальный язык в данной концепции представляет собой объединение связанных с одним этносом идиомов, для обозначения которых в качестве гиперонима используется один лингвоним. Описываются ситуации формирования суперординатного лингвоэтнуса, объединяющего несколько базовых лингвоэтнусов, которые используют разные национальные варианты одного языка, и отсутствия лингвонимного определения идиома. Периферийными характеристиками национального языка являются «наличие литературной формы существования» и «наличие официального статуса». При описании особенностей первой характеристики отдельно рассматривается ситуация связывания с одним национальным языком нескольких литературных стандартов: территориально незакрепленных (букмол и нюнорск в Норвегии) и территориально закрепленных (марийский луговой, горномарийский и северо-западный марийский в Мари-Эл). Последний случай трактуется как ситуация формирования суперординатного лингвоэтнуса. При описании второй характеристики дается перечень официальных статусов языка (государственный, официальный язык провинции, региональный язык). Констатируются два подхода к определению родного языка: конструктивистский (родной язык – язык моей нации) и примордиальный (родной язык – функционально первый язык индивида). Для определения лингвоэтнуса единственно приемлемым признается примордиальный подход, поскольку он учитывает глубинную связь языка с этническим самосознанием. Устанавливается два типа отношений лингвоэтнуса и этноса: изоморфное (базовое, трансформированное и избирательное) и неизоморфное (генетическое и конъюнктивное).

Ключевые слова: лингвоэтнос, этнос, родной язык, национальный язык, конструктивизм, примордиализм

---

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 124051400024-1).

Введение

Как известно, у людей есть «потребность, не присущая ни одному природному виду, – потребность чувствовать, что они представляют некоторую социальную общность, характеристики которой отличают их от других» [Хотинец 2002: 18]. Одной из воплощений этой потребности является этническая идентификация и самоидентификация. Правда, как неоднократно отмечается учеными, «на протяжении многих лет “этничность” является ключевым понятием социологии и антропологии, но тем не менее по-прежнему представляется неясным его значение, применение и соотношение с другими понятиями» [Banks 1996: 1].

В наших предыдущих исследованиях, основные идеи которых предполагается развить здесь (см., например: [Теркулов, Тамерьян 2023; Теркулов 2024-2]), мы утверждали, что «именно языковая идентификация является основой этнической идентификации личности» [Теркулов, Тамерьян 2023: 28]. Ни в коем случае не отказываясь от этого тезиса, получившего широкое распространение в научной литературе еще со времен К.Д. Ушинского, который писал: «Когда исчезает народный язык, – народа более нет» [Ушинский 1994: 199], мы признаем необходимость для него целого ряда уточнений. Некоторые из них уже были нами рассмотрены в [Теркулов, Тамерьян 2023]. Это, например, ситуации субэтнической атрибуции, когда носитель определенного языка осознает как первичный свой субэтнический статус, например, статус казака; ситуации этнического и лингвоэтнического перехода, когда язык нации, к которой индивид себя причисляет по традиции (лингвально), не является не только функционально первым для него, но часто даже и понятным; ситуации этнополитической идентификации в условиях языкового тождества или языковой близости, когда в каком-либо государстве говорят на языке другого государства, например, на немецком в Лихтенштейне, на испанском в Перу, на французском в Монако, и т.д. Также требует корректировки ситуация с языковым определением некоторых многоязычных этносов, например, еврейского, который объединяет ашкеназов, говорящих на идише, сефардов, говорящих на сефардском языке, и т.д., то есть, в принципе, представляет собой объединение разноязычных субэтносов. Кроме того, существует еще одна сложность: несмотря на то, что языковые идентичность и идентификация признаются главными признаками и средствами определения принадлежности к тому или иному этносу, в большом количестве случаев они попросту игнорируются или интерпретируются особым образом, подстраиваясь под конструктивистскую модель этнической идентификации, а точнее, самоидентификации субъекта: индивид зачастую определяет как родной не тот язык, на котором думает и говорит, а тот, который является языком его нации.

Всё это порождает целый ряд ненужных споров и заблуждений, которые на данном этапе, как нам представляется, может снять введение в научный оборот понятия «лингвоэтнос», обозначающего объединение людей, говорящих на одном языке, определяемом для них как родной. Например, к русскому лингвоэтносу относятся все люди, для которых родным является русский язык.

Целью предлагаемой работы и является определение соотношения языковой и этнической идентификации личности, которое рассматривается нами в рамках сопоставления лингвоэтносов и этносов.

Понятие «этнос»

В 2019 году в ряде изданий появилось сообщение о том, что «Росстат при переписи населения будет учитывать национальность “казак”» (<https://www.panram.ru/news/>

society/rosstat-utverdil-pri-perepisi-naseleniya-natsionalnost-donskoy-kazak-i-kazak/). Как отмечается в репортаже агентства ИА Regnum, «в ходе всероссийской переписи населения, которая состоится в 2020 году, в Ростовской области пересчитают казаков. Об этом на встрече с журналистами заявила руководитель Ростовстата Марина Самойлова» (<https://regnum.ru/news/2816266>). Автором заметки была приведена цитата из выступления госпожи М. Самойловой: «В переписном листе есть соответствующая строка “Ваша национальная принадлежность”. Согласно ст. 26 Конституции РФ, эта графа заполняется со слов опрашиваемого. И, если человек самоопределением относит себя в этой строке к казакам, переписчик так и заполнит эту строчку: «казак». Всех, кто выберет по самоопределению ответ «казак», [учтут], всё будет занесено и соответствующим образом подсчитано. Способ сбора и обработки информации дают нам возможность посчитать казаков» (<https://regnum.ru/news/2816266>).

Эта заметка вызвала брожение в обществе. Многие высказывались о том, что такой подход к определению национальностей станет источником для формирования казачьего сепаратизма. К сожалению, журналисты указанного информационного агентства попросту исказили суть высказываний М.А. Самойловой. Разъяснения по этому поводу дал научный руководитель Института региональных проблем Дмитрий Журавлёв. Тезисно эти разъяснения выглядят так:

1. «Росстат не утверждает национальностей. У него на это нет и не было никогда советующих полномочий, это прерогатива совсем других институтов. Росстат – внимание! – собирает и считает ответы на вопросы о национальной принадлежности и далее предоставляет их обществу».

2. «В выступлении представителя Ростовстата шла речь о словаре самоназваний – то есть о справочнике, основанном на ответах респондентов прошлых переписей. Это технический, по большому счету, документ, позволяющий ускорить обработку данных. Документ этот от переписи к переписи пополняется, сейчас в нем более 2000 вариантов самоназваний. В том числе 13 с использованием слова “казак”».

3. М.А. Самойлова, в сущности, только описала то, каким образом при переписи населения реализуется ст. 26 Конституции Российской Федерации, согласно которой «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности» (<https://constitutionrf.ru/constitutionrf.pdf>). Это подтверждает и Д. Журавлёв: «Подсчет ведется на основе принципа самоопределения национальной принадлежности в соответствии со ст. 26 Конституции РФ. Как респондент себя назовет, так и обязан записать в переписном листе переписчик — казаком, русским, марсианином, хоббитом, кем угодно» (<https://news.rambler.ru/sociology/46154082-rosstat-ne-utverzhdaet-natsionalnost-kazak-ekspert-o-perepisi-naseleniya/>).

Напомним, что существует два подхода к определению этнической идентичности: примордиальный, при котором «этничность представляет собой изначальную, исходную, исконную и неизменяемую данность (primordial), которая принимается каждым человеком априори и является предсоциальной схемой, в существенной степени определяющей его социальную жизнь и деятельность. Такая данность порождает весьма интенсивные этнические чувства и ассоциируется с высшими ценностями» [Рыбаков 2012: 149], и конструктивистский подход, при котором этническая идентичность представляется «конструктом, артефактом, который либо формируется самим индивидом с целью познания окружающего социального мира (из этнических

ярлыков составляется карта для ориентации в этом мире), либо навязывается ему идеологами и политиками – изготовителями этничности (которые путем этнической мобилизации масс достигают собственных политических и экономических целей)» [Рыбаков 2012: 148]. В.В. Кочетков уточняет, что, согласно основным положениям конструктивистской модели, «мы сами конструируем свои идентичности по желанию, необходимости или принуждению. Идентичности – воображаемые сущности – то, что мы думаем о себе, к чему мы стремимся» [Кочетков 2012: 150].

Именно конструктивистский подход используется сейчас при определении и самоопределении этнической принадлежности индивида, именно он отражен в 26 статье Конституции Российской Федерации.

Условно объективным является здесь только поиск причин той или иной этнической самоидентификации личности, так называемых этнодифференцирующих признаков, «которые могут быть самыми разными элементами материальной и духовной культуры. Выбор признака определяется не его объективной характеристикой, а **базовой потребностью человека в категоризации** (выделено нами – *В.Т.*)» [Иванова 2006: 259]. Обычно «в качестве оснований этнической идентичности (то есть в качестве этнодифференцирующих признаков – *В.Т.*) предлагается рассматривать традиционные и устойчивые культурные ценности. К ним относятся, прежде всего, язык, обычаи, религия и др.» [Хотинец 2002: 30]. Однако все эти принципы имеют, скорее, **объяснительное**, а не регламентирующее значение. Мой пример показателен: я сын людей, идентифицировавших себя со стороны отца как татарин (при этом не использовавший татарский язык, по крайней мере, как функционально первый) и со стороны матери как русская – кубанская казачка. Передо мной стоит дилемма: как себя этнически идентифицировать? Я выбираю русскую самоидентификацию, особо не задумываясь, но на вопрос, почему я русский, отвечаю:

- 1) я думаю и разговариваю на русском языке;
- 2) я православный;
- 3) я люблю Россию;
- 4) я люблю русскую литературу;
- 5) я люблю русскую кухню;
- 6) я отмечаю русские праздники;
- 7) я веду себя как русский, хоть и не совсем понимаю, что это значит.

В принципе, этого достаточно. Но, правда, из всех этих тезисов, высокой степенью объективности обладает только первый, поскольку, если говорить об остальных, то:

1) мое религиозное самосознание не является таким строгим, каким было самосознание православных в XIX веке; более того, оно зависит от моих желаний: известно большое количество примеров смены религиозных убеждений, не приводящих к изменению этнической самоидентификации;

2) любовь к России характеризует не только русских, в ней признавались и представители других национальностей, причем не только проживающие в России;

3) любовь к литературе явно не выступает в качестве общей черты всех русских: есть много людей, которые, будучи русскими, вообще не любят читать, и есть много представителей других наций, для которых русская литература является образцовой;

4) и русскую кухню любят не только русские, и русские любят зачастую не русскую кухню;

5) к русским праздникам следует, вероятно, отнести а) православные праздники, б) советские праздники, в) собственно российские праздники; все эти праздники празднуются всенародно;

6) русское поведение – это набор стереотипов; например, русские пьют, русские не улыбаются, русские готовы отдать все ради друга и т.д.; но вот я не пью вовсе и люблю улыбаться при общении с друзьями...

Конструктивистский подход таит в себе множество опасностей. Нам представляется убедительным утверждение М.Н. Губогло: «Одним из побочных продуктов конструктивизма выступает вольное или невольное, осознанное или без злого умысла выхолащивание содержания и структуры этнической идентичности. Чем структура более зыбкая, тем легче ею манипулировать или использовать в качестве механизма для каких-либо внеэтнических целей» [Губогло 2003: 198]. Этническое самоопределение может быть мотивировано конъюнктурными причинами, что, например, отмечается в ряде современных государств, где русские релоканты отказываются от своей русской сущности и относят себя к другим этносам, может основываться на желании выделить себя в отдельную или даже несуществующую этническую группу, например, в эльфы или марсиане. См., например, у С. Довлатова: – Душевный ты мужик, – повторял Замараев. – хоть и еврей. – Я только по отцу еврей, – говорил дед, – а по матери я нидерлан! – Ишь ты! – одобрительно высказывался Замараев (С. Довлатов. Наши).

Таким образом, только языковая характеристика личности является объективным показателем его принадлежности к тому или иному этносу. Однако и здесь всё не так гладко. Сущность проблемы описывает Е.В. Кузнецова: «Характеризуя основную особенность связи между языком и этничностью, примордиалисты рассматривают эту связь обязательной, неоспоримой, закрепляемой преемственностью между поколениями. Сохранение подлинной этнической идентичности, по их мнению, невозможно без традиционно связанного с нею языка. И, как правило, в прошлом немало народов исчезало вместе со своим языком (шумеры). С точки зрения конструктивистов, имеется немало “свидетельств” обратного: утрата связи с языком не приводила к утрате соответствующей этнической идентичности, и наоборот, известно, когда народ исчезал (римляне), а язык продолжал жить: в образовательных институтах, в культурных артефактах и других языках (латинский)» [Кузнецова 2011: 104]. В. Тишков пишет: «Утрата языка трактуется как исчезновение народа. Это <...> заблуждение: индейские языки почти исчезли. Но народы остаются. То же самое и в нашей стране. Российские немцы, украинцы, армяне почти все русскоязычные. Из евреев мало кто знает идиш или иврит. Но от этого они не перестали быть армянами или евреями» [Тишков [http](http://)]. С этим мнением можно согласиться, если основываться именно на конструктивистской трактовке этноса. Но объективной данностью является и то, что носители одного языка также представляют собой некую общность, члены которой, используя один язык, реализуют установки одной лингвокультуры, воплощенной в этом языке. Это лингвокультурная общность, которая часто не совпадает с определенными этническими границами, по крайней мере, в традиционном этнологическом конструктивистском представлении о последних. Именно такое, лингвокультурное по своей сути, объединение людей мы и называем лингвоэтносом.

Понятие о лингвоэтносе

Термин «лингвоэтнос», хоть и редко, но всё же встречается в текстах (по данным поисковой машины Google, отмечается всего 38 включений данного наименования

в тексты, причем около трети – в написанные нами). См., например: «... в структуре коммуникативного поведения, наряду с национально-маркированным компонентом, имеется и некоторый универсальный инвариант, отражающий типично-универсальное в коммуникативном поведении представителей различных лингвоэтносов» [Черничкина 2007: 177]. Однако работ, в которых было бы дано развернутое определение данного явления, пока нет.

Как писалось выше, мы понимаем под лингвоэтносом объединение людей, говорящих на одном языке, который определяется для них как родной. Например, польский лингвоэтнос объединяет всех людей, для которых родным является польский язык, а армянский – тех, для кого родным является армянский язык.

Существует два понятия, без которых невозможно определение лингвоэтнуса. Это понятия «национальный язык» и «родной язык».

Национальный язык

Существование того или иного лингвоэтнуса возможно только в том случае, если существует отдельный этнический язык, объединяющий представителей данного лингвоэтнуса. Сложность заключается в том, что любой язык представляет собой совокупность идиомов, и часто определение статуса этого идиома вызывает сложности. Можно ли, например, идиомы кашубов или провансальцев считать отдельными языками, или это диалекты, соответственно, польского и французского языков? Каковы критерии определения диалектного или языкового статуса идиома? В наших работах (см., например, [Теркулов 2024-1: 70–83]) мы попытались дать развернутый анализ точек зрения на данную проблему и пришли к выводу, что только социальные (социолингвистические) параметры могут быть использованы для констатации существования языка и отнесения того или иного идиома к данному языку. Неубедительность собственно лингвистических критериев объясняется тем, что часто:

1) носители разных языков прекрасно понимают друг друга и используют идиомы, минимально различающиеся в собственно лингвистическом отношении; таковы, например, «югославские» языки (сербский, хорватский, боснийский, черногорский), тюркские языки и т.д.;

2) носители диалектов одного языка могут не понимать друг друга и использовать лингвистически различающиеся идиомы; таковы, например, диалекты немецкого языка, арабского языка и т.д.

В силу этого нами используются социолингвистические маркеры и методики.

1) **Наличие лингвонима.** Повторим, вслед за А.А. Зализняком: «На самом деле история всякого языка с определенным названием – французского, русского, латинского, китайского – это история того периода времени, когда существует это его название» [Зализняк 2012http]. Однако лингвонимы есть и у диалектов, например, «донецкий региолект», «курский говор» в России, «трасянка» в Белоруссии и т.д. Важно, чтобы лингвоним, во-первых, трактовался своими носителями именно как языковой, а во-вторых, мог выступать в качестве гиперонима по отношению к гипонимным названиям субидиомов. При этом носитель субидиома должен осуществлять двойную самоидентификацию: языковую и субидиомную. Например, казак относится к русскому лингвоэтносу, поскольку осознает, что говорит на донском (казачьем) диалекте (наречии) (1 уровень самоидентификации – субидиомный) русского языка (2 уровень самоидентификации – языковой). Конечно, как и везде, возможны переходные случаи.

а) Существует целый ряд национальных вариантов языков, например, национальные варианты немецкого языка: Deutsch (в ФРГ), Österreichisches Deutsch (в Австрии), Schwizerdütsch (в Швейцарии). В данном случае общий лингвоним получает статус суперординатного, связанного с суперординатным лингвоэтносом (немецким), а частные лингвонимы становятся базовыми, связанными с политэтносами (немецким, австрийским и швейцарским), чьи диалекты «общего языка» абсолютизированы как национальные варианты. При этом в каждом из указанных базовых лингвоэтносов обнаруживаются свои субэтносы, связанные с диалектами национальных вариантов. Например, для швейцарского немецкого отмечаются нижеалеманнский базельский диалект, верхнеалеманские, люцернский, цюрихский, шаффхаузенский диалекты и горноалеманские, вальзерский, гларусский, швицкий диалекты. Идентифицирующая функция диалектного употребления «проявляется в отношении диалектов к немецкому литературному языку Германии. Швейцарско-немецкий диалект воспринимается как самодостаточная языковая форма, олицетворяющая национальную идентичность и политическую независимость» [Копчук 2020: 67]. В ряде случаев носители «национальных вариантов» преодолевают суперординатную-базовую связь с материнским языком и получают свой лингвоним. Например, люксембургский (изначально один из мозельско-франкских) диалект немецкого языка в 1984 году был определен Палатой депутатов этого государства как люксембургский язык.

б) Существует целый ряд территорий, где носители идиома определяют его как «свой» язык, не углубляясь в «дебри» этнического самоопределения. Например, западнополесские говоры польско-белорусско-украинского Полесья; их носители называют *tutэйшы* «по-просту», носители индо-португальского креола в Индии называют его *nouling* «наш язык» и т.д. В этом случае используется внешняя идентификация идиома: определяется его связь с тем или иным языком на основе констатации сходств/различий с сопоставляемыми идиомами. Такая ситуация крайне редка и может быть определена как периферийная, не влияющая на процессы лингвоэтнической идентификации.

2) **Связь с этносом.** Лингвоним должен быть связан не с субэтнической группой, а с этносом. Например, русский язык связывается с русским, а таджикский – с таджикским этносом. Именно чистая связь «лингвоним – этноним» является базовой для определения лингвоэтноса. Если этническая группа не связана с отдельным языком, она не подкреплена лингвоэтнически, а значит не может считаться этносом. Например, определение субъектом себя как эльфа или марсианина не подкрепляется лингвоэтнической идентификацией, поскольку в реальности живых эльфийского и марсианского языков не существует, а значит в данном случае реализуется вымышленная самоидентификация. Также не подкреплены лингвоэтнически наречия субэтносов: не существует казачьего языка – это говор, который определяется как диалект русского языка, что определяет казачество как субэтнос.

3) **Наличие литературного языка.** Этот критерий является очевидным, но необязательным показателем этнического языка. Формула выглядит так: если существует некий литературный язык, признаваемый носителями разных идиомов, данные идиомы являются диалектами одного языка, связанного с данным литературным языком. Например, швейцарский вариант немецкого языка имеет литературную форму – Schweizerhochdeutsch, которая отличается от классического Hochdeutsch, воспринимаемого швейцарцами в качестве иностранного языка.

Это позволяет нам говорить о самостоятельности швейцарского немецкого и о существовании швейцарского лингвоэтноса. Отмечаются редкие случаи использования одним этносом нескольких литературных языков. Следует различать две ситуации: территориально незакрепленную и территориально закрепленную. Первая отмечается в Норвегии, где в качестве основного литературного языка используется созданный на датской основе *bokmål* «книжная речь», а в качестве второго – *nynorsk* «новый норвежский», основывающийся на западнорвежских диалектах и очищенный от датского влияния. Важно то, что и те, кто использует букмол (примерно 85% населения Норвегии), и те, кто использует нюнорск (примерно 15% населения Норвегии), считают оба литературных стандарта стандартами одного языка, а себя – носителями одного норвежского языка. Здесь речь идет об альтернативной конкуренции двухимеющих одинаковый статус литературных стандартов. Вторая ситуация отмечается, например, для марийского языка, где обнаруживаются *олыкмари́й* (марийский луговой), распространенный среди лугово-восточных марийцев в Ветлужско-Вятском междуречье, *кырык мары* (горномарийский), представленный в Горномарийском, Юринском и Килемарском районах Марий Эл, а также в Воскресенском районе Нижегородской области, и *йӱтнӱмӱл-кӱсвел маре йӱлмӱ* (северо-западный марийский), отмечаемый в Яранском, Тужинском, Кикнурском, Санчурском районах Кировской области, Тоншаевском, Шарангском и Тонкинском районах Нижегородской области, на севере Килемарского и Медведевского районов Республики Марий Эл. Можно ли говорить в этом случае о едином марийском языке и марийском лингвоэтносе? На этот вопрос сложно ответить. Скорее всего, перед нами ситуация суперординатного типа, сходная с той, которая отмечается для национальных вариантов немецкого языка. Главное заключается в том, что наличие литературного языка является стопроцентным свидетельством существования этнического языка и отдельного лингвоэтноса. Однако отсутствие литературного языка не отрицает существования языка и лингвоэтноса. Например, нет литературного цыганского языка, но носители разных цыганских диалектов называют свою речь общим именем *romanychib*, а себя общим этнонимом *рома* (*roma*), что позволяет говорить и о цыганском языке, и о цыганском лингвоэтносе.

4) **Официальный статус.** Однозначным свидетельством существования отдельного языка и отдельного лингвоэтноса является наличие у языка официального статуса: государственного языка (например, у языка *кечуа* в Перу), официального языка провинции (например, у баскского языка в Испании), регионального языка (например, лужицкие языки в ФРГ). Однако отсутствие официального статуса, отмечаемое, например, в Грузии для лазского и сванского языков, не может быть свидетельством того, что эти идиомы являются не языками, а диалектами картвельского языка: у них есть лингвонимы, связанные с эндоэтнонимами лазы и сваны. У последнего, правда, представленного верхнебальским, нижнебальским (в Местийском районе и Кодорском ущелье), лашхским и лентехским (в Лентехском районе) диалектами, нет литературной формы.

Родной язык

Понятие «лингвоэтнос» вполне очевидно базируется на понятии «родной язык», которое, к сожалению, также является объектом широкого и противоречивого обсуждения. Отмечается два основных подхода к определению родного языка.

Во-первых, родным ряд ученых называют «язык нации, язык предков, который связывает человека с его народом, с предыдущими поколениями, их духовным миром» [Ванишин 1994: 121]. Такая трактовка «замешана на крови» и находится на границе между конструктивистской и примордиальной трактовками. Она позволяет субъекту определить свою лингвоэтническую принадлежность ... без знания языка. Я грузин, а значит мой родной язык грузинский, даже если я на нем не говорю, а иногда и вовсе не знаю. Кроме того, это определение создает дефиниционный круг: я таджик, потому что мой язык таджикский, но он таджикский, потому что я таджик. Вполне справедливо утверждение Х.З. Багирова и З.У. Блягоз: «При определении родного языка надо исходить из конкретной ситуации, так как язык – явление не биологическое, он не наследуется от родителей, а относится к явлению общественному, социальному. Поэтому при одноязычной ситуации родной язык будет единственным. Однако будет ли он совпадать с языком матери или окружающей среды будет зависеть от окружающих социально-исторических условий жизнедеятельности человека» [Багиров, Блягоз 2012: 12].

Во-вторых, родным считают функционально первый язык, т.е. язык, которым индивид «владеет с максимальной глубиной и полнотой, на котором легче, быстрее и проще ему мыслится, который является для него наиболее привычной и удобной формой выражения мысли и языкового общения» [Ибрагимов, Зачесов 1990: 9]. Такое определение для нас – наиболее приемлемо, поскольку цель выделения понятия «лингвоэтнос» заключается не в том, чтобы определить, какой язык кем считается родным, а в том, чтобы установить реальное состояние языковых объединений. Это необходимо уже потому, что язык – не желаемый, предписываемый, а реально используемый – формирует и отражает лингвокультурное состояние субъекта – носителя языка. Как пишет Д.В. Полежаев, «менталитет, который в значительной степени детерминируется социальными условиями, выражается в языковых особенностях нации, народных способах социального общения и т.п. Язык, в свою очередь, оказывает определенное формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности отдельной личности» [Полежаев 2009: 57]. Человек, ругающий русских на русском языке, который для него является функционально первым, ругает именно по-русски, следуя ментальным конструктам русской лингвокультуры.

Именно поэтому мы уточненно определяем лингвоэтнос как объединение людей, для которых родным – функционально первым – является один язык.

Заключение

Итак, понятие «лингвоэтнос» формируется на базе функционально первого родного языка и выступает в качестве дополнения к классическому этнологическому определению этноса. Лингвоэтнос определяет особенности реализации этнического самоопределения по отношению к языковой идентичности личности. Отмечаются следующие модели совмещения лингвоэтнической идентичности и этнического самоопределения:

1. Изоморфное соотношение, при котором функционально первый язык является основой для этнического самоопределения:

1) **базовое:** наиболее распространенное, когда этническая самоидентификация и лингвоэтническая идентификация совпадают; например, когда носитель французского языка считает себя французом;

2) **трансформированное**: представитель другого народа считает себя уже перешедшим в этнос своего функционально первого языка; например, когда обрусевший еврей, говорящий и думающий на русском языке как функционально первом, считает себя русским;

3) **избирательное**: когда ребенок, рожденный в «интернациональной семье» и свободно владеющий языками отца и матери, идентифицирует себя по этнической принадлежности одного из родителей, констатируя свои лингвоэтнические предпочтения; например, когда ребенок, рожденный в семье грузина и русской, свободно говорящий и на грузинском, и на русском языках, считает себя грузином.

2. Неизоморфные ситуации, когда возникает различие между этнической самоидентификацией и лингвоэтнической идентификацией:

1) **генетическое**: когда обрусевший немец, живущий в России и относящийся к русскому лингвоэтносу, все-таки считает себя немцем;

2) **конъюнктурное**: когда русский релоkant, живущий в Эстонии и относящийся к русскому лингвоэтносу (при этом знающий и эстонский язык), считает себя эстонцем.

© Теркулов В.И., 2024

Литература

Багиrowков, Х.З. Блягоз З.У. К вопросу о понятиях «Родной язык» и «Неродной язык». Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 130–133.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.

Зализняк А.А. Об истории русского языка. Лекция, прочитанная 24 февраля 2012 года в школе «Муми-тролль». Режим доступа: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/431649/Ob_istorii_russkogo_yazyka

Ибрагимов Г.Х., Зачёсов К.Я. О понятии «родной язык». Русский язык в национальной школе. 1990. № 8. С. 10–15.

Иванова Н. Этническая идентичность: особенности формирования и методы исследования. Revistadeetnologieşiculturologie. Vol. 1. Chişinău, 2006. С. 259–265.

Иванишин В., Радевич-Винницкий Я. Мова і нація. Дрогобич, 1994. 235 с.

Копчук Л.Б. Современная языковая ситуация и тенденции развития немецкого языка в Австрии, Германии и Швейцарии. СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2020. 236 с.

Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.

Кузнецова Е.В. Язык и национальная идентичность. ОНВ. 2011. №3 (98). С. 102–104.

Полежаев Д.В. Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 57–62.

Рыбаков С.Е. К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 2(108). С. 147–156.

Теркулов В.И. Диалекты. Социоллингвистика: учебник для вузов / В.М. Алпатов, Е.Г. Борисова, И.И. Валуицева [и др.]. Санкт-Петербург: Лань, 2024-1. С. 60–83.

Приглашение к дискуссии

Теркулов В.И. Языковые основы субэтнической, этнической и этнополитической идентичности. Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024-2. № 1. С. 36–46.

Теркулов В.И., Тамерьян Т.Ю. Языковая идентификация и идентичность. Политическая лингвистика. 2023. № 1 (97). С. 27–34.

Тишков В. Народ не умирает с языком. Известия. 12.09.2019. URL: <https://iz.ru/920557/valerii-tishkov/narod-ne-umiraet-s-iazykom>.

Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. 124 с.

Ушинский К.Д. Наука и искусство воспитания. М.: Образование и бизнес, 1994. 205 с.

Черничкина Е.К. Лингвистические аспекты обучения коммуникативному поведению. Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2007. С.174–182.

Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. London; N-Y., 1996. 210 p.

Сведения об авторе:

Теркулов Вячеслав Исаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, главный научный сотрудник, Донецкий государственный университет

Контактная информация:

283048, г. Донецк, ул. Университетская, 70

ORCID: 0000-0002-0418-4260

e-mail: terkulov@rambler.ru

Для цитирования:

Теркулов В.И. Соотношение языковой и этнической идентификации // Вопросы психолингвистики. №2(60), 2024. С. 104–115, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-104-115

UDC 81:39

LBC 81.2/81.8стд1-003

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-104-115

Research article

CORRELATION OF LINGUISTIC AND ETHNIC IDENTIFICATION

Vyacheslav I. Terkulov
Donetsk State University,
Donetsk, Russia

Abstract

The proposed article is devoted to the substantiation of the introduction into scientific use of the concept “linguoethnos”, defined as an association of people for whom a certain language is their native one. This concept is used as a basis for identifying possible types of correlation between linguistic and ethnic identification of a person: linguoethnos establishes the peculiarities of the implementation of ethnic self-determination in relation to the linguistic

identity of a person. The definition of the linguoethnos is based on the concepts of “national language” and “native language”. In this concept, the national language is a complex of idioms associated with one ethnic group, for which one linguonym is used as a hyperonym. The article describes the situations of the formation of a superordinate linguoethnos combining several basic linguoethnoses that use different national variants of the same language, and the lack of a linguonymic definition of an idiom. Peripheral characteristics of the national language are “the presence of a literary form of existence” and “the presence of an official status.” When describing the features of the first characteristic, the situation of linking several literary standards with one national language is considered separately: geographically loose (Bukmol and Nynorsk in Norway) and geographically fixed (Mari meadow, Gornomari and northwestern Mari in Mari El). The latter case is interpreted as a situation of formation of a superordinate linguistic ethnos. When describing the second characteristic, a list of official language statuses is given (state, official language of the province, regional language). Two approaches to the definition of a native language are stated: constructivist (native language is the language of my nation) and primordial (native language is functionally the first language of an individual). The primordial approach is considered the only acceptable one for determining the linguoethnos, since it takes into account the deep connection of language with ethnic identity. Two types of relations between linguoethnos and ethnos are established: isomorphic (basic, transformed and selective) and non-isomorphic (genetic and opportunistic).

Keywords: linguoethnos, ethnos, native language, national language, constructivism, primordialism

© **Terkulov V.I.**, 2024

Bionotes:

Vyacheslav I. Terkulov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Chief Researcher, Donetsk State University

Contact information:

70 Universitetskaya str., Donetsk, 283048

ORCID: 0000-0002-0418-4260

e-mail: terkulov@rambler.ru

For citation:

Terkulov V.I. Correlation of linguistic and ethnic identification // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 104–115. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-104-115 (In Russian)

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-116-129

Научная статья

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПТА-СЦЕНАРИЯ ТРУД НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИКИ 1940 – 2020-х гг.

Цинь Мэн

Новосибирский государственный университет,

Новосибирск, Россия

Ганьсусский университет национальностей,

Ганьсу, Китай

Аннотация

Статья посвящена репрезентации концепта-сценария ТРУД в публицистических контекстах периода 1940–2023 гг.; выявлены основные репрезентанты концепта ТРУД, обладающие высокой и низкой сочетаемостью в рамках публицистических контекстов; реконструирована лингвокогнитивная модель сценария, а также основные изменения сценария труда. В результате анализа 2000 контекстов с репрезентантами концепта ТРУД сделаны выводы о том, что содержание концепта ТРУД подвержено динамическим преобразованиям под влиянием экстралингвистических факторов, что проявляется в способах языковой экспликации актуальной для носителя русского языка информации. Так, в статье приводится модель концепта ТРУД, включающая отдельные блоки сценария (субъект, адресат, процесс, результат, характеристика труда), показывается трансформация сценария труда под воздействием внешних факторов. Наиболее сильным трансформациям подвергаются в структуре концепта ТРУД представления о субъекте и адресате труда, причем уникальные особенности (коллективный характер субъекта, разделение субъекта и адресата) репрезентированы в период господства советской идеологической картины мира.

Ключевые слова: концепт-сценарий, репрезентация концепта, лингвокультура, языковая картина мира

Работа посвящена моделированию концепта ТРУД, одной из ключевых констант культуры. Концепт ТРУД объединяет представления о работе и различной деятельности человеческого общества – как материальной, так и интеллектуальной, что делает данный концепт в определенной степени универсальным, имеющим большую значимость для любого языкового сообщества. Также этот концепт представляет собой сценарий, так как включает в себя представления о многоэтапном процессе деятельности. К настоящему моменту не выработано единого подхода к изучению концептов-сценариев в динамике, чем обуславливается актуальность нашего исследования.

Цель исследования – моделирование концепта-сценария ТРУД на материале публицистических контекстов 1940–2023 гг. Материалом послужила выборка из 2000 контекстов, полученных из публицистического подкорпуса «Национального корпуса русского языка». В рамках исследования мы работаем именно с публицистическим корпусом, так как тексты такого рода, за счет выполняемых ими задач, быстро реагируют на внешние факторы, на различные изменения социальной и политической ситуации

и т.п. В выборку материала включались контексты с лексемами-репрезентантами концепта ТРУД (*труд, работа, дело* и однокоренные лексемы). При анализе контекстов использовался метод концептуального анализа, а также методы традиционной лексической семантики и метод контекстного анализа.

В рамках данной статьи мы понимаем сценарий как «событие, разворачивающееся во времени и/или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия» [Пименова 2005: 18], т.е. сценарий представляет собой «стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» [Попова 2007: 84]. А.М. Плотникова отмечает, что когнитивный сценарий – это «абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями» [Плотникова, 2008: 73–80].

Концепт ТРУД неоднократно становился объектом лингвокультурной и лингвокогнитивной реконструкции [Гоннова 2003; Басова 2004; Чернова 2004; Серова 2009; Мукалдесова 2012; Кочемосова 2012], при этом в качестве предмета рассмотрения выступали отдельные аспекты репрезентации концепта – в пословицах и поговорках [Басова 2004; Серова 2009], во фразеологизмах [Гоннова 2009; Мирошниченко 2007], на материале литературных произведений [Жук 2016; Попова 2010], а также особенности концепта ТРУД как концепта-идеологемы [Чернова 2004], но отдельно не рассматривались элементы сценария труда в русской языковой картине мира. Мы относим концепт ТРУД к концептам-сценариям, так как представления о труде всегда включают представления о разворачиваемом во времени процессе действия, а также о сопутствующих факторах и участниках ситуации. Так, ориентируясь на подход И.А. Стернина в разграничении сценария и фрейма, мы выделяем в представлениях о труде характеристики процесса, который имеет точку начала, протекает во времени, имеет результат, следующий во времени за основным процессом труда, то есть концепт ТРУД тяготеет по своим свойствам именно к сценарию (ср. у Стернина: «Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов» [Стернин, 2007: 84]).

Для возможности моделирования сценария в динамике мы обратились к контекстам, репрезентирующим концепт ТРУД в разные периоды российской истории. Основными факторами, важными для анализа контекстов, являлись, во-первых, особенности репрезентации идеологических признаков концепта, во-вторых, наличие тех или иных признаков, связанных с разными этапами процесса труда, а также различными участниками труда и сопутствующими элементами (цель, результат труда и т.п.).

Для возможности схематизации результатов анализа и для выявления поэтапной динамики мы ориентировались на следующую условную периодизацию:

- 1) 1940–1970-е гг. – период устойчивого господства советской идеологизированной картины мира;
- 2) 1980–1990-е гг. – период позднего СССР и ранний постсоветский период;
- 3) 2000–2020 гг. – условно современный период до пандемии COVID-19;
- 4) 2020–2023 гг. – период после начала пандемии COVID-19.

Данная периодизация основана на принципах господствующих в картине мира идеологических течений, а также наличия каких-то особо значимых внешних факторов, способствующих быстрым изменениям картины мира. Отметим, что период Великой Отечественной войны в рамках данного исследования мы рассматриваем не как

отдельный, а в составе периода идеологизированной картины мира, так как, во-первых, для него не характерны качественные изменения в составе идеологем; во-вторых, не наблюдается признаков, отличающихся от признаков идеологизированной картины мира (есть такие признаки труда, как ‘борьба’, ‘слава и честь’, ‘самоотверженность’, ‘упорство’ и т.п., характерные для всего периода 1940–1970-х гг.); в-третьих, он представлен в НКРЯ малым количеством текстов.

В рамках данной статьи предметом описания являются те особенности концепта ТРУД различных периодов, которые формируют представление о типичной ситуации труда, то есть участвуют в формировании сценария. Отметим, что в эти периоды наблюдаются различные процессы: так, периоды 1940–1970-х и 1980–1990-х гг. связаны с развитием противоположных тенденций в русской языковой картине мира и представляют собой условные периоды идеологизации и деидеологизации, а формирующаяся в советское время идеологема ТРУД в период позднего СССР уже подвергается влиянию общей тенденции к разрушению советских идеологем; период 2000–2020 гг. можно рассматривать как практически лишенный явных идеологических факторов, но демонстрирующий современное развитие экономики, техники и т.п.; период с 2020 г. привлечен к анализу как условный период, связанный преимущественно с одним внешним фактором мирового значения – пандемией коронавируса. К рассмотрению привлекалась выборка из 2000 контекстов (по 500 контекстов каждого периода). Поскольку современные тексты еще недостаточно активно представлены в корпусе, для описания периода 2020–2023 гг. использовались также социальные сети. Далее рассмотрим каждый из периодов, выделяя основные когнитивные признаки концепта ТРУД с частотой их репрезентации в контекстах (в %) и элементы сценария труда. Дополнительные примеры с выделенными лексемами и словосочетаниями, репрезентирующими конкретные элементы сценария, приведены в приложении в конце статьи.

1. В период 1940–1970 гг. представления о труде в русской языковой картине мира формируются на основе совмещения признаков ‘коммунизм и социализм’ (53.4% контекстов), ‘на благо общества и народа’ (39.6% контекстов), ‘борьба’ (49.8% контекстов). Представленный ниже контекст демонстрирует наиболее частотные признаки этого периода, в примере репрезентированы признаки ‘коммунистический труд’ и ‘труд во благо Родины’:

Это – люди различные по профессии и образованию, по возрасту и жизненному опыту, но всех их роднит одно общее – сознательное, коммунистическое отношение к труду, каждый из них интересы Родины ставит превыше всего [«Северный колхозник», 30.12.1958].

Примеры (8)–(11) периода 1940–1970 гг. (из приложения) уточняют ситуацию труда, для которой характерно особое отношение (*слава, доблесть*), представление о труде как о борьбе с прогнозируемой победой и с важным делом, которое является объектом защиты в этой борьбе (*дело народа*), отделение личности субъекта от потенциального получателя будущих результатов труда, своеобразного бенефициара (*на благо народа, всей нашей любимой родины*), а также особый темп работы и эффективность (*план*).

Анализ элементов ситуации труда, репрезентированных в контекстах, показывает, что в период 1940–1970 гг. концепт ТРУД включает в себя определенный набор блоков, соответствующих элементам сценария. Перечислим ниже некоторые особенности сценарных блоков концепта ТРУД этого периода с опорой на подробное описание данного этапа нашей работы в [Берендеева, Цинь Мэн 2022]:

1. '**Субъект труда**'. Субъектом труда является коллектив (*общество, страна, коллектив трудящихся* и т.п.), это показывают следующие выражения и словосочетания: *бригада коммунистического труда, комсомольско-молодежная ферма колхоза, славный коллектив, группа совхоза «Нерльский»* и т.п., причем субъект не детализирован – нет, к примеру, гендерных сем в большинстве репрезентантов этой части сценария. Отметим, что наши данные в этой части подтверждают результаты, полученные ранее исследователями советского дискурса СМИ. Так, А.В. Кирилина при описании функционирования гендерных стереотипов в текстах советской прессы 1930-х годов указывает на слабую гендерную акцентуацию в текстах этого периода [Кирилина, 2000]. Это позволяет предположить, что тенденция к формированию недетализированного коллективного субъекта труда складывается в советской картине мира в 1930-е гг. и продолжается в 1940–1970-е гг.

2. '**Характеристики труда**'. Данный признак отсылает к умственному труду, а также к представлению об автоматизации и интеллектуализации труда, на что указывает большое количество абстрактных лексем: *механизация и автоматизация технологических процессов, автоматизация производства, электрификация промышленности* и т.п. Не наблюдается конкретной разницы между умственным и физическим трудом, однако любой труд понимается как интенсивный, например, в контекстах встречаются следующие выражения и словосочетания, демонстрирующие интенсивность труда данного периода: *пятилетка в 4 года, перевыполнение производственных планов, кипит напряженный труд* и т.п.

3. '**Отношение к труду**'. Данный блок представлен признаком 'героизм трудящихся, самоотверженность в труде' и репрезентируется в контекстах через следующие выражения и словосочетания: *самоотверженная работа товарищей, самоотверженный и безвозмездный труд на благо нашей социалистической Отчизны, героический подвиг советского народа* и т.п.

4. '**Результат труда**' связан с представлением о результате для общества или страны (*победа социализма*), но не для индивида: *любые труды и жертвы для нашего народа, свободный и добровольный труд на благо всего общества, патриотический, самоотверженный и безвозмездный труд на благо нашей социалистической Отчизны, работа во имя всех и для их блага, работа на Общее Благо* и т.п. Счастье и радость тоже сопутствуют трудящимся как результат.

5. '**Процесс труда**'. Труд понимается через редуцированную метафору борьбы, включающую элементы 'противники, враги' (социализм и капитализм) и 'победа социализма как исход борьбы': *преодоление пережитков капитализма в сознании людей, уничтожение капитализма, экономическое соревнование с капитализмом*.

6. '**Адресат труда**'. Данный блок обобщает представления об условном «бенефициаре», адресате труда, который может получить пользу от труда в будущем (страна, социалистическое общество – *труд во имя Родины, труд на благо коммунизма* и т.п.).

7. '**Объект труда**'. Данный блок выражен слабо и отсылает к некоторым представлениям о технике и о научных достижениях.

2. В период 1980–1990-х гг. представления о труде в русской языковой картине мира формируются на основе совмещения признаков 'несправедливость' (19.2% контекстов), 'трудовая дисциплина' (17.8% контекстов), 'низкая эффективность и производительность' (10.6% контекстов) и т.д. Приведенные ниже примеры демонстрируют трансформацию ситуации труда. Так, в отличие от предыдущего

периода, здесь вместо представлений о самоотверженном труде во благо страны появляется представление о материальном стимулировании конкретного работника, не всегда понятном и справедливым (см. примеры (2)-(3) периода 1980–2000 гг. из приложения)).

На месте представлений об энтузиазме субъекта труда формируется представление о необходимости дисциплины (пример (4)). Появляются отрицательно окрашенные когнитивные признаки (примеры (5)-(6)).

Таким образом, рассмотренные контексты показывают, что данный период связан преимущественно с процессом деидеологизации. Ниже также приведем элементы сценария:

1. **Субъект труда.** Эта область связана с переключением внимания на конкретного человека, на его труд и заинтересованность, на его материальные стимулы: *вся мотивация сотрудника заключается в деньгах, нет реальных стимулов для хорошей работы, работа — это способ зарабатывать деньги* и т.п. Трудящийся проявляет себя как активный участник действия: *тормозит производительность труда, работают без энтузиазма, заинтересованность человека в труде ни к чему хорошему не приводит* и т.п.

2. **Характеристика труда.** Здесь прроявляется отрицательная оценка, труд приобретает принудительный характер и нуждается в контроле: *укрепление трудовой дисциплины, повышение производственной и трудовой дисциплины, обязательное участие всех трудящихся в труде, меры взыскания за нарушение трудовой дисциплины* и т.п. В то же время происходит пренебрежение личными способностями и квалификацией работника, что выражается в лексемах с негативными семами, например: *отсутствие работы по соответствующей профессии или специальности.*

3. **Отношение к труду.** Данный признак также связан с деидеологизацией, с представлениями о том, что работник на самом деле не заинтересован в труде и не стремится трудиться, избегает работы, что репрезентируется через лексемы с отрицательными коннотациями: *полное отсутствие какой-либо перспективы, отчаяние людей, не получавших денег за труд, вести паразитический образ жизни, живет за счет труда других.*

4. **Результат труда.** В этом блоке развивается признак ‘несправедливость’, представление о том, что распределение результатов работы не соответствует затратам и усилиям: *при социализме не должно быть уравниловки, уравниловка эксплуатировала энтузиазм рабочих; уравниловка в оплате подрывала у крестьян стимулы к труду.*

5. **Процесс труда, адресат труда и объект труда.** Данные блоки можно охарактеризовать общим образом: они также связаны с разрушением идеологемы. Так, организация труда становится хаотичной, труд адресуется не внешнему бенефициару, а самому субъекту труда, трудящийся объединяет в себе и субъект, и объект, так как начинает формироваться представление о воспитании определенных качеств и об образовании.

3. **В период 2000–2020 гг.** представления о труде в русской языковой картине мира формируются на основе совмещения признаков ‘деньги’ (17.2% контекстов), ‘упорство’ (15.8% контекстов) и ‘перспектива и карьера’ (11% контекстов). В контекстах этого периода эмоциональная оценка труда выравнивается, формируется представление о связи результатов труда с вкладом, стараниями и квалификацией, процесс труда понимается как интенсивный (примеры (4)-(5) периода 2000–2020 гг. (из приложения))

и нацеленный на материальный результат (примеры (6)-(7)) для конкретного субъекта-индивида.

Рассмотрим также элементы сценария труда:

1. **Субъект труда.** Эта область претерпела значительные изменения, что проявилось в большем внимании к женскому труду. Кроме того, произошло окончательное разделение отношения между коллективом (страна) и отдельным работником, что демонстрируют следующие выражения: *необходима работа и достойная заработная плата, без работы и без денег, без работы и без зарплаты, работа не устраивает, но деньги нужны* и т. п.

2. **Характеристика труда.** Эта область в структуре концепта ТРУД 2000–2020 гг. связана с активными эмоциями: труд приобретает самостоятельный характер и связан с такими внешними факторами, как образование и сотрудничество, происходит переориентация на высокое оценивание личных способностей и квалификацию работника, что наблюдается в следующих выражениях: *зарабатывать на жизнь своим трудом, своим трудом прославить страну, всего добиваться своим трудом, чистые деньги – заработанные своим трудом, у людей с высшим образованием есть огромное преимущество, размер зарплаты в зависимости от квалификации* и т.п.

3. **Отношение к труду.** Данный признак является особенным для рассматриваемого периода, он связан с упорством и напряжением трудящихся, с уверенностью трудящихся в перспективности труда. Отношение к труду проявляется через активность человека в трудовой деятельности, трудящиеся уверены в том, что своим упорством обязательно добьются хорошего результата: *упорный труд приводит к мечте, все побеждает упорный труд, упорный труд позволит мечтам исполниться* и т.п.

4. **Результат труда.** Особенностью этого блока являются признаки ‘денеги’ и ‘карьера’, а также представление об изменении цели труда: трудящийся старается трудиться или работать, чтобы получить деньги и карьеру, но, если их достаточно, работу можно и бросить: *двигать по карьерной лестнице, отсутствие перспектив карьерного роста, пойти вверх по карьерной лестнице, карьерный и социальный лифт; И не потому не работают, что у них нет работы, а потому, что им не надо работать – и так денег много* [Парламентская газета 2015: 11].

5. **Процесс труда.** Процесс организации труда находится в состоянии порядка, который действует с помощью общих критериев оценки работника – степени образования, квалификации и способности и т.д.

6. **Адресат труда.** Этот блок в структуре практически не меняется в сопоставлении с периодом 1980–2000 гг.

4. **В период 2020–2023 гг.** представления о труде в русской языковой картине мира формируются на основе совмещения признаков ‘разнообразие форматов работы’ (33.7% контекстов), ‘стабильность’ (24% контекстов) и ‘адаптация и терпение’ (12.7% контекстов). Так, следующие контексты показывают трансформацию ситуации труда в сторону представлений о разных вариантах работы (примеры (1)-(2) периода пандемии из приложения). Работа предстает как нацеленная не на материальную выгоду, а на сохранение стабильного положения (примеры (6)-(7)), отличается особой интенсивностью и тяжестью (примеры (10)-(11)).

Также представим модель сценария через отдельные блоки:

1. **Характеристика труда.** В период пандемии в русской картине мира появились такие новые форматы труда, как работа на дому или дистанционная форма работы.

Встречаются следующие выражения в контекстах: *дистант, дистанционка, удаленка, зум-работник* и т.п.

2. **Отношение к труду.** В период пандемии из-за внешних причин формируется представление о терпении и о вынужденной адаптации к труду для выживания, в русской картине мира соответствующий признак связан с представлениями об активности и гибкости субъекта труда.

3. **Результат труда.** В период пандемии, с одной стороны, отсутствие отдыха понимается как прямой результат высокоинтенсивной работы (отрицательное влияние труда), с другой стороны, результатом труда может являться сохранение положения в мире.

4. **Процесс труда.** Этот блок изменяется несущественно, но в целом можно наблюдать тенденцию к выражению представлений о тяжести и интенсивности работы на фоне отрицательных внешних факторов.

Сопоставление элементов сценария в картине мира разных периодов позволяет проследить конкретные изменения сценария. Основные изменения каждого из элементов показаны в таблице 1. Прочерк в таблице указывает на отсутствие детализации представлений в этой части.

Таблица №1

Динамика сценария концепта ТРУД

1. Субъект труда			
1940-1970 гг.	1980-2000 гг.	2000-2020 гг.	пандемия
1. коллектив 2. женщина как часть коллектива	1. тенденция 2. к индивидуализму женщина как субъект (дискриминация)	1. индивид 2. женщина как самостоятельный субъект	—
2. Объект труда			
1940-1970 гг.	1980-2000 гг.	2000-2020 гг.	пандемия
1. наука и техника	1. сами трудящиеся	—	—
3. Характеристика труда			
1940-1970 гг.	1980-2000 гг.	2000-2020 гг.	пандемия
1. коммунизм и социализм 2. борьба 3. счастье и радость 4. план 5. слава и подвиг	1. несправедливость 2. принудительность 3. несчастье и неблагополучие	1. основная составляющая жизни 2. никакой славы, естественный процесс	1. многообразие форматов труда

4. Отношение к труду			
1940-1970 гг.	1980-2000 гг.	2000-2020 гг.	пандемия
<ol style="list-style-type: none"> 1. интенсивность и напряжение 2. энтузиазм и инициатива 3. самоотверженность 	<ol style="list-style-type: none"> 1. низкая эффективность и производительность 2. паразитический образ жизни 	<ol style="list-style-type: none"> 1. упорство и напряжение 2. самостоятельность 3. отдых 4. самоотверженность и добровольность 5. любовь и интерес 	<ol style="list-style-type: none"> 1. вынужденная адаптация 2. активность и гибкость
5. Процесс труда			
1940-1970 гг.	1980-1900 гг.	2000-2020 гг.	пандемия
<ol style="list-style-type: none"> 1. соревнование с капитализмом 2. опыт 3. борьба 	<ol style="list-style-type: none"> 1. трудовая дисциплина и контроль 2. пренебрежение личными способностями и квалификацией 	<ol style="list-style-type: none"> 1. образование 2. квалификация и профессионализм 3. стабильность 4. опыт 5. человеческие связи 6. везение 	<ol style="list-style-type: none"> 1. стремление к стабильности
6. Результат труда			
1940-1970 гг.	1980-2000 гг.	2000-2020 гг.	пандемия
<ol style="list-style-type: none"> 1. на благо страны и народы 2. счастье и радость 3. слава и честь 	<ol style="list-style-type: none"> 1. массовая безработица 2. несчастье и не благополучие 3. нищета и беспорядок 4. общественный кризис 5. паразитический образ жизни 	<ol style="list-style-type: none"> 1. деньги 2. зарплата 3. счастье/несчастье и удовольствие/неудовольствие 4. карьера и престиж 	<ol style="list-style-type: none"> 1. отсут-ствии отдыха
7. Адресат труда			
1940-70 гг.	1980-00 гг.	2000-2020 гг.	пандемия
<ol style="list-style-type: none"> 1. на благо страны и народа 	—	—	—

В целом сценарий труда подвергается следующим трансформациям:

1. Субъект труда. В идеологической картине мира усиливается роль коллективного субъекта коллектива, кроме того, подчеркивается роль женщины

в составе коллектива. В период 1980–2000 гг. коллективный образ субъекта распадается, наблюдаются представления о противоречии между личными и коллективными интересами, ослабляется заинтересованность в коллективе, контексты показывают также некоторую дискриминацию женского труда. В период 2000–2020 гг. субъектом труда становится самостоятельный индивид, стремящийся к личной выгоде, осуждается обязательность женского домашнего труда.

2. Объект труда. Данный элемент отличается относительной стабильностью и малой степенью детализации. В идеологической картине мира он связан с наукой и техникой, в более позднее время трудящиеся сами становятся объектом труда, что связано с воспитанием и преобразованием трудовой дисциплиной.

3. Характеристика труда. В период 1940–1970 гг. труд воспринимается как славный, но связывается с представлениями о коммунизме и о борьбе, т.е. концепт ТРУД включает в этой части признаки идеологического характера. В более поздний период труд воспринимается как несправедливая и принудительная деятельность, в 2000–2020 гг. уходят на периферию все дополнительные характеристики (политические или экономические), труд представляется как обычный процесс, основная составляющая жизни, период пандемии отмечен развитием разнообразных форматов труда.

4. Отношение к труду. Данный элемент тоже постоянно развивается. В идеологической и деидеологизированной картинах мира наблюдается два диаметрально противоположных варианта отношения к труду – большой энтузиазм и отрицание труда, паразитический образ жизни. В период 2000–2020 гг. снова появляются признаки любви к труду, а также важности отдыха. В особенный период пандемии наблюдаются представления об активности и о принудительном характере труда.

5. Процесс труда. Данный блок связан с акцентированием разных элементов. Особенно отметим, что в 1980–2000 гг. активны признаки трудовой дисциплины и контроля, которые не наблюдаются в другое время. В период пандемии к ядру отходит признак стремления к стабильности.

6. Результат труда Противоположное наполнение этого блока наблюдается в идеологической и деидеологизированной картинах мира, в период 2000–2020 гг. в качестве основного результата труда представляются деньги, а во время пандемии выражается потребность в отдыхе.

7. Адресат труда. Данный компонент наблюдается как самостоятельный только в идеологической картине мира.

Заключение

Обобщая результаты контекстного анализа, можно сделать следующие выводы о сценарной составляющей концепта ТРУД в динамике:

1. Концепт ТРУД в целом формируется вокруг представления о типичной ситуации труда, включающей в разные периоды действующие лица, процесс с его характеристиками и этапами (причины и результаты труда), а также дополнительные элементы (объект/средства и т.п.).

2. Основным участником ситуации труда является активно действующий субъект, причем субъект представляет собой конкретного человека, осуществляющего трудовую деятельность во все периоды, кроме идеологизированного периода 1940–1970 гг., так как в это время субъект предстает как коллектив, что репрезентировано в наборе лексических средств, номинирующих данный признак концепта (*народ, коллектив, страна, трудящиеся* и т.п.).

3. Кроме активного субъекта, сценарий труда во все периоды подразумевает наличие участника ситуации, получающего во временной перспективе результат этого труда, причем во все периоды, кроме 1940–1970 гг., получатель результатов совпадает с субъектом, а сам результат сводится преимущественно к материальному (с отдельными вариациями: так, в период пандемии результат сводится не только к получаемым деньгам, но и к стабильности, сохранению положения в быстро меняющемся мире). Период советской идеологии отличается уникальной чертой: происходит разделение субъекта и адресата труда, в качестве адресата выступает условный и абстрактный участник, получающий в будущем отдаленные положительные результаты труда (страна, общество, коммунизм).

© Цинь Мэн, 2024

Литература

Берендеева М.С., Мэн Ц. Структура лингвокультурных концептов ТРУД / 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале публицистических текстов 1940-х – 1970-х годов. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. 21(9). С. 47–55. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-9-47-55>

Габоева З.М. Концептуализация трудовой деятельности человека в разных лингвокультурах. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Нальчик, 2013. 22 с.

Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.

Жук М.И. Концепт ТРУД в дискурсе американской философии XIX века (на материале книг Генри Торо и Ральфа Эмерсона) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 155–162.

Жуков К.А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2004. 26 с.

Каримова Р.Х. Концепт “труд/лень” в паремиологии неродственных языков: На примере немецкого, английского, русского, башкирского и татарского языков. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2004. 23 с.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.

Кочемасова Д.Р. Языковое воплощение концепта «Труд, трудолюбие» в английском и русском языках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. № 1-1 (73), 2012. С. 72–75.

Пименова М.В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов. Волгоград, 2005. Т. 1. С. 18.

Плотникова А.М. Когнитивное моделирование лексического значения глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. No 11 (71). С. 73–80.

Попова Е.С. Репрезентация концепта «Work» в художественных и рекламных дискурсах // Вестн. МГОУ. Сер. Лингвистика. 2008. № 2. С. 29–36.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, «Восток-Запад», 2007. 314 с.

Серова Л.А. Концепт «труд» в немецких и русских поговорках: на материале современных публицистических текстов сельской тематики. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Москва, 2009. 26 с.

Токарев Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке. Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 46 с.

Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 19 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Режим доступа: www.ruscorgo.ru [дата обращения: 02.01.2023 г.].

Сведения об авторах:

Цинь Мэн – аспирант кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков Ганьсусского университета национальностей (КНР).

Контактная информация:

630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, Гуманитарный институт

ORCID: 0000-0003-0960-5682

e-mail: 1187567091@qq.com

Для цитирования:

Цинь Мэн. Структурно-содержательная трансформация концепта-сценария ТРУД на материале публицистики 1940–2020-х гг. // Вопросы психолингвистики. №2(60), 2024. С. 116–129, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-116-129

UDC 811.161.1

Research article

LBC 81.411.2

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-116-129

**STRUCTURAL AND CONSTRUCTIVE TRANSFORMATION
OF THE CONCEPT-SCENARIO *LABOR* ON THE MATERIAL
OF PUBLICISM OF 1940-2020s**

Qin Meng

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation
Gansu University of Nationalities, Gansu, China

Abstract

The article is devoted to the representation of the concept-scenario LABOR in the publicistic contexts of the period 1940-2000s, the main representatives of the concept LABOR, which possess high and low combinability within the framework of publicistic contexts, the linguocognitive model of the scenario is reconstructed, as well as the main changes of the labor scenario. As a result of the analysis of 2000 contexts with representatives of the concept LABOR the conclusions are made that the content of the concept LABOR is subject to dynamic transformations under the influence of extralinguistic factors, which is manifested in the ways of linguistic explication of information relevant to the native speaker of the Russian language. Thus, the article presents a model of the concept LABOR,

including separate blocks of the scenario (subject, addressee, process, result, characteristic of labor), shows the transformation of the labor scenario under the influence of external factors. The strongest transformations are exposed in the structure of the concept LABOR to the representation of the subject and addressee of labor, with unique features (collective nature of the subject, separation of the subject and addressee) represented in the period of domination of the Soviet ideological picture of the world.

Keywords: concept-scenario, representations of concept, linguoculture, language worldview

© Qin Meng, 2024

Bionotes:

Qin Meng – PhD student at the Department of General and Russian Linguistics, Humanities Institute, Novosibirsk State University; Senior Lecturer at the Department of Russian language, Institute of Foreign Languages, Gansu University of Nationalities (Gansu, China)

Contact information:

1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia

ORCID: 0000-0003-0960-5682

e-mail: 1187567091@qq.com

For citation:

Qin Meng. Structural and content transformation of the concept-scenario *LABOR* on the material of publicism of 1940-2020s // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 116–129. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-116-129 (In Russian)

Приложение

Примеры проанализированных контекстов, репрезентирующие концепт ТРУД в русской языковой картине мира

Период 1940-1970 гг.

Рабочие и работницы, инженеры и техники! Работайте не покладая рук на поддержку фронта! Давайте больше танков, противотанковых ружей и орудий! Вся для Фронта! [«Правда», № 303, 1941].

ПИОНЕР, РАБОТАЙ В ПОЛЕ! Каждое зерно урожая-пуля по врагу! Мы, новосибирские школьники, решили работать в совхозах и пригородных хозяйствах фабрик и заводов [Пионерская правда», № 75(2587), 1941].

Пионеры и школьники в нашем цехе **работают по-стахановски**, точно и аккуратно выполняют задания инструктора. **КАЖДЫЙ ПОДРОСТОК ОБЯЗАН СЕЙЧАС РАБОТАТЬ ДЛЯ РОДИНЫ! ДЛЯ НАРОДА!** [«Пионерская правда», № 80(2592), 1941].

Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един как никогда. Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду! **ЗА РОДИНУ! ЗА ЧЕСТЬ! ЗА СВОБОДУ!** [«Комсомольская правда», № 3, 1942].

С НОВЫМ ГОДОМ, ТОВАРИЩИ! БУДЕМ РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, САООТВЕРЖЕННОЙ. ВСЕ СИЛЫ-НА РАЗГРОМ ВРАГА! [«Пролетарская правда», № 150(317), 1941].

Больше **упорства**, сильнее натиск! Окружать и уничтожать врага, неуклонно идти в перед, на запад! [«За Родину», № 231, 1943].

За успешное выполнение заданий Правительства и проявленные при этом **мужество и доблесть** наградить Местную Противовоздушную Оборону города Ленинграда **орденом Красного Знамени** [«БОЕЦ», № 88(152), 1944].

Трудом они возвысили жизнь народа, а **труд** возвысил их **собственную честь, славу, доблесть**, поднял **до высокого звания строителей коммунизма** [«Советское искусство», № 10 (1202), 1950].

Ничто не могло сломить **неукротимую** волю большевиков в их **борьбе за дело рабочего класса, за дело народа** [«Наука и жизнь», 1950].

Мы призываем к жизни, к счастью, к творческой, радостной, напряженной работе на благо народа, всей нашей любимой родины [«Наука и жизнь», 1950].

Такие, как бригада Героя Социалистического Труда Я. Вагапова, – она первая среди бригад вышкомонтажников Глав Тюмень нефтегаза выполнила **пятилетний план за четыре года**, смонтировала 387 буровых вышек [«Техника - молодежи», 1976].

Период 1980-2000 гг.

В постановлениях обращается внимание на **усиление воспитательной работы** и на то, что социалистическая **дисциплина** — это не только строгое соблюдение правил внутреннего трудового распорядка, но и сознательное, творческое отношение к своей работе, обеспечение ее высокого качества, производительное использование рабочего времени [Аргументы и факты, 1983.08].

Я хотел бы отметить тут сложность, а нередко и запутанность систем материального стимулирования, в результате чего многие трудящиеся **не всегда ясно видят связь между интенсивностью, качеством своего труда и заработком** [Аргументы и факты, 1985.10].

ТРУД — ЗАРАБОТОК — ПОТРЕБЛЕНИЕ. Провозглашая равное право всех на образование, мы тем самым должны гарантировать и равное отношение всех не просто на труд, а на **труд соответствующей квалификации и оплаты** [Аргументы и факты, 1987.07].

В постановлениях обращается внимание на **усиление воспитательной работы** и на то, что социалистическая **дисциплина** — это не только строгое соблюдение правил внутреннего трудового распорядка, но и сознательное, творческое отношение к своей работе, обеспечение ее высокого качества, производительное использование рабочего времени [Аргументы и факты, 1983.08].

Оставались значительно более **низкими доходы колхозников, еще низки были и пенсии.** Для совершенствования оплаты труда требовалось повышать зарплату отдельных категорий трудящихся [Аргументы и факты, 1986.08].

Конечно, сегодня утерян основной принцип, способный превратить скучную работу в этот день в радость: **обязательное участие всех.** [Аргументы и факты, 2000.04].

Работают люди **без энтузиазма и “искры в душе”**, так как материальный стимул еще пока на первом плане. [Аргументы и факты, 1987.06.06].

В наше время некогда **традиционная уравниловка, причисывание всех и вся под одну гребенку социальной справедливостью уже не признается!** [«Родник», 1989].

В **ТЕЧЕНИЕ** многих лет в публикациях советской прессы, посвященных Югославии, **тщательно избегались такие определения**, как “экономический кризис”, “инфляция”, “безработица”, “забастовка”, ибо бытовало мнение, что их **“неприлично”** совмещать с практикой социалистического строительства [Аргументы и факты, 1989.07.22].

Низкие доходы, высокая безработица, большое количество бедняков означают, что в России пока не начал формироваться емкий потребительский рынок, который и должен стать главным локомотивом для развития российской экономики [Аргументы и факты, 1995.12.20].

Декларативные по форме, эти пункты ставят работу **“на благо России”** выше индивидуальной свободы личности и **“ответственность”** за будущее страны — выше интересов каждого в отдельности [Независимая газета, 28.05.1997].

3. Период 2000-2020 гг.

Все сейчас бегает **в поисках работы, источников зарабатывания денег** [Известия, 2003.10].

При этом большинство опрошенных отметили, что **женщине**, как правило, **тяжело совмещать домашний труд с работой** [Новый регион 2, 2011.03].

Помимо этого, больше половины граждан России (52%) заявили, что не отказались бы от карьеры, если бы у них было достаточно денег, чтобы не работать, а вот 34% респондентов, напротив, **бросили бы работу** [Коммерсант, 2015.12].

Главный способ обеспечить себе и близким достойное существование всё тот же и не меняется на протяжении столетий — **напряженно работать**, совершенствуясь и предлагая людям конкурентные и востребованные результаты своего труда [Парламентская газета, 2016.12].

Когда работник поверит, что **упорный труд возведет его вверх** по социальной лестнице, он будет удовлетворен даже самыми малоприятными условиями, которые предложит ему работодатель [РБК Daily, 2011.04].

Доля респондентов, заявляющих, что они **бросили бы работу, если бы имели достаточно денег**, одинакова как среди молодых, так и среди людей среднего возраста — соответственно, 47 и 48 процентов работающих [Известия, 2003.01].

И не потому не работают, что у них нет работы, а потому, что им **не надо работать — и так денег много** [Парламентская газета, 2015.11].

В то же время чем **выше уровень образования** у человека, тем легче ему **найти новую работу** [lenta.ru, 2017.07].

Зарплата является вознаграждением за труд и связана с **квалификацией** работника, количеством и качеством выполняемой работы [Московский комсомолец, 2019.08].

Неоплачиваемый труд женщин — **женский труд**, в том числе **работа по дому**, который производит товары или услуги, но не вознаграждается, хотя является полезным в целом для экономики [lenta.ru, 2019.04].

Большинство опрошенных россиян воспринимают **труд** как **стабильность** (47%), **карьеру** (39%) и **обязанность** (31%) [Известия, 2015.10].

4. Период пандемии

Как не прискорбно, но есть и плюсы от эпидемии Ковида. Кто бы мог подумать до пандемии, что крупные корпорации будут вводить варианты с **удаленной работой**, отпусками и т.д. [VK, 2020.10].

Если человек выполняет свои должностные обязательства и работает качественно - **как и где он проводит время не должно** никого волновать [VK, 2021.05].

Сейчас почти все наши сотрудники **работают из дома**, успешно и эффективно [VK, 2020.06].

А с приходом пандемии изменилось отношение фирм к **удаленным работникам** и теперь еще легче [VK, 2021.09].

Но пандемия внесла свои коррективы: пришлось **пере-водить работу в онлайн-формат** [VK, 2022.03].

Сейчас для меня, **самое главное-стабильность**. Если выбирать профессию, то я, наверное, предпочту кампанию со **стабильной зарплатой**. Пусть она будет небольшой, но все же, я буду знать, что в определенное число каждого месяца я буду получать свои честно заработанные деньги [VK, 2020.12].

Конечно, **стабильность превыше всего!** Пусть мало, но в определенный срок, человек может рассчитывать на покупку какой-то вещи, спокойно расплатиться за все коммунальные услуги, а это, поверьте, немаловажно! Жизнь с задержкой зарплаты создает нервозность и беспокойство [VK, 2022.08].

Все не могу решиться на **фриланс**, боюсь потерять **стабильность** [VK, 2021.12].

В условиях пандемии многие стремятся к доп. доходу или вообще **переходу на удаленку** и фриланс [VK, 2022.02].

В связи с пандемией Covid-19, Нам очень **важен отдых** в нашей работе [VK, 2021.11].

Убежден, что как бы ты не обожал свою работу (хоть очно, хоть удаленно) — от нее **надо периодически отдыхать** [VK, 2021.10].

СВЯЗЬ МЕЖДУ СЛОВАМИ-ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯМИ И ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКОЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Чжан Ди

Уральский государственный педагогический университет
Челябинск, Россия

Аннотация

Целью статьи является выявление связи между словами-цветообозначениями и эмотивной лексикой. Описываются результаты направленного ассоциативного эксперимента, в котором респондентам предлагалось написать к словам, обозначающим эмоции (*грусть, радость, злость, тревога, агрессия, любовь, спокойствие, страх, оптимизм, зависть, расслабление, счастье, удивление, восхищение, жалость, неловкость*), соответствующие им, по мнению участников эксперимента, слова-цветообозначения. Сравнение полученных результатов позволило определить корреляцию между эмоциями и цветом в языковом сознании носителей русской и китайской лингвокультур. В эксперименте приняли участие по 100 носителей каждой лингвокультуры (возраст 18-40 лет). Было показано общее и отличительное в соотношении цвета и эмоции.

Ключевые слова: эмоция, цветообозначения, ассоциативный эксперимент, язык и культура, языковое сознание

Введение

Исследование ассоциативных связей между эмоциями и их цветообозначением все чаще вызывает интерес у ученых. Так, А.Е. Бочкарев в своей статье «О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании» [Бочкарев 2017: 43–51] приводит много примеров из национального корпуса русского языка, в которых есть соотношение цвета и эмоций: *от унижения багровеют: ...он побагровел от унижения (С.Б. Рассадин); от зависти зеленеют: ...так вот вся и позеленела от зависти (Т.Г. Шевченко)* и т.д. При анализе были выбраны восемь основных цветов (*белый, черный, красный, синий, зеленый, серый, розовый и бордовый*). В результате автор приходит к выводам о том, что: 1) в русском языковом сознании разные по природе чувства могут окрашиваться одним и тем же цветом, градации одного и того же эмоционального состояния различаться по нюансам и цвету; 2) судя по словоупотреблениям, засвидетельствованным в Национальном корпусе русского языка, палитра эмоциональных состояний ограничивается несколькими базовыми цветами и оттенками, в том числе белым, черным, серым, красным, розовым, бордовым, зеленым, синим [Бочкарев 2017: 50].

Ю.А. Грибер, Д. Йонаускайте и К. Мор в своей статье «Цвета эмоций: экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке» описывают результаты свободного ассоциативного эксперимента, среди участников которого было 103 носителя русского языка (63 женщины и 40 мужчин),

средний возраст участников – 36,5 лет. В качестве базового материала для эксперимента было выбрано «Женевское колесо эмоций» («Geneva Emotion Wheel», GEW, версия 3.0) как инструмент для самооценки эмоциональных переживаний, связанных с определенными событиями. В результате проведенного разными способами анализа полученных данных ученые пришли к выводам о том, что, «во-первых, в русской культуре существует корреляция между светлотой цвета и валентностью эмоций: так, положительные эмоции участники эксперимента, как правило, окрашивали в светлые цвета, а для отрицательных выбирали темные; во-вторых, выявленные связи между эмоциями и цветами нередко определяются ассоциациями с предметами и проявлениями эмоций, окрашенными в этот цвет» [Грибер 2019: 15].

Наше исследование продолжает это направление и выполнено в рамках психолингвистического подхода теории языкового сознания. Как термин языковое сознание привлекло внимание исследователей очень давно. А.А. Леонтьев указывал, что впервые предложил термин «языковое сознание» Александр фон Гумбольдт, который считал, что «язык в своих взаимозависимых связях есть создание народного языкового сознания» [Влавацкая 2012: 26].

Являясь центром исследования отечественной психолингвистики, термин «языковое сознание» интегрирует объекты исследования языкознания и психологии – «язык» и «сознание», отражая характер психолингвистики как междисциплинарного предмета. Следует отметить, что ученые по-разному определяют понятие «языковое сознание». Так, Л.С. Выготский указывал: «сознание отражает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания» [Выготский 1982: 361]. А.А. Леонтьев (1993) считает: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное значение)» [Леонтьев 2016: 299].

Несмотря на разницу трактовки понятия «языковое сознание», именно эта теория объясняет соотношение языка и сознания и позволяет объяснить результаты свободного ассоциативного эксперимента, который и является самым важным методом исследования сознания. Эта теория, разработанная в Московской психолингвистической школе, позволяет выявить национально-культурные особенности образов сознания, понять, как люди видят мир. Она отражает взаимопроникающую связь между внутренним миром человека, сознанием, мыслью и ее внешним выражением – языком или речью.

«Эмоции – цвет»: ассоциативный эксперимент

На первом этапе мы использовали метод экспертной оценки и опросили по 12 носителей русской и китайской лингвокультур, которые должны были написать по 10 эмоций. Далее с помощью подсчетов были выделены самые частотные названия эмоций в двух культурах.

Таблица №1

Частотность названных эмоций в результате опроса носителей русской и китайской культур

Эмоции, которые выделили носители русской культуры	Частотность упоминаний	Эмоции, которые выделили носители китайской культуры	Частотность упоминаний
Грусть 伤心	18	伤心 грусть	22
Радость 开心	18	开心 радость	21

Злость 愤怒	11	忧虑 тревога	13
Любовь 爱好	7	愤怒 злость	11
Счастье 幸福	6	放松 расслабление	7
Удивление 惊讶	6	尴尬 неловкость	5
Агрессия 侵略	5	害怕 страх	5
Восхищение 赞美	4	冷静 спокойствие	5
Зависть 嫉妒	4	腼腆 застенчивость	4
Тревога 担忧	4	仇视 агрессия	3
Апатия 冷淡	3	激动 волнение	3
Жизнерадостность 乐观	3	嫉妒 черная зависть	3
Скука 无聊	3	如愿 желание	3
Спокойствие 平静	3	乐观 жизнерадостность	2
Страх 害怕	3	厌倦 неприязнь	2
Стыд 惭愧	3	爱好 любовь	1
Гостеприимство 好客	2	感动 чувство	1
Доверие 信任	2	孤单 одиночество	1
Лень 懒惰	2	悔悟 раскаяние	1
Ненависть 憎恨	2	狂妄 безумие	1
Смирение 谦虚	2	期待 надежда	1
Бодрость 精力充沛	1	惋惜 жалость	1
Взаимовыручка 互相救助	1	无聊 скука	1
Вредность 有害的	1	爽快 прямота	1
Настороженность 警惕	1	赞美 восхищение	1
Презрение 蔑视	1	尊重 уважение	1
Пренебрежение 忽视	1		
Серьезность 认真	1		
Снисходительность 宽容	1		
Сострадание 同情	1		
	120		120

Из таблицы мы видим, что в русской лингвокультуре к наиболее частотным относятся следующие эмоции: *грусть* (15%), *радость* (15%), *злость* (9.2%), *любовь* (5.8%), *счастье* (5%), *удивление* (5%), *агрессия* (4.2%) *ит.д.*; в китайской лингвокультуре: *伤心 (грусть)* (18.3%), *开心 (радость)* (17.5%), *忧虑 (тревога)* (10.8%), *愤怒 (злость)* (9.2%), *放松 (расслабление)* (5.8%), *尴尬 (неловкость)* (4.2%), *害怕 (страх)* (4.2%), *冷静 (спокойствие)* (4.2%) и т.д. После сопоставления полученных результатов мы выбрали 16 наиболее частотных эмоций в качестве стимулов для второго эксперимента.

На втором этапе мы использовали направленный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 100 носителей русской и 100 носителей китайской культуры (возраст 18-40 лет, по 50 мужчин и 50 женщин). Целью исследования было выявить соответствие цвета обозначенным эмоциям. Респондентам была предложена следующая инструкция: «Напишите, пожалуйста, цвета, которые, по Вашему мнению, соответствуют данным эмоциям/ 请写下您的文化中最常见的情绪». Для носителей каждой лингвокультуры инструкция и стимулы были предъявлены на родном языке. Мы получили следующие результаты.

Таблица №2

Результаты опроса русских респондентов

Цвет и эмоция	Красный	Оранжевый	Желтый	Зеленый	Синий	Фиолетовый	Розовый	Черный	Белый	Серый	Коричневый	Другой
<i>Грусть</i>	0.009	-	0.038	0.019	0.302	0.047	-	0.132	0.019	0.387	0.047	-
<i>Радость</i>	0.130	0.083	0.491	0.120	0.028	0.028	0.074	-	0.046	-	-	-
<i>Злость</i>	0.631	0.029	0.010	0.039	0.049	0.010	-	0.175	0.010	0.019	0.029	-
<i>Тревога</i>	0.107	0.117	0.087	0.087	0.155	0.146	0.010	0.078	0.019	0.126	0.068	-
<i>Агрессия</i>	0.515	0.030	0.030	0.020	0.020	0.109	-	0.188	-	0.059	0.020	-
<i>Любовь</i>	0.287	0.037	0.019	0.046	0.028	0.056	0.407	0.009	0.102	-	-	0.009
<i>Спокойствие</i>	0.009	0.009	0.009	0.139	0.398	0.037	0.019	0.009	0.259	0.083	0.028	-
<i>Страх</i>	0.058	0.058	0.019	0.049	0.136	0.068	0.010	-	0.058	0.136	0.117	-
<i>Оптимизм</i>	0.029	0.162	0.314	0.219	0.114	0.038	0.019	0.010	0.057	0.010	0.029	-
<i>Зависть</i>	0.087	0.010	0.049	0.194	0.117	0.136	0.039	0.097	0.039	0.087	0.117	0.019
<i>Расслабление</i>	0.046	0.056	0.037	0.213	0.315	0.037	0.056	-	0.148	0.009	0.083	-
<i>Счастье</i>	0.093	0.111	0.324	0.120	0.056	0.065	0.083	-	0.056	0.028	0.028	0.037
<i>Удивление</i>	0.113	0.123	0.113	0.142	0.170	0.112	0.085	0.009	0.066	0.009	0.038	0.019
<i>Восхищение</i>	0.140	0.075	0.224	0.140	0.150	0.084	0.047	0.009	0.075	-	0.037	0.019
<i>Жалость</i>	0.078	0.020	0.069	0.167	0.225	0.069	0.010	0.029	0.069	0.108	0.167	0.029
<i>Неловкость</i>	0.107	-	0.087	0.155	0.146	0.107	0.087	0.019	0.058	0.087	0.146	0.010

Таблица №3

Результаты опроса китайских респондентов

Цвет и эмоция	Красный	Оранжевый	Желтый	Зеленый	Синий	Фиолетовый	Розовый	Черный	Белый	Серый	Коричневый	Другой
<i>Грусть</i>	0.020	-	-	0.010	0.369	0.050	-	0.208	0.010	0.307	-	-
<i>Радость</i>	0.238	0.149	0.168	0.178	0.119	0.040	0.069	-	-	-	-	0.040
<i>Злость</i>	0.824	-	0.010	0.010	0.010	0.020	-	0.118	-	-	0.010	-
<i>Тревога</i>	0.040	0.030	0.110	0.070	0.130	0.130	-	0.120	0.020	0.290	0.060	-
<i>Агрессия</i>	0.370	0.020	0.040	0.040	0.050	0.050	-	0.310	0.010	0.050	0.020	0.040
<i>Любовь</i>	0.216	0.029	0.069	0.098	0.078	0.049	0.422	0.010	0.010	-	-	0.029
<i>Спокойствие</i>	0.010	-	0.019	0.173	0.500	-	-	0.010	0.231	0.010	0.029	0.019
<i>Страх</i>	0.183	-	0.029	0.010	0.019	0.038	-	-	0.019	0.077	0.029	-
<i>Оптимизм</i>	0.087	0.165	0.252	0.214	0.184	0.010	0.039	-	0.039	-	-	0.010
<i>Зависть</i>	0.267	0.050	0.069	0.069	0.030	0.257	0.020	0.109	0.020	0.059	0.030	0.020
<i>Расслабление</i>	0.010	0.019	0.096	0.365	0.288	0.048	-	-	0.144	-	-	0.029
<i>Счастье</i>	0.267	0.114	0.143	0.057	0.029	0.029	0.229	-	0.038	-	0.010	0.086

<i>Удивление</i>	0.139	0.059	0.317	0.059	0.099	0.119	0.030	0.040	0.069	0.010	0.050	0.010
<i>Восхищение</i>	0.317	0.030	0.188	0.079	0.089	0.079	0.069	-	0.040	0.010	-	0.099
<i>Жалость</i>	0.020	0.020	0.109	0.089	0.238	0.059	0.040	0.040	0.119	0.188	0.050	0.030
<i>Неловкость</i>	0.089	0.020	0.040	0.119	0.050	0.030	0.010	0.149	0.198	0.228	0.050	0.020

По результатам эксперимента у носителей русской лингвокультуры синий в большей мере ассоциировался с шестью эмоциями (*тревога, спокойствие, расслабление, удивление, восхищение, жалость*), а желтый – с тремя эмоциями (*радость, оптимизм, счастье*). У носителей китайской лингвокультуры красный цвет ассоциируется с шестью эмоциями (*радость, злость, агрессия, зависть, счастье, восхищение*), а синий – с тремя эмоциями (*грусть, спокойствие, жалость*). Этот результат согласуется с культурными особенностями двух стран. Синий цвет имеет важное символическое значение в русской культуре – доброты, верности, постоянства, расположения, целомудрия, честности, доброй славы и верности. Средняя часть российского государственного флага также синего цвета. В Китае красный – самый важный цвет, символизирующий солнце, жизнь, любовь, радость, успех, свадьбу и кровь [吉璐瑶 2021]. На традиционных китайских свадьбах жених и невеста одеты в красные платья, на Новый год китайцы надевают красную одежду, наклеивают красные иероглифы «福 (благополучие)» на двери и окна и т.д. Государственный флаг Китая также красный, причем красный цвет национального флага даже называется «китайский красный».

Таблица №4

Сравнение результатов направленного ассоциативного эксперимента

Типы эмоций в зависимости от цветообозначений	На русском языке	На китайском языке
1 ведущий цвет	<i>Злость</i> – красный (63.1%) <i>Агрессия</i> – красный (51.5%) <i>Радость</i> – желтый (49.1%)	<i>Злость</i> – красный (82.4%)
2-3 ведущих цвета	<i>Любовь</i> – розовый (40.7%), красный (28.7%) <i>Спокойствие</i> – синий (38.9%), белый (25.9%), зеленый (13.9%); <i>Грусть</i> – серый (38.7%), синий (30.2%) <i>Расслабление</i> – синий (31.5%), зеленый (21.3%), белый (14.8%) <i>Жалость</i> – синий (22.5%), зеленый (16.7%), коричневый (15,7%)	<i>Страх</i> – черный (59.6%), красный (18.3%). <i>Грусть</i> – синий (39.6%), серый (30.7%), черный (20.8%); <i>Агрессия</i> – красный (37%), черный (31%); <i>Любовь</i> – розовый (42.3%), красный (20.6%); <i>Спокойствие</i> – синий (49.1%), белый (23%), зеленый (17.3%); <i>Восхищение</i> – красный (31.7%), желтый (18.8%).

<p>4-5 ведущих цветов</p>	<p>Страх – черный (29.1%), серый (13.6%), синий (13.6%), коричневый (11.7%) Оптимизм – желтый (31.4%), зеленый (21.9), оранжевый (16.2%), синий (11.4%) Восхищение – желтый (22.4%), синий (15%), красный (14%), зеленый (14%) Счастье – желтый (32.4%), зеленый (12%), оранжевый (11.1%), красный (9.3%), розовый (8.3%)</p>	<p>Радость – красный (23.8%), зеленый (17.8%), желтый (16.8%), оранжевый (14.9%), синий (11.9%); Тревога – серый (29%), фиолетовый (13%), синий (13%), черный (12%), желтый (11%); Оптимизм – желтый (25.2%), зеленый (21.1%), синий (18.3%), оранжевый (16.3%); Зависть – красный (26.7%), фиолетовый (25.7%); Расслабление – зеленый (36.5%), синий (28.8%), белый (14.4%), желтый (9.6%); Счастье – красный (26.7%), розовый (22.9%), желтый (14.3%), оранжевый (11.4%); Удивление – желтый (31.7%), красный (13.9%), фиолетовый (11.9%), синий (9.9%); Жалость – синий (23.8%), серый (18.8%), белый (11.9%), желтый (10.9%), зеленый (8.9%); Неловкость – серый (22.8%), белый (19.8%), черный (14.9%), зеленый (11.9%), красный (8.9%).</p>
<p>Более 5 ведущих цветов</p>	<p>Тревога – синий (15.5%), фиолетовый (14.6%), серый (12.6%), оранжевый (11.7%), красный (10.7%), зеленый (8.7%), желтый (8.7%), черный (7.8%), коричневый (6.8%) Зависть – красный (19.4%), фиолетовый (13.6%), коричневый (11.7%), синий (11.7%), черный (9.7%), серый (8.7%), красный (8.7%) Удивление – синий (16.8%), зеленый (14%), красный (12.1%), желтый (12.1%), оранжевый (11.2%), фиолетовый (11.2%), розовый (8.4%), белый (6.5%) Неловкость – зеленый (15.5%), коричневый (14.6%), синий (14.6%), красный (10.7%), фиолетовый (10.7%), розовый (8.7%), желтый (8.7%), серый (8.7%), белый (5.8%)</p>	

Таким образом, мы видим, что в каждой культуре есть эмоции с устойчивой связью с определенным цветообозначением. Часть этих эмоций совпадает в двух культурах. Например, **злость** в обеих культурах имеет преимущественную связь с **красным цветом** (кит. – 82.4% / рус. – 63.1%), **агрессия** – **красный** (кит. – 37% / рус. – 51.5%), **любовь** – **розовый** (кит. – 42.3% / рус. – 40.7%), **спокойствие** – **синий** (кит. – 49.1% / рус. – 38.9%), **страх** – **черный** (кит. – 59.6% / рус. – 29.1%), **оптимизм** – **желтый** (кит. – 25.2% / рус. – 31.4%) и **жалость** – **синий** (кит. – 23.8% / рус. – 22.5%). При анализе следует учитывать и процентное соотношение. Так, эмоцию «**страх**» носители обеих лингвокультур связывают с черным цветом, но есть большая разница в процентах.

Таблица №5

Процентное соотношение связи эмоций и цветообозначений в китайской и русской лингвокультурах

	Русский	Китайский
радость	<i>желтый 49.1%</i>	<i>желтый 16.8%</i>
	<i>красный 13%</i>	<i>красный 23.8%</i>
зависть	<i>зеленый 19.4%</i>	<i>зеленый 6.9%</i>
	<i>красный 8.7%</i>	<i>красный 26.7%</i>
счастье	<i>желтый 27.8%</i>	<i>желтый 14.3%</i>
	<i>красный 9.3%</i>	<i>красный 26.7%</i>
удивление	<i>синий 16.8%</i>	<i>синий 9.9%</i>
	<i>желтый 12.1%</i>	<i>желтый 29.7%</i>
восхищение	<i>синий 22.4%</i>	<i>синий 8.9%</i>
	<i>красный 14%</i>	<i>красный 31.7%</i>
неловкость	<i>серый 8.7%</i>	<i>серый 22.8%</i>
тревога	<i>серый 12.6%</i>	<i>серый 29%</i>

Мы видим, что данные, относящиеся к красному цвету, наиболее ярко демонстрируют разницу между культурами.

Выводы

Результаты проведенного эксперимента показали, что в исследуемых лингвокультурах есть как общее, так и отличное. Во-первых, в обеих лингвокультурах теплый тон и белый цвет в средних тонах обычно ассоциируется с положительными эмоциями, а холодный тон, серый и фиолетовый в средних тонах обычно ассоциируются с отрицательными эмоциями. Черное и белое являются полной противоположностью.

Во-вторых, многие респонденты из обеих лингвокультур на одну эмоцию реагировали двумя, тремя и даже большим количеством цветов. Это может быть связано как со спецификой национальной культуры, так и личными эмоциями.

В-третьих, самая большая разница связана с тремя цветами – красным, синим и желтым при их соотношении с эмоциями, причина этой разницы, на наш взгляд, кроется в особенностях культуры.

В целом результаты эксперимента согласуются с культурными различиями двух стран. Полученные материалы могут быть использованы в подобных исследованиях, при подготовке курсов и спецкурсов по межкультурной коммуникации, психолингвистике, теории цвета, маркетингу и др.

Литература

Бочкарев А.Е. О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании // Вестн. Новосиб. гос. унта. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2017. Т. 15, № 4. С. 43–51.

Влавацкая М.В. Синтагматика в психолингвистике (парадигматический аспект) // *Lingua mobilis*. 2012. №1 (34). С. 26.

Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти томах // Проблемы общей психологии / Под ред. В.В. Давыдова. Москва: Педагогика, 1982. С. 504 с.

Грибер Ю.А., Йонаускайте Д., Мор К. Цвета эмоций: экспериментальное исследование ассоциативных связей в современном русском языке // *Litera*. 2019. №1.

Мазлумянова Н.Я., Леонтьев А.А. Основы психолингвистики // Социологический журнал. 1998. Москва: Смысл, 1997, №3–4. С. 287.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. Москва, 1993, №1 (27).

吉璐瑶 颜色词“红色”在中俄文化背景下的含义和象征意义—以俄汉成语谚语为例 // *语言文学研究* 2021. [Цзи Луяо Значение и символика цветообозначений “красный” в контексте китайской и русской культур на примере русско-китайских идиом и пословиц // Изучение языка и литературы, 2021].

Сведения об авторах:

Чжан Ди – аспирант кафедры «Русский язык как иностранный», Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

Контактная информация:

454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76

ORCID: 0000-0001-9329-3284

email: wjssl9167@gmail.com

Для цитирования:

Чжан Ди. Связь между словами-цветообозначениями и эмотивной лексикой: сопоставительный аспект // Вопросы психолингвистики. №2(60), 2024. С. 130–138, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-130-138

UDC 81'23

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-130-138

Research article

THE RELATIONSHIP BETWEEN COLOR TERMS AND EMOTIVE VOCABULARY: A COMPARATIVE ASPECT

Zhang Di

South Ural State University (national research university),
Chelyabinsk, Russia

Abstract

The purpose of the article is to fix the connection between color terms and emotive vocabulary, to describe the results of the directed association experiment. In the article,

we demanded the respondents to write down color terms related to the emotions (*sadness, pleasure, anger, anxiety, aggression, love, calmness, fear, optimism, envy, relaxation, happiness, astonishment, delight, pity, embarrassment*). The comparison of the results obtained made it possible to determine the correlation between emotions and color in the linguistic consciousness of speakers of Russian and Chinese linguistic cultures. The experiment involved 100 people of each linguistic culture (aged 18-40). The results showed similarities and differences between colors and emotions.

Keywords: emotions, colors terms, association experiment, languages and cultures, language awareness

© Zhang Di, 2024

Bionotes:

Zhang Di – graduate student of the Department “Russian as a Foreign Language”, South Ural State University (national research university)

Contact information:

Prospekt Lenina, 76, Chelyabinsk, Russia, 454080

ORCID: 0000-0001-9329-3284

email: wjsl9167@gmail.com

For citation:

Zhang Di. The relationship between color terms and emotive vocabulary: a comparative aspect // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 130–138. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-130-138 (In Russian)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КАФЕДРЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ЮГО-ЗАПАДНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (Курская группа психолингвистики)

Мягкова Елена Юрьевна

доктор филологических наук, профессор
кафедры теории языка, перевода и французской филологии
Тверского государственного университета
Myagkova.EY@tversu.ru

В основе исследований Курской группы психолингвистики лежит интерес к тому, что стоит за словом в сознании носителя языка, обусловленный, прежде всего, необходимостью решения практических задач, стоящих перед преподавателями иностранного языка. Конкретные задачи исследования определяются «особенностями образовательной среды в Юго-Западном государственном университете, в частности, работой с иностранными студентами – представителями различных культур, а также разнообразными программами дополнительного образования» [Мягкова 2021: 285]. За последние годы в сферу интереса преподавателей кафедры иностранных языков ЮЗГУ вошли особенности представления носителей русского о России, школе, университете, учителе, преподавателе. К настоящему времени собраны обширные экспериментальные данные, анализ и обсуждение которых представляются в статьях, а также в выходящей в этом году коллективной монографии, речь о которой пойдет ниже. Продолжаются изыскания и в области изучения причин, специфики и последствий функциональной неграмотности, при этом каждый из исследователей продолжает разрабатывать область своего конкретного интереса. Так, Е.А. Таныгина продолжает экспериментальные исследования внутренних образов, стоящих за словами-цветообозначениями [Таныгина 2022; 2023], в то же время привлекает коллег и изучение образов школы и университета в сознании носителей русского языка [Таныгина и др. 2020; Таныгина, Никитенкова 2020]. И.А. Толмачева разрабатывает проблемы билингвизма и полилингвизма [Толмачева 2020]. В фокусе исследований А.В. Павловой находятся вопросы, связанные с изучением реализации стратегий вежливости на примере речевых актов, а также изучение особенностей овладения прагмалингвистической компетенцией у искусственных билингвов. Т.В. Кружилина занимается изысканиями в области понимания текста, а также связанными с этим проблемами метаязыковой способности и функциональной неграмотности [Кружилина 2021; 2022а; 2022б; 2022в]. Ежегодно в университете проводится студенческая конференция, на которой, как правило, представлены доклады студентов, выполненные в русле психолингвистики (под руководством преподавателей кафедры иностранных языков).

В 2023 г. сотрудниками кафедры иностранных языков подготовлена к печати коллективная монография «Трансформация образа России в сознании современной молодежи на рубеже смены социокультурной парадигмы», в число авторов которой вошли члены группы психолингвистики А.В. Анненкова, Е.А. Таныгина,

Р.В. Попадинец и А.В. Сороколетова. В монографии в рамках междисциплинарных исследований изучаются изменения, которые происходят в представлениях современной молодежи о России. Многокомпонентный образ России выстраивается в рамках лингвофилософского, логического, психолингвистического, историко-культурного подходов с использованием, наряду с традиционными общенаучными методами, широкого набора психолингвистических методик (ассоциативный эксперимент, метод семантического дифференциала, субъективного шкалирования и пр.). Исследование выполнено при поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31248.

Литература

Кружилина Т.В. Метаязыковая способность в онтогенезе в контексте функциональной неграмотности // Функциональная неграмотность как объект психолингвистики: Коллективная монография / Под редакцией В.А. Пищальниковой. М.: Р.Валент, 2022а. С. 155–179.

Кружилина Т.В. Лингвоантропологический подход к анализу процесса порождения внутренних смыслов // Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм: Сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Омск, 20–22 сентября 2022 года / Отв. редактор О.В. Золтнер. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022. С. 178–183.

Кружилина Т.В. Метаязыковая способность: прививка от функциональной неграмотности // Этнопсихолингвистика, 2022в. № 4(11). С. 66–79.

Кружилина Т.В. От понимания – к постижению: обзор современных психолингвистических исследований, посвященных пониманию текста // Слово и текст: психолингвистический подход. Вып. 20. Тверь: ТвГУ, 2021. С. 57–65.

Кружилина Т.В. Функциональная неграмотность: вопросы или ответы? // Российская психолингвистика: итоги и перспективы: Материалы XX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 27–28 мая 2022 года. М.: РУДН, 2022б. С. 174–175.

Павлова А.В., Голощапова М.В. К вопросу о стратегиях вежливости в дискурсе искусственных билингов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. №5. С. 102–111.

Таныгина Е.А. Экспериментальное исследование образа цветообозначения *оранжевый* в сознании носителей русской культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика, 2022. Т. 12, № 2. С. 89–106.

Таныгина Е.А. Экспериментальное исследование образа цветообозначения *синий* в языковом сознании носителей русской культуры // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика, 2023. Т. 13, № 1. С. 80–97.

Таныгина Е.А., Нефедов Н.Г., Рубцов Н.Ю. Образ современной школы в сознании русскоязычных студентов // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. научных статей VIII Международной научно-практической конференции. Курск, 2020. С. 412–416.

Таныгина Е.А., Никитенкова Т.С. Образ университета, стоящий за словами *образование, ВУЗ, университет* в сознании современных студентов // Вестник

Тверского государственного университета. Сер. «Филология», 2020. № 4 (67). С. 87–97.

Толмачева И.А. Билингвизм в современной коммуникации // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сборник научных статей VIII Международной научно-практической конференции, Курск, 15 мая 2020 года. Курск: ЮЗГУ, 2020. С. 430–433.

Трансформация образа России в сознании современной молодежи на рубеже смены социокультурной парадигмы: монография / А.В. Анненкова, Е.А. Таныгина, О.А. Андреева, Р.В. Попадинец, Л.В. Левина, А.В. Сороколетова. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2023. 232 с.

НАУЧАЯ ЖИЗНЬ

II Всероссийская конференция с международным участием «ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ (ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ)» Москва, 8-10 апреля 2024

В рамках «Недели медицинского образования 2024» с 8 по 11 апреля 2024 г. состоялась II Всероссийская конференция с международным участием "Язык, сознание, коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности)". Всю организационную работу взял на себя Институт лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского университета, а соучредителями конференции выступили Филологический факультет МГУ, Донецкий государственный университет и Научно-образовательный центр межкультурных исследований имени А.А. Леонтьева. Конференция прошла в смешанном формате. В работе конференции приняли участие ученые из России, Армении, Белоруссии, Киргизии, Узбекистана, Казахстана, Италии, Китая, Ирака, Шри-Ланки, представлявшие более 80 вузов, государственных и негосударственных научных, образовательных и экспертных организаций. Всего за четыре дня работы было прослушано 164 доклада. Конференцию открыла по поручению сопредседателя Программного комитета, проректора по учебной работе Первого МГМУ им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет) Т.М. Литвиновой, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского университета, профессор И.Ю. Марковина, отметившая интересную и актуальную тематику конференции в целом и отдельных секций и круглых столов, и председатель Оргкомитета конференции профессор филологического факультета МГУ, руководитель НОЦ межкультурных исследований Н.В. Уфимцева.

Прозвучали также приветственные слова ректора Донецкого национального университета С.В. Беспаловой, декана филологического факультета МГУ профессора А.А. Липгарта, подчеркнувшего, что такая представительная конференция свидетельствует о тесном сотрудничестве между специалистами, работающими в разных областях знания: лингвистики, психолингвистики, психологии, методики и педагогики, вузовского образования, IT-технологий и других.

На психолингвистическом форуме обсуждался широкий круг теоретических, экспериментальных и практических проблем изучения и функционирования языка, сознания, коммуникативных практик в поликультурном и полиязыковом пространстве современного мира.

На пленарном заседании ведущие отечественные ученые представили доклады по актуальным проблемам современной психолингвистики. Так, доклад доктора филологических наук, главного научного сотрудника сектора русского языка в Сибири Института филологии И.В. Шапошниковой был посвящен вопросу о функциональной целостности языковой личности; соотношение языковой и этнической идентификации были в центре внимания Теркулова В.И., профессора Донецкого государственного университета. Языковую безопасность и глобалистскую стандартизацию знания обсуждала в своем докладе Кирилина А.В. Особенности смыслового восприятия информации коммуникантами нового типа поделилась Пешкова Н.П., профессор Уфимского университета науки и технологий. Психофизиологическое исследование влияния медиаконтента различной модальности на показатели функционального

состояния человека анализировались в докладе профессора Потаповой Р.К., доктора филологических наук Потапова В.В., Каримовой Е.Д. (Московский государственный лингвистический университет). Внутренний метаязык, эмоции и функциональная неграмотность были в центре внимания профессора Тверского государственного университета Мягковой Е.Ю. Завершил пленарное заседание доклад профессора МГУ Н.В. Уфимцевой, который был посвящен новым направлениям исследований в ТРД.

На конференции в онлайн формате работало 7 секций и 2 круглых стола, а также секция в смешанном формате на платформе Мосполитеха «Цифровые технологии в социокультурной сфере» (руководитель профессор Ю.Н. Филиппович) и секция «Языковой капитал как социально-психологический регулятор глобализированного мира» на базе Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН) РАН, которая проходила в очном формате (руководитель кандидат филологических наук М.Б. Раренко).

В первый день конференции приступил к работе сателлитный симпозиум «Преподавание родного и иностранного языков: теоретические, экспериментальные и методические аспекты», а также секция «Проблемы этнопсихолингвистики», которые продолжили свою работу на следующий день.

Проблематика второго дня работы конференции касалась широкого круга вопросов, работали сателлитный симпозиум «Преподавание родного и иностранных языков: теоретические, экспериментальные и методические аспекты» и 6 секций: «Проблемы этнопсихолингвистики», «Новые методы анализа речевых практик: цифровая реальность», «Новые методы анализа речевых практик: цифровая реальность», «Языковое и неязыковое сознание», «Языковой капитал как социально-психологический регулятор глобализированного мира», «Цифровые технологии в социокультурной сфере». На заседаниях секций и симпозиума обсуждались такие вопросы, как новые подходы к обучению иностранным языкам в контексте трансформации медицинского образования; особенности педагогической коммуникации в иранской аудитории; иностранный язык в неязыковом вузе: новый контекст, новые задачи. Поднимались вопросы этнокультурной специфики языкового сознания билингов и монолингов (на материале экспериментальных данных), оценивался опыт подхода для оценки сформированности эмоциональной сферы детей с типичным и атипичным развитием с использованием методов искусственного интеллекта и др.

В третий день конференции работали 3 секции: «Ассоциативная лексикография», «Психолингвистические проблемы речевого общения и речевого воздействия», «Психолингвистические проблемы анализа текста», а также круглый стол «Россия – образ будущего: социокультурная русификация, дерусификация, рерусификация».

В четвертый день конференции на заключительном пленарном заседании был представлен совместный доклад директора Института лингвистики и межкультурной коммуникации Сеченовского университета, профессора И.Ю. Марковиной и доцента Института А.А. Матюшина, посвященный изучению взаимных представлений русских и вьетнамцев в языке и культуре (международное исследование поддержано грантом РФФИ). Завершая конференцию, выступил старейшина Московской психолингвистической школы, доктор филологических наук, профессор Е.Ф. Тарасов. Тема доклада касалась проблемы симулятивного текста.

Итоги работы конференции подвела председатель Оргкомитета Н.В. Уфимцева.

В заключение отметим, что гуманитарные науки, в том числе лингвистика и психолингвистика, сегодня имеют особое значение для системы высшего образования, независимо от профиля. Из актуальной потребности современного общества возникла необходимость в гуманитарном знании при подготовке специалистов любого профессионального направления. Участники конференции выражают благодарность руководству Сеченовского университета, которое всесторонне поддерживает организацию и проведение таких крупных лингвистических форумов, как II Всероссийская конференция с международным участием «Язык, сознание, коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности)».

По материалам конференции подготовлен и вышел из печати сборник научных статей.

Кравцова В.В.

Старший преподаватель
Института лингвистики и межкультурной коммуникации,
Сеченовский университет

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОЛИГЛОТИЯ»:
НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ – 2024**

Никуличева Дина Борисовна

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

8 апреля 2024 г. в рамках Второй международной конференции «Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности)» состоялся ставший традиционным Круглый стол, посвященный проблемам психолингвистического изучения полиглотии. По традиции на него приглашается в качестве ключевого докладчика один из ведущих зарубежных специалистов в этой области.

В этом году таким приглашенным докладчиком стала **Клаудия Пеллегрини** (Claudia Pellegrini) – исследовательница из Италии (г. Мерано), защитившая в 2020 году в Университете Леопольда Францена в Инсбруке (Австрия) диссертацию по теме «Поддержание языков мультилингвами. Анализ с точки зрения динамической модели мультилингвизма». Результатам этого исследования и был посвящен ее доклад на Круглом столе.

Другими приглашенными докладчиками на круглом столе были такие полиглоты – и одновременно исследователи феномена полиглотии, – как **Григорий Александрович Казаков** (МГИМО МИД РФ) и **Ян Вячеславович Алешкевич-Суслов** (МГУ), модератором выступала автор книг по исследованию лингвистических стратегий полиглотов **Дина Борисовна Никуличева** (ИЯз РАН).

Формат Круглого стола позволяет не ограничиваться жесткими временными рамками регламента секционных докладов и дает широкие возможности профессиональной дискуссии. Поэтому – вместо запланированных двух часов – проходивший он-лайн Круглый стол занял почти три с половиной часа, и за эту предоставленную возможность его участники выражают благодарность организаторам конференции и техподдержке мероприятия.

Клаудия Пеллегрини в докладе *Language Maintenance in Multilinguals from a Dynamic Model of Multilingualism Perspective. Research Results* подняла вопрос о соотношении полиглотии и мультилингвизма и отметила разные подходы к их разграничению. Среди двух основных был и назван мотивационный: «полиглоты уделяют время изучению языков, которые не используют для практических целей» (spend their time studying languages they do not need for everyday practical purposes) [Pavlenko 2015] и онтологический, противопоставляющий естественный и приобретенный мультилингвизм: “polyglots as individuals who know multiple languages as a result of consciously learning them, and multilinguals, those who can speak several languages thanks to having assimilated them uncounsciously in a multilingual environment” [Kazakov 2016: 135]. Подчеркивалась также приверженность полиглотов изучению языков на протяжении всей жизни и самостоятельность изучения ими языков: «A polyglot is an experienced, autonomous learner of many languages who is characterized by a life-

long passion for language learning and an enhanced multilingual awareness» [Pellegrini 2020]. Хотя докладчик высказалась в пользу использования более широкого термина мультилингвизм, как «более нейтрального в отношении уровня владения языками и количества языков», в своем исследовании она опиралась на количественный критерий. Так, в ее анкетировании по способам поддержания выученных языков приняли участие люди, владеющие семью и более языками вплоть до более, чем пятьюдесятью.

Несомненной заслугой исследователя стало введение в научный оборот таких терминов, как *language maintenance effort* (LME) «усилия по поддержанию языков» и *smart language orchestration* (SLO) «эффективное оркестрирование языками» как эмерджентное качество (a new emergent property) высокой языковой компетентности полиглотов.

Важнейшими выводами стали наблюдения о том что: •время, затрачиваемое всеми респондентами на поддержание языков, выше, чем время, затраченное на их изучение; •для поддержания языков разных языковых семей и разной типологии могут использоваться неодинаковые стратегии; •наиболее эффективными для поддержания языков оказываются короткие, но регулярные занятия каждым из языков: «manageable units which can easily be fit in busy time schedules»; •чем выше уровень владения тем или иным языком и его практическое использование, тем ниже усилия по его поддержанию.

Доклад вызвал оживленное обсуждение. В частности, обсуждались возрастные особенности в поддержании языков. На примере возрастных полиглотов докладчик показала, что чем старше полиглоты, тем они более склонны уделять внимание тренировке переключения языковых кодов.

Другим важным вопросом обсуждения был вопрос, заданный Д.Б. Никуличевой: «Надо ли включать в определение полиглотики использование полиглотами индивидуальных стратегий?». Результат обсуждения привел участников к выводу, сформулированному Яном Алешкевич-Сусловым, что – при узком понимании – стратегии каждого полиглота разнятся в зависимости от его перцептивных особенностей: «every polyglot should tailor language learning for himself», однако – при широком понимании стратегий – для всех полиглотов характерны такие общие когнитивные особенности, как страсть к изучению языков, самостоятельность занятий, самодисциплина, целеустремленность, трудолюбие и эффективное управление временем. Г.А. Казаков отметил, что наблюдения К. Пеллегрини о том, что «чем выше уровень владения тем или иным языком, тем ниже усилия по его поддержанию» подтверждаются результатами нейрофизиологического исследования [Jouravlev et al 2021], которое показало меньшую активацию (а значит, большую эффективность) мозга полиглотов при обработке изучаемых языков по сравнению с контрольной группой обычных учащихся.

Григорий Александрович Казаков выступил с докладом «*Полиглотия и психология спорта: волевые аспекты*», продолжающим исследовательский проект по сопоставлению когнитивных навыков полиглотов со стратегиями выдающихся представителей других видов деятельности [Казаков 2023]. Докладчик подчеркнул важность изучения экспертного поведения полиглотов так же, как это делается при изучении поведения наиболее успешных спортсменов [Ericsson, Charness 1994]. При всей общности когнитивных навыков в том и другом случае докладчиком было выявлено одно важнейшее различие: самостоятельность полиглотов в изучении языков в противоположность ведущей роли тренера для начинающих спортсменов.

Только на очень продвинутом этапе своей карьеры спортсмены начинают сами определять планы своих тренировок, тогда как полиглоты изначально ориентированы на автодидактические методы.

Доклад побудил участников к обсуждению спортивных метафор, которые отмечались в транскриптах размышлений полиглотов (*think aloud protocols*) в процессе усвоения языков. К. Пеллегрини подчеркнула важность изучения экспертного поведения полиглотов для целей преподавания иностранных языков обычным учащимся, на что Д.Б. Никуличева заметила, что именно этой задаче и были посвящены обе ее книги из серии «Лингвистические и психологические стратегии полиглотов» [Никуличева 2009; Никуличева 2013], а К. Пеллегрини выразила сожаление, что эти книги не переведены на английский язык.

Дина Борисовна Никуличева представила доклад «*Выявление стратегий полиглотов в изучении древних языков*». На основании интервьюирования и сопоставительного анализа анкетирования четырех полиглотов, изучивших от двух до четырех древних языков, были выявлены следующие общие закономерности: •сильная внутренняя мотивация – интеллектуальная, эмоциональная и эстетическая; •набор языков варьировался для каждого респондента в зависимости от его интересов, однако освоение латыни на том или ином уровне указывалось всеми; •эффективность параллельного изучения современных и древних языков; •любимым древним языком для всех респондентов оказался тот, при изучении которого они почувствовали особенно интенсивный прогресс и применили собственные нестандартные стратегии; •всеми респондентами отмечалось сокращение сроков изучения последнего из выбранных ими древнего языка по сравнению с первым, а также •регулярность возвращения к этим языкам в режиме чтения; периодичность возвращений варьируется индивидуально от ежедневного чтения по 10-15 минут до ежегодного обращения к чтению в течение 2-3 месяцев.

В ходе обсуждения Я.В. Алешкевич-Суслов, который был одним из участников анкетирования, отметил, что за прошедший период он начал читать еще и на классическом иврите в дополнение к четырем указанным ранее древним языкам, используя, как и прежде, метод параллельных текстов и оживляя звучание древних текстов за счет чтения вслух. Он также подчеркнул принципиальную роль, которую знание древнецерковнославянского языка сыграло в освоении им современных славянских языков. Было высказано пожелание, чтобы в будущем в анкетировании также приняли участие зарубежные полиглоты.

Ян Вячеславович Алешкевич-Суслов в своем докладе «*Связь полиглотии и языка мышления: процесс усвоения полиглотами новых грамматических конструкций*» поднял вопрос о соотношении универсальной грамматики и грамматики конструкций в усвоении полиглотами грамматических явлений. Цель исследования состоит в том, чтобы выяснить, какая модель – ментальной грамматики («*mentalese*» по Дж. Поссерту [Possert 2016]) или грамматика конструкций [Hoffman, Trousdale 2013] – лучше всего описывает способ преодоления полиглотами зависимости от родного языка при изучении нового языка. Концепция ментализ предполагает, что все грамматические понятия уже существуют и только требуют настройки, и что полиглоты овладевают способностью быстро «настраивать» свой ментализ на новый язык. Грамматика конструкций предполагает, что полиглоты быстро овладевают умением соединять формы и значения в пары. В докладе были сформулированы задачи предстоящего исследования: составить анкету по методам усвоения грамматических явлений

полиглотами и проанализировать результаты, чтобы установить, какая из моделей лучше всего объясняет данные.

Основной вопрос при обсуждении доклада касался тех конкретных параметров, по которым докладчик планирует сравнивать процесс усвоения полиглотами грамматики незнакомых языков. Среди возможных пунктов были названы типы ассоциаций, аналогий, мнемонических приемов. Важная идея была высказана Г.А. Казаковым, предложившим в качестве материала для эксперимента использовать сборники лингвистических задач, издаваемые в МГУ. Испытуемым можно предложить короткий текст из подобного сборника и попросить прокомментировать грамматические явления. К. Пеллегрини предложила использовать транскрипты их размышлений вслух (think aloud protocols).

Заключительная часть дискуссии была посвящена важности разработки строгих экспериментальных методов исследования полиглотии. В частности, было предложено подумать над разработкой критериев, позволяющих верифицировать интуитивно ощущаемый многими полиглотами «пороговый барьер» в 7 языков, с достижением которого наступает более высокий уровень языковой компетенции. Также обсуждение коснулось перспектив нейрофизиологических исследований мозга полиглотов в процессе изучения, использования, поддержания языков и переключения языковых кодов.

Круглый стол позволил обсудить важные направления исследований в данной области и наметил их перспективы. Все участники высказали пожелание о продолжении сотрудничества в формате Круглых столов, а также в формате публикаций в общих изданиях.

Краткая информация о Круглом столе также была опубликована Г.А. Казаковым на сайте МГИМО МИД РФ.

© Никуличева Д.Б., 2024

Литература

Казаков Г.А. Когнитивные навыки полиглотов и шахматистов в сопоставительной перспективе // Трансформация медицинского образования в цифровую эпоху. М.: Сеченовский Университет, 2023

Казаков Г.А. Круглый стол по вопросам полиглотии. URL:<https://mgimo.ru/about/news/departments/rt-polyglot-08-04-24/> (дата обращения: 10.04.2024).

Никуличева Д.Б. Как найти свой путь к иностранным языкам. Лингвистические и психологические стратегии полиглотов. М.: Флинта-Наука, 2009.

Никуличева Д.Б. Как найти свой путь к иностранным языкам. Говорим, читаем, пишем. М.: Флинта, 2013.

Ericsson K., Charness N. Expert performance: its structure and acquisition // *American Psychologist*, 1994, vol. 49, no. 3

Jouravlev O., Mineroff Z., Blank I., Fedorenko E. The Small and Efficient Language Network of Polyglots and Hyper-polyglots Cerebral Cortex, Volume 31, Issue 1, January 2021, Pages 62–76, URL <https://academic.oup.com/cercor/article/31/1/62/5894999> (accessed: 10.04.2024).

Hoffman T., Trousdale G. The Oxford Handbook of Construction Grammar. University of London, 2013.

Kazakov G. Polyglottery as a science // The American Society of Geolinguistics, International Conference on Multilingual Proficiency: Language, Polyglossia and Polyglottery /ed. by W.H. Finke, L.R.N. Ashley. New York: Baruch College, 2016. P. 133–137.

Pavlenko A. The Dark Side of the Recent Polyglot Hype. Was Cleopatra a multilingual or a polyglot? 2015. URL: <https://www.psychologytoday.com/intl/blog/life-bilingual/201507/the-dark-side-the-recent-polyglot-hype> (accessed 10.04.2024)

Pellegrini C. What Polyglots Can Teach Us. Language Maintenance in Multilinguals from a Dynamic Model of Multilingualism Perspective. PhD Thesis. Innsbruck University. 2020. URL: <https://ulb-dok.uibk.ac.at/ulbtirolhs/content/titleinfo/5254162> (accessed 01.04.2024).

Possert J. Thinking in and beyond Language: On Linguistic Relativity and a Model of Conceptual Thought. Graz, 2016. 62 p.

Сведения об авторе:

Никуличева Дина Борисовна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН, проф. кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков МГЛУ

Контактная информация:

125009, Москва, Большой Кисловский пер, д.1, стр.1

119034, Москва, Остоженка, 38

ORCID: 0000-0002-9281-0726

e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Для цитирования:

Никуличева Д.Б. Круглый стол «Полиглотия»: направления исследований – 2024 // Вопросы психолингвистики. №2(60), 2024. С. 145–149, doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-145-149

UDC 81

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2024-60-2-145-149

Review article

**ROUND TABLE “POLYGLOTY”:
RESEARCH DIRECTIONS – 2024**

Dina B. Nikulicheva

Institute of linguistics, RAS, Moscow, Russia

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Bionotes:

Dina B. Nikulicheva – Doctor of Philology, chief researcher, Institute of linguistics, RAS, Professor of the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish languages at MSLU.

Contact information:

125009, Moscow, Bolshoy Kislovsky 1, bld.1

119034, Moscow, Ostozhenka, 38

ORCID: 0000-0002-9281-0726

e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

For citation:

Nikulicheva D.B. Round table “Polygloty”: Research directions – 2024 // Journal of Psycholinguistics. 2(60), 2024. P. 145–149. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2024-60-2-145-149 (In Russian)

Факультет иностранных языков и международной коммуникации

проводит

1–2 ноября 2024 года

Международную научно-практическую конференцию

«СЛОВО И ТЕКСТ: ПОИСКИ СМЫСЛА»,
посвященную памяти заслуженных деятелей науки РФ
А.А. Залевской и Г.И. Богина

Адрес проведения конференции: **170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33**

Начало работы конференции – 1 ноября 2024 года.

Завершение работы конференции – 2 ноября 2024 года.

Рабочие языки конференции – русский, английский.

К участию приглашаются ученые, преподаватели вузов и аспиранты.

Формат участия: очный, заочный.

Организационный взнос не предусмотрен.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ КОНФЕРЕНЦИИ

- Психолингвистические исследования слова и текста
- Психолингвистические проблемы овладения и пользования языком
- Взаимодействие языков и культур: психолингвистический подход
- Дискурсивный вектор в лингвистических исследованиях
- Текст в культуре: проблемы понимания
- Проблемы функциональной неграмотности
- Перевод и межкультурная коммуникация
- Актуальные вопросы лингводидактики и методики преподавания иностранных языков
- Проблема вопрошания в герменевтике
- Интерпретация как методологический принцип в разных видах деятельности
- Формирование герменевтических готовностей
- Герменевтические основания филологического образования
- Герменевтические ситуации понимания и непонимания в образовании
- Организация индивидуальной и коллективной мыследеятельности в герменевтических ситуациях

Программа конференции размещается не позднее 25 октября 2024 года на сайте факультета иностранных языков и международной коммуникации ТвГУ в новостной ленте и на Интернет-странице конференции в разделе «Наука → Конференции».

Материалы конференции будут опубликованы в электронном виде в очередных сборниках *«Слово и текст: поиски смысла»* (выпуск № 23) и

«Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты» (выпуск № 50) с постатейным размещением в РИНЦ.

Стоимость публикации – 150 рублей за страницу (расходы на редактирование и подготовку макета издания).

КЛЮЧЕВЫЕ ДАТЫ

Заявка на участие в конференции – до **22 сентября 2024 года**.

Материалы (статьи) для публикации – до **5 ноября 2024 года**.

РЕГИСТРАЦИЯ И ПОДАЧА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Регистрация на участие в конференции по ссылке:

<https://forms.yandex.ru/cloud/65d506f7068ff0490104f775/>

Электронный адрес для связи с оргкомитетом и отправки материалов для публикации: rgf-conference@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПУБЛИКАЦИИ

Объем текста: 5 полных страниц.

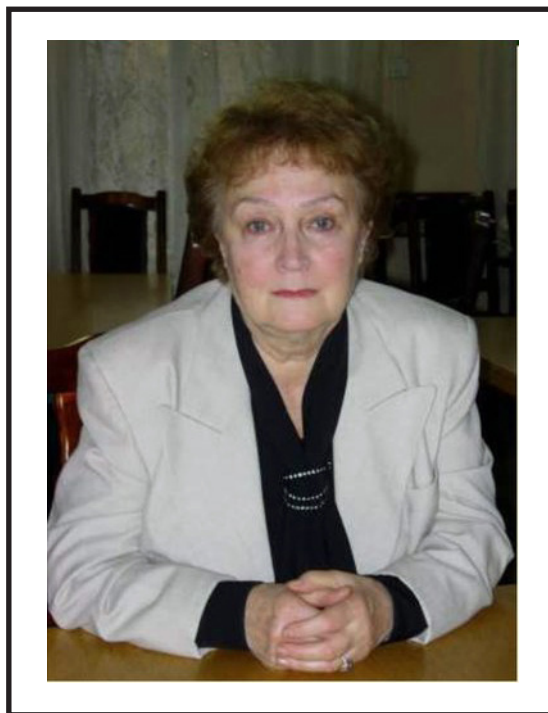
Поля: 2 см со всех сторон, ориентация книжная.

Основной текст – шрифт Times New Roman, кегль 14 пт., интервал одинарный, выравнивание по ширине, абзацный отступ 1,25. Список литературы, аннотации и ключевые слова на русском и английском языках – Times New Roman, кегль 12 пт.

Ссылки на литературу в тексте статьи – в квадратных скобках на номер в списке: [3: 25], перечисление источников: [2; 4; 6–8], при повторе: [цит. раб.: 15].

Список литературы – в виде НУМЕРОВАННОГО списка в алфавитном порядке сначала на русском языке, затем на иностранных языках с указанием издательства и количества страниц.

IN MEMORIAM

Ирина Алексеевна Зимняя
17.03.1931 – 04.04.2024

4 апреля от нас ушла Ирина Алексеевна Зимняя – выдающийся российский психолог и психолингвист, талантливый ученый и педагог, доктор психологических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшей школы РФ.

Ее научная деятельность была посвящена исследованиям в области психолингвистики, психологии речи, речевой деятельности, вербального общения, обучения родному и иностранному языкам, разработке лично-деятельностного подхода в школьном и вузовском образовании, теории и практике организации исследовательской деятельности в образовании. Особенно значимой в ее научном творчестве можно считать разработку оригинальной функционально-психологической схемы смыслопорождения и смыслового восприятия речевого сообщения и его модели. Введенный ею в психологию речи и психолингвистику термин «смысловое восприятие» речевого сообщения в настоящее время является одним из важных элементов теории этих наук.

Вместе с А.А. Леонтьевым она стояла у истоков новой науки – отечественной психолингвистики – теории речевой деятельности и много сделала для ее развития и становления.

Вечная и благая память!

Коллеги-психолингвисты

**МАГИСТЕРСКАЯ ПРОГРАММА
«ПСИХОЛИНГВИСТИКА»
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОВА**

Межфакультетская магистерская программа «Психоллингвистика» реализуется в рамках научно-образовательной школы «Когнитивные исследования и перспективные исследования мозга» совместно филологическим факультетом и факультетом психологии.

Программа направлена на углубленное изучение широкого спектра как теоретических, так и практических проблем в области изучения человека говорящего как субъекта языка, культуры, коммуникации. Магистрантам предлагаются курсы по разным направлениям современных исследований, актуальных в научном и социально-гуманитарном планах: изучение языкового сознания, языкового воздействия и манипулирования, коммуникативного поведения, культурно обусловленных особенностей коммуникации, психоллингвистического подхода к анализу текстов разных типов и жанров. Магистранты приобретают не только теоретические знания, но и практические навыки по применению лингвистических методов в исследованиях психического здоровья и проведению патоллингвистического анализа устной и письменной речи.

Выпускники программы владеют методиками коммуникативного и психоллингвистического анализа текста, дискурса, коммуникации и основами лингвистической экспертизы и компьютерных технологий в филологии. Будучи высококвалифицированными и многосторонними специалистами, они смогут проводить самостоятельные научные исследования. Полученные знания и умения позволят им осуществлять профессиональную деятельность в сфере PR, проводить квалифицированную экспертизу текстов и коммуникации (включая психоллингвистическое портретирование коммуникантов), разрабатывать рекомендации и методики по ведению межкультурной коммуникации на донациональном, национально-культурном, наднациональном уровнях, а также по адаптации инофонов.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Рукопись, набранная в формате Word, должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: editorial-vpl@yandex.ru. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Статья. Текст должен быть хорошо вычитан. Рукописи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

К рукописи, направляемой в редакцию, необходимо приложить сведения об авторах: ученая степень, ученое звание, должность и место работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адреса автора (авторов), код ORCID (авторам, у которых пока такого кода нет, рекомендуется его получить, зарегистрировавшись в ORCID: <http://orcid.org/>). Для статей, написанных в соавторстве, необходимо указать автора, с которым будет вестись переписка при рассмотрении рукописи редакцией. Название файла должно выглядеть следующим образом: Фамилия И.О._Сведения об авторе.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в ходе редакторской правки, должны решаться автором (авторами) в строго определенные редколлегией сроки, диктуемые планом издательства. Нарушение сроков ведет к отказу редакции допускать рукопись к опубликованию. Рабочие контакты с авторами осуществляются преимущественно посредством электронной почты, поскольку в редакции нет постоянного дежурства для приема телефонных звонков.

Авторы, предоставляющие рукописи в редакцию журнала «Вопросы психолингвистики», должны следовать Публикационной этике журнала (см. раздел Ответственность авторов). Рукописи, направленные в наш журнал для публикации, проходят обязательную проверку на плагиат текста через систему «Антиплагиат. Эксперт». При выявлении неправомерных заимствований, а также при низком коэффициенте оригинальности текста (<85%) рукопись отклоняется от публикации.

Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке. Приветствуется самостоятельная проверка оригинальности текста в системе «Антиплагиат. Эксперт» с предоставлением справки (в электронном формате) о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Все рукописи, поступающие в журнал, в обязательном порядке проходят процесс рецензирования.

Рукопись может быть отклонена редактором на этапе, предшествующем рецензированию, если для этого имеется веская причина (тематика статьи не соответствует тематике журнала; рассматриваемая статья очевидно низкого научного качества или содержит большое количество ошибок и опечаток; в представленных материалах выявлено принципиальное противоречие этическим принципам, которых должны придерживаться авторы (см. Публикационная этика журнала, раздел Ответственность авторов).

Все поступающие рукописи, не отклоненные по вышеизложенным причинам на первом этапе рассмотрения, направляются по профилю научного исследования на рецензию одному из членов Редакционного совета или независимому эксперту по рекомендации члена Редакционной коллегии. К рецензированию не привлекаются специалисты, работающие в том же научно-исследовательском учреждении или высшем учебном заведении, где выполнена работа. В редакции принято одностороннее «слепое» рецензирование – редакторы не раскрывают авторам фамилии рецензентов. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

Средний срок рецензирования составляет 2 месяца, в зависимости от загруженности экспертов. По итогам рассмотрения рукописи рецензент даёт обоснованные рекомендации о возможности публикации статьи:

- 1 - Принять без изменений.
- 2 - Принять после внесения незначительных изменений в соответствии с комментариями рецензента (повторная рецензия не требуется).
- 3 - Принять после внесения существенных изменений в соответствии с комментариями рецензента (требуется повторная рецензия).
- 4 - Отклонить. Комментарии, содержащиеся в рецензии, свидетельствуют о низком уровне статьи и невозможности ее доработки до приемлемого уровня.
- 5 - Отклонить. Статья не соответствует профилю журнала. Может быть рекомендована для публикации в научном издании другого профиля/другой тематики.

Результаты рецензирования направляются автору по электронной почте по адресу, указанному в статье, если иной не оговорен самим автором.

Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то статью направляют автору на доработку. В этом случае датой поступления в редакцию считается дата возвращения доработанной статьи. Доработка статьи не должна занимать более 2 месяцев с момента отправки электронного сообщения авторам о необходимости внесения изменений.

В случае несогласия с выводами рецензента автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала. Статья может быть направлена на повторное рецензирование либо на согласование в редакционную коллегию. В случае отказа авторов от доработки материалов им следует в письменной или устной форме уведомить редакцию об отзыве статьи с рассмотрения.

Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором, а при необходимости – редколлекгией в целом.

В случае положительного заключения главный редактор журнала определяет очередность публикаций в зависимости от тематики номеров журнала. После принятия редколлекгией журнала решения о допуске статьи к публикации редакция информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.
Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.
Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Индексируется в КиберЛенинка, Google Scholar, ERIH PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.
Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс 37152 «Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы»; www.ppressa-rf.ru, www.akc.ru

Адрес редакции: 129075, Москва, ул. Новомосковская 15А стр. 1
119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ)

© Московский государственный университет, 2024
© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2024
© Авторы, 2024

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)
DOI: 10.30982/2077-5911

Moscow, 2024
© Lomonosov State University, 2024
© Moscow International Academy, 2024
© Authors, 2024

Подписано в печать 28.06.2024. Формат 70x100/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,7. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru